

Российская ассоциация  
международных исследований (РАМИ)



**Материалы IX Конвента РАМИ**

**200 ЛЕТ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЕ:  
ПРОЕКТ И ПРАКТИКА  
ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ**

27–28 октября 2015 г.  
МГИМО–Университет

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ  
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)»

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ  
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (РАМИ)

200 ЛЕТ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЕ:  
ПРОЕКТ И ПРАКТИКА  
ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Материалы  
IX Конвента РАМИ

(Москва, 27–28 октября 2015 г.)

Под редакцией *A.B. Ревякина*

Издательство  
«МГИМО-Университет»  
2016

УДК 930  
ББК 66.4  
Д23

РАМИ не несет ответственности за содержание статей. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ. Со всеми материалами IX Конвента можно ознакомиться на сайте Ассоциации [www.risa.ru](http://www.risa.ru).

- 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии** : материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Ревякина / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). — М. : МГИМО-Университет, 2016. — 207, [2] с.

ISBN 978-5-9228-1569-7

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и участниками секций IX Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 930  
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1569-7

© МГИМО МИД России, 2016

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие редактора</i> .....	4
<b>A.B. Ревякин.</b> Венская система в современной отечественной историографии .....	6
<b>E.B. Романова.</b> «Европейский концерт» в зеркале британских и американских исследований XX в. ....	41
<b>M.A. Петрова.</b> Опыт разрешения церемониальных конфликтов до принятия Венского регламента 1815 г. (по материалам российской дипломатической переписки).....	65
<b>H.A. Могилевский.</b> Австрия между Францией и Россией в 1813 г.: от союза с Наполеоном к Четверному союзу .....	77
<b>H.YO. Васильева.</b> Неаполитанская дилемма Венского конгресса.....	95
<b>E.P. Кудрявцева.</b> Восточный вопрос в годы Венской системы международных отношений.....	112
<b>M. Rendall.</b> Cosmopolitanism and Russian Near Eastern Policy, 1821-41: Debunking a Historical Canard .....	127
<b>I.B. Игнатченко.</b> Июльская монархия в Венской системе международных отношений (1830-1848 гг.): идеология и политика .....	150
<b>H.P. Таньшина.</b> Венская система: национальные партитуры в «европейском концерте» (к вопросу о соотношении национальных интересов и коллективной безопасности).....	175
<b>D.M. Володихин.</b> Консервативные ценности Венской системы международной безопасности.....	189
<b>D.YO. Ковалева.</b> Бельгийский нейтралитет как фактор стабильности Венской системы .....	197
<i>Сведения об авторах</i> .....	209

## ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Венский конгресс 1814-1815 гг. занимает в европейской и мировой истории исключительное место. Он учредил систему международных отношений, опиравшуюся на тщательно выверенный баланс сил основных держав. Он создал также эффективный механизм поддержания политического равновесия – союз великих держав, которые с прекращением между ними союзных отношений составили знаменитый «концерт держав». В результате творцы Венской системы добились того, что на практике оказалось не по силам ни прежним, ни будущим поколениям государственных деятелей и дипломатов, – на целое столетие, беспрецедентно продолжительный срок, Европа была ограждена от затяжных и разрушительных войн, подобных тем, что ей довелось пережить на рубеже XVIII-XIX вв. и в 1914-1918 гг.

200-летию Венского конгресса и основанной им системы международных отношений была посвящена работа одной из секций IX Конвента РАМИ. В ней приняли участие как опытные специалисты, так и начинающие исследователи известных высших учебных и научных учреждений Москвы – МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, а также Российского института стратегических исследований (РИСИ). Один ученый приехал из-за рубежа – из Ноттингемского университета в Великобритании.

В настоящем сборнике публикуются доклады, заслушанные на заседаниях указанной секции. В двух из них рассматривается историография Венской системы. А.В. Ревякин осветил споры в отечественной исторической литературе последних десятилетий по вопросам ее хронологических рамок, соотношения сил держав, которое обеспечивало ее жизнеспособность, а также правовых принципов ее устройства. Е.В. Романова доказала, что в британской и американской историографии минувшего столетия постепенно сформировалось представление о «европейском концерте» как факторе стабильности Венской системы. В ряде докладов затронуты конкретные вопросы истории русской и европейской дипломатии первой половины XIX в. М.А. Петрова обосновала вывод о том, что именно Венский дипломатический регламент 1815 г. устранил почву для церемониальных конфликтов, ранее нешуточно осложнявших отношения между европейскими государствами. Н.А. Могилевский остановился на малоизученных аспектах истории формирования Четверного союза, члены которого впоследствии сыграли решающую роль на Венском конгрессе. Н.Ю. Васильева выявила колебания ведущих держав на Венском конгрессе между принципом легитимизма и политической целесообразностью при решении т.н.

«неаполитанского вопроса». Е.П. Кудрявцева заострила внимание на разнице в подходах к Восточному вопросу западных держав и России, а также на обратном влиянии, которое международные противоречия на Балканах оказывали на расстановку сил в Европе. М. Рэндалл развеял в своем докладе давно бытующие в литературе представления о противостоянии между космополитически настроенной «иностранный» и патриотически ориентированной «русской» «партиями», будто бы имевшем место в российском внешнеполитическом ведомстве. И.В. Игнатченко показал, какие усилия прилагала дипломатия Июльской монархии, чтобы сохранить и по возможности упрочить положение Франции как одной из великих держав. Несколько докладов посвящены общим проблемам развития Венской системы. Н.П. Таньшина обосновала мнение о том, что это была очень гибкая международная конструкция, жизнеспособность которой обеспечивала своеобразная система «сдержек и противовесов». Д.М. Володихин охарактеризовал Священный союз как основанную в Вене систему европейской безопасности, в основе которой лежали консервативные ценности. Д.Ю. Ковалева развила мысль о том, что важным фактором стабильности Венской системы на протяжении десятилетий являлся нейтралитет Бельгии, закрепленный международным договором.

Доклады публикуются в полной авторской версии, включая и обширный научно-справочный аппарат. Их отличает высокая степень новизны как в выборе темы и постановке проблем, так и в использовании ранее неизвестных или недостаточно изученных исследователями источников, в т.ч. документов отечественных и зарубежных архивов.

Авторы и редактор выражают надежду, что настоящий сборник будет интересен и полезен как ученым-исследователям, так и преподавателям вузов, студентам и аспирантам, а также широкому кругу любителей и знатоков истории международных отношений.

Доктор исторических наук, профессор  
Александр Васильевич Ревякин

ВЕНСКАЯ СИСТЕМА  
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ  
CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY IN RUSSIA  
ON THE VIENNA SYSTEM

**Ключевые слова:** Венская система, история международных отношений, историография, политическое равновесие, европейский концерт

**Keywords:** Vienna system, history of international relations, historiography, political equilibrium, European concert

**Аннотация:** Статья представляет собой попытку систематизировать представления отечественных исследователей о месте и роли Венской системы в истории международных отношений. Ее цель – «локализовать» наиболее спорные проблемы ее изучения, а также уточнить природу имеющихся разногласий. В статье рассматриваются только крупные работы – коллективные труды, монографические исследования, которые привлекли повышенное внимание специалистов. Установлено, что часть авторов воспринимают Венскую систему как равновесную, основанную на балансе сил основных держав, другие – усматривают в ней элементы не только равновесной, но и иерархической систем. Выявлено большое разнообразие мнений по вопросу о периодизации Венской системы. Одни историки считают, что эта система потерпела крушение с началом Крымской войны. Другие избегают писать о Венской системе и предпочитают определение «европейская система». Последняя, по их мнению, была разрушена не ранее франко-прусской войны, а ее отдельные элементы сохранились вплоть до начала Первой мировой войны. Они также утверждают, что несмотря на войны и периодические перемены в соотношении сил держав, политическое равновесие в Европе сохранялось до конца XIX и даже до начала XX в. До Первой мировой войны в основных чертах сохранялся и международно-правовой порядок, учрежденный договорами 1814-1815 гг., поскольку ни Парижский, ни Берлинский конгрессы не ставили задачи их отмены или полномасштабной ревизии. Автор считает перспективными дальнейшие исследования в области многосторонней дипломатии, международного права XIX в., а также деятельности, связанной с исполнением европейскими государствами текущих двусторонних и многосторонних договоров.

**Abstract:** The article is an attempt to give a systematic account of views of the Russian researchers concerning the place and role of the Vienna state

*system in the history of international relations. Its aim is to outline the most controversial problems of the study of the subject and to identify the nature of differences among the scholars. Only important publications, like individual and collective monographs, which have drawn attention of the specialists in the field, are taken into account. It is suggested in the article that among authors whose works are reviewed there are those who consider the Vienna system as based on the balance of major powers, and others who think it combines elements of the balance of powers as well as of the domination (or leadership). The periodization of the Vienna system is a much-disputed subject too. Some historians argue that the Vienna system has not survived the Crimean war. Others who prefer the definition “European system” claim that it has lived through the Crimean war and that some of its elements have survived even the franco-prussian war and have been destroyed only by the First World War. The same historians are of the opinion that the international law order established by the treaties of 1814-1815 has been relatively stable throughout the 19<sup>th</sup> century because neither the Paris congress of 1856 nor the Berlin congress of 1878 have attempted to abolish or submit it to a large scale revision. The author of the article thinks that further researches in the field of the multilateral diplomacy, of the international law and of the activities linked to the execution of existing treaties between European nations may contribute to solve the controversial problems.*

Проблематике систем международных отношений, включая и Венскую, сегодня в нашей исторической литературе уделяется заметно больше внимания, чем прежде. За десяток с небольшим лет вышли из печати обобщающие труды и учебные пособия, где в основу периодизации истории международных отношений положен процесс возникновения, становления, более или менее успешной консолидации, а затем упадка и гибели таких международных систем<sup>1</sup>. Характеристику Венской системы или хотя бы краткую отсылку к ней можно найти практически в любой

---

<sup>1</sup> Системная история международных отношений. 1918-2003. События и документы. Т. 1-4 / Под ред. А.Д. Богатурова. М. 2003-2004; Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М. 2004; Наринский М.М. История международных отношений 1945-1975. М. 2004; Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М. 2004; Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений (1975-1991 гг.). М. 2006; Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений 1918-1939 гг. М. 2008; История международных отношений / Под ред. А.В. Торкунова и М.М. Наринского. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / Авт. коллектив А.В. Ревякин, Н.Ю. Васильева; Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война / Авт. коллектив А.Ю. Борисов, Н.Е. Клейменова, М.М. Наринский, А.Ю. Сидоров; т. 3: Ялтинско-Потсдамская система / Авт. коллектив Ю.А. Дубинин, Б.Ф. Мартынов, М.М. Наринский, Т.В. Юрьева. М. 2012; От царства к империи: Россия в системах международных отношений: Вторая половина XVI – начало XX века. М. 2015.

работе, посвященной внешней политике европейских государств, их отношениям в XIX в.

Настоящая статья представляет собой попытку систематизировать представления отечественных исследователей о месте и роли Венской системы в истории международных отношений, о характерных чертах и особенностях ее функционирования на различных этапах развития и в специфических условиях отдельных регионов. Надеемся, она поможет «локализовать» наиболее спорные проблемы изучения Венской системы, а также уточнить природу имеющихся разногласий.

Научная литература, затрагивающая проблематику Венской системы, настолько обширна и содержательна, что физически невозможно ее охватить в небольшом по объему историографическом обзоре. Поэтому в статье рассматриваются только крупные работы – коллективные труды, монографические исследования. Отбирая их для анализа, автор отдавал предпочтение тем, которые привлекли повышенное внимание специалистов и часто цитируются в научных публикациях. Если что-то важное не нашло отражения в статье, то отнюдь не умышленно: просто нельзя объять необъятное. Поскольку здесь нас интересуют в основном результаты конкретных исследований в области истории Венской системы, за рамками обзора остались труды по теории международных отношений.

Отмеченный выше интерес к международным системам прошлого, ярко проявившийся на рубеже столетий, во многом связан с поисками нашей наукой альтернативы классовому подходу в изучении истории международных отношений. Именно тогда стали активно предприниматься попытки ее истолкования с позиций системного и геополитического анализа. Оба метода сами по себе не были новыми ни для отечественной исторической науки, ни тем более для мировой. Общенаучное понятие «система» стало широко использоваться применительно к международным отношениям и внешней политике отдельных государств, начиная по меньшей мере с XVIII в. А теория естественных границ, к которой восходит современная геополитика, как научное направление, была выдвинута и того раньше. Даже в советское время отечественная наука признавала отдельные элементы системного и геополитического анализа, стараясь их совместить с классовым подходом к изучению истории международных отношений.

С этой точки зрения нам представляются знаковыми три крупных труда, опубликованные в Советском Союзе с большими интервалами в 40–70 годы XX в. Два из них переводные – это книги А. Дебидура<sup>2</sup> и А.Дж.П. Тэйлора<sup>3</sup>, третий оригинальный – вышедшая двумя изданиями

<sup>2</sup> Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814-1878). Т. 1-2. М. 1947.

<sup>3</sup> Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848-1918. М. 1958.

многотомная «История дипломатии»<sup>4</sup>. Хотя Дебидур и Тэйлор вряд ли могут быть причислены к крупным историкам, их работы оказались в Советском Союзе весьма востребованными. В них советский читатель нашел непривычную интерпретацию дипломатической истории XIX в., далекую от норм исторического материализма. Дебидур в центр этой истории поместил «систему европейских международных отношений», установленную «трактатами 1815 г.» Доказывая ее жизнеспособность, историк отмечал, что лишь крупные европейские конфликты 50-60-х годов XIX в. смогли ее разрушить<sup>5</sup>. Со своей стороны, Тэйлор также считал XIX в. «удивительно устойчивым в области международных отношений». Главную и непреходящую угрозу европейскому миру он усматривал в стремлении к господству «великих держав», которые он называл «организациями силы, в конечном счете предназначенными для войны»<sup>6</sup>.

Оба мотива отчетливо прозвучали и в «Истории дипломатии». При этом возникновение и упадок международных систем, а также агрессивную политику держав ее авторы связывали прежде всего с характером общественных отношений, в частности с развитием капитализма, классовой борьбой и революционным движением. Нужно признать, что этот труд оказал влияние на воззрения не одного поколения отечественных историков. Долгое время он был незаменим для всякого студента и аспиранта, приступавшего к изучению истории мировой дипломатии и международных отношений. С него мы и начнем наш историографический обзор. Как представляется, положения, выдвинутые в «Истории дипломатии», на долгие годы предопределили восприятие Венской системы в отечественной историографии.

Возьмем второе, более известное издание этого труда, где понятие «система международных отношений» встречается неоднократно. К цели нашей статьи попробуем подойти издалека – сначала разберемся, какой смысл авторы вкладывают в это понятие. Оказывается, это не что иное как «система государств, находящихся в постоянных дипломатических, культурных и экономических взаимоотношениях»<sup>7</sup>, причем, выстраивающих эти отношения на равноправной основе. В прошлом такие системы возникали как побочный продукт борьбы государств за главенство или гегемонию, когда ни одно из них не было в состоянии навязать свою власть остальным. Отсюда другой их важный признак – «политическое равновесие (баланс)» государств, складывающееся

<sup>4</sup> История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. Т. 1-3. М. 1941-1945; История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1-5. М. 1959-1979.

<sup>5</sup> Нарочинецкий А.Л. Вступительная статья // Дебидур А. Указ. соч. Т. 1, с. 14.

<sup>6</sup> Тэйлор А.Дж.П. Указ. соч., с. 34, 36.

<sup>7</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М. 1959, с. 58.

вследствие приблизительного равенства сил противников. Причем, в расчет принимаются прежде всего самые сильные в военном отношении государства, по определению авторов, – «державы» или даже «великие державы». Для последних особенно характерна активная внешняя экспансия. В древности именно благодаря обширным завоеваниям Рим и Парфия сложились как «великие державы». В Новое время «превращение» Пруссии в «великую державу» также произошло в результате ее «быстрого [территориального] расширения»<sup>8</sup>.

Неуверенные попытки создания равновесной системы авторы «Истории дипломатии» относят еще к Античности и связывают их с внешнеполитической деятельностью греческих и итальянских полисов, эллинистических государств и их ближайших соседей. Но с переходом к Средневековью, утверждают они, в Европе устанавливается иерархическая «система подчинения» одних властителей другими. Очевидно, ее нельзя путать с «системой государств», находящихся между собой в равноправных отношениях. Раньше других частей Европы эта средневековая система зашаталась и рухнула в Италии, распавшейся на несколько «соперничавших между собой государств», которые «то воевали друг с другом, то заключали союзы и создавали всякого рода политические комбинации против какого-нибудь общего врага». Между ними сложилась «система равновесия», которая послужила потом «образцом для крупных европейских монархий»<sup>9</sup>.

В дальнейшем глубокие перемены в характере международных отношений происходят в связи с преодолением политической раздробленности и возникновением централизованных государств. Именно на этой основе, утверждает А.Л. Нарочницкий, «в Европе в XV–XVIII вв. впервые сложилась система вполне самостоятельных, суверенных держав, связанных между собой постоянными экономическими и политическими отношениями»<sup>10</sup>. Со стабилизацией международных отношений возникает потребность в четких правилах межгосударственного общения – соответственно формируются «основы науки международного права». Причем, идеи естественных границ и политического равновесия (баланса) возводятся политиками и дипломатами того времени в ранг основополагающих правовых принципов, приобретают «нормативный характер». В частности, на них ссылается, им руководствуется в своей деятельности французская дипломатия первой половины XVII в.<sup>11</sup> Вместе с тем немаловажное значение имеют «интересы династического порядка»

<sup>8</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М. 1959, С. 328, 331.

<sup>9</sup> Там же. С. 95, 198.

<sup>10</sup> Там же. С. 594.

<sup>11</sup> Там же. С. 235, 269, 272.

и стремление государств к «торговому преобладанию». Ими продиктованы, отмечают авторы «Истории дипломатии», «большинство войн, происходивших в Европе XVI—XVIII столетий», ими также проникнуты «почти все международные договоры» той эпохи. Но постепенно все эти разнонаправленные устремления подчиняет себе «государственный интерес», провозглашенный главным «принципом внутренней и внешней политики», ее «высшим мерилом»<sup>12</sup>.

Вестфальский мир упомянут в «Истории дипломатии» лишь как одна из вех в многовековом развитии дипломатии – с него начинается «история европейских конгрессов». Вместе с тем отмечается, что «определив границы государств европейского континента, Вестфальский трактат явился исходным документом для всех последующих договоров, вплоть до французской буржуазной революции конца XVIII в.»<sup>13</sup>. Последняя упомянута не случайно: если Война за независимость в Северной Америке и образование США «повлекли за собой первый этап нарушения ранее сложившейся международной системы»<sup>14</sup>, то именно в результате Французской революции «старое европейское равновесие было нарушено» окончательно<sup>15</sup>.

Новую систему международных отношений, возникшую в Европе по завершении войн конца XVIII – начала XIX вв., авторы «Истории дипломатии» оценивают гораздо более критически, чем старую, довоенную. Они называют ее по-разному, но главным образом «венской системой» или просто «системой 1815 г.»<sup>16</sup>. В любом случае они признают первостепенную роль Венского конгресса 1814–1815 гг. в оформлении новой международной системы. Но его реальные заслуги и достижения с точки зрения стабильности международных отношений оцениваются более чем скептически. По образному выражению Е.В. Тарле, участники конгресса «соорудили здание, которое довольно скоро начало рассыпаться». Конструкция оказалась неустойчивой прежде всего потому, утверждает историк, что Венский конгресс сумел обеспечить Европе лишь «временное политическое равновесие», которое оказалось к тому же «весыма непрочным»<sup>17</sup>.

Согласно замыслу, «система 1815 г.» должна была предотвратить «господство на материке [Европы] какого-либо одного государства»<sup>18</sup>. Но

<sup>12</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М. 1959, С. 232, 234, 236.

<sup>13</sup> Там же. С. 275–276.

<sup>14</sup> Там же. С. 524.

<sup>15</sup> Там же. С. 416.

<sup>16</sup> Там же. С. 565–566.

<sup>17</sup> Там же. С. 499, 502.

<sup>18</sup> Там же. С. 566.

на практике соперничество и постоянно менявшееся соотношение сил государств подрывали политическое равновесие. «Формально» в Европе насчитывалось пять «великих держав», но фактически ведущая роль в европейской политике с самого начала принадлежала трем из них – России, Австрии и Великобритании. Чтобы придать устойчивость Венской системе, была специально придумана «форма постоянного общения и сотрудничества монархов» – Священный союз<sup>19</sup>.

Венскую систему от прежней отличали новые правовые принципы, которыми стали руководствоваться в отношениях между собой европейские государства. Наибольшее значение авторы «Истории дипломатии» придают принципу легитимизма, в соответствии с которым «Европа... должна при распределении земель и изменении территориальных границ оставлять в нерушимом виде то, что законно существовало до начала революционных войн, т.е. до 1792 г.»<sup>20</sup> На основании этого принципа в Европе развернулась борьба за «восстановление низвергнутых династий» и за «искоренение революционных начал»<sup>21</sup>.

Значительное внимание «История дипломатии» уделяет «праву вмешательства» во внутренние дела иностранных государств под предлогом подавления революций. Как принцип Венской системы, это право было закреплено на конгрессе Священного союза в Троппау в 1820 г. Но почти сразу же в противовес ему государства, опасавшиеся контрреволюционной интервенции или просто не одобравшие ее, выдвинули принцип «невмешательства»<sup>22</sup>. Скоро оба принципа утратили идеологическую окраску и стали обычным инструментом политического соперничества и дипломатической борьбы. В «Истории дипломатии» приводятся примеры, как, с одной стороны, Великобритания, Россия и Франция вмешивались в дела Османской империи, выступая против ее легитимного правительства на стороне греческих повстанцев, а, с другой стороны, революционеры, прийдя к власти во Франции в 1848 г., провозгласили политику невмешательства, по существу обманув ожидания своих единомышленников в других странах.

Заметно меньше внимания в «Истории дипломатии»делено «принципу национальностей», о котором, по выражению Е.В. Тарле, «разлагольствовал» император французов Наполеон III, маскируя свои захватнические цели<sup>23</sup>. Среди других международно-правовых новшеств

<sup>19</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М. 1959, С. 502.

<sup>20</sup> Там же. С. 494.

<sup>21</sup> Там же. С. 374, 501.

<sup>22</sup> Там же. С. 374, 428.

<sup>23</sup> Там же. С. 381, 697.

Венской системы, упомянутых в этом труде, отметим еще принцип закрытия Черноморских проливов для иностранных военных кораблей, одобренный Лондонской конвенцией 1841 г. и подтвержденный Лондонской конференцией 1871 г.<sup>24</sup>

«История дипломатии» негативно оценивает договоры, учредившие Венскую систему: «...И Венский трактат, и подписанный в Париже акт о создании Священного союза на целый ряд лет укрепили глубоко реакционные порядки»<sup>25</sup>. Венская система, утверждают авторы, «противоречила процессу капиталистического развития Европы» и поэтому «оказалась нежизнеспособной»<sup>26</sup>. Ее последовательно разрушили несколько волн революций, прокатившиеся по Европе. По мнению А.Л. Нарочницкого, «отдельные бреши в этой системе были проделаны уже в 1830 г.», когда во Франции пала монархия Бурбонов и Бельгия добилась независимости. «Новый удар» ей нанесли революции 1848-1849 гг., которые «были направлены не только против реакции внутри отдельных стран, но и против всей системы международных отношений монархической Европы, установившейся со времени Венского конгресса 1815 г.»<sup>27</sup>.

Впрочем, авторы признают, что несмотря на собственные недостатки и внешние вызовы, Венская система сумела пережить революции 1848-1849 гг. и, судя по всему, не скоро сошла со сцены. Даже много лет спустя европейские государи считали, что она продолжает существовать. Не случайно Николай I называл учреждение Второй империи во Франции «дерзким вызовом договорам 1815 г.» и опасался, что «французский император... постараётся низвергнуть венскую систему»<sup>28</sup>. Александр II усматривал в создании Северогерманского союза не только «нарушение прав монархов», утративших троны, но и «ниспровержение всего европейского политического уклада, который существовал со времени Венского конгресса»<sup>29</sup>. Авторы «Истории дипломатии» не уточняют, когда Венская система прекратила существование. Об этом не говорится ни в первом томе «Истории дипломатии», освещающем события до 1871 г., ни во втором томе, охватывающем период до 1914 года. Первая мировая война расценивается там как «начало общего кризиса капиталистической системы»<sup>30</sup>. В третьем томе мельком упоминается Венский конгресс, да и

<sup>24</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М. 1959, С. 750.

<sup>25</sup> Там же. С. 504.

<sup>26</sup> Там же. С. 376.

<sup>27</sup> Там же. С. 565.

<sup>28</sup> Там же. С. 593.

<sup>29</sup> Там же. С. 728.

<sup>30</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 2 Дипломатия в Новое время 1871-1914 / Автор В.М. Хвостов. М. 1963. С. 804.

то лишь в связи с Парижской конференцией 1919 г., которая так же, как и он в свое время, заложила основы новой системы международных отношений – теперь уже «послевоенной версальской»<sup>31</sup>.

Таким образом, авторы «Истории дипломатии» оставили открытым вопрос о продолжительности существования Венской системы. Немало в книге и других недоговоренностей. В ней используются понятия, созвучные «системе международных отношений», в том числе «система внешней политики», «система дипломатии», «система союзов» и др., но не уточняется их соотношение друг с другом. Не выявлена и преемственная связь между Венской и предшествовавшей ей системой международных отношений. В частности, среди правовых принципов Венской системы не упомянуты ни государственный, ни династический интерес, как будто они утратили актуальность. И, наконец, авторы «Истории дипломатии» (отметив, в частности, новый «формальный» статус великих держав и создание Священного союза) по существу ограничились лишь намеком на то, что со временем Венского конгресса способы поддержания политического равновесия в Европе изменились. Они не только не объяснили такое важное явление международной жизни XIX в., как «концерт держав», но даже не упомянули о нем.

Не думаем, что это было случайным упущением. По всей видимости, из двух идей – политического равновесия и борьбы держав за господство – авторы «Истории дипломатии» в конечном счете отдали предпочтение последней, как более созвучной классовому подходу. В итоге они сконструировали гибрид, сочетающий элементы как равновесной, так и иерархической систем. Об этом свидетельствуют парадоксальные формулировки, вроде следующей: «Начиная с Венского конгресса в Европе установилось господство великих держав – главных участников конгресса. После принятия Франции в число этих держав их стало пять – Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Франция. До середины XIX в. руководящую роль играли первые три государства»<sup>32</sup>.

Периодизация истории международных отношений Нового времени, предложенная в рассматриваемом труде, полностью исходит из идеи доминирования одних держав над другими и их перманентной борьбы за господство. Соответственно XVI в. охарактеризован как «период испанского преобладания», XVII в. – французского, высшей точкой которой был Вестфальский мир. В отдельный период выделен XVIII в., когда в борьбу «за первое место в мировой политике» вступила Великобритания. Утверждается, что по завершении европейских войн «на

<sup>31</sup> История дипломатии / Изд. 2-е. Т. 3 Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / Авторы С.Ю. Выгодский, С.А. Гонионский, И.М. Горохов и др. М. 1965. С. 164.

<sup>32</sup> Там же. С. 375.

континенте Европы в 1815-1853 гг. преобладающей державой была Россия». Но затем эта роль «на целое десятилетие» снова отошла к Франции<sup>33</sup>. Последняя треть XIX – начало XX вв. определяются также как период борьбы держав за «гегемонию», хотя и без явных фаворитов.

Концептуальные построения «Истории дипломатии» представляются важными хотя бы потому, что их прямое или опосредованное влияние на историографический процесс ощущимо даже сегодня. В течение всего рассматриваемого времени исследователи стремились уточнить хронологические рамки различных исторических систем международных отношений, в особенности Венской, едва намеченные в «Истории дипломатии». Но оказалось, что поиски решения этого вопроса во многом упираются в разногласия, связанные с двояким пониманием историками самих международных систем. Часть из них признают лишь сугубо равновесные системы, исключающие преобладание одних держав над другими. Другие допускают существование иерархичных систем, предполагающих как раз господство одних держав над другими, точнее «смешанных», сочетающих в той или иной пропорции элементы равновесия и доминирования. Дискуссию осложняет отсутствие общепринятого понятийного аппарата. Одни историки безоговорочно принимают понятие «система международных отношений», признаками которой в равной мере считаются как определенное соотношение сил основных держав, так и специфические правила межгосударственного общения. Другие предпочитают писать в своих работах лишь о «системах договоров», не поясняя при этом, считают ли они оба указанные понятия тождественными или же намеренно ограничивают предмет дискуссии правовой «надстройкой» международных систем, а то и вовсе лишь союзами крупнейших государств. Иной раз смешивают даже понятия «система отношений» и «система политики» одного или группы государств. На подобные трудности недавно сетовала И.С. Рыбачёнок, отмечавшая: «Не до конца выявлена периодизация и хронологические рамки существования той или иной системы. Отсутствует единая терминология»<sup>34</sup>.

Оттолкнувшись от «Истории дипломатии», мы попробуем рассмотреть представления отечественных историков о Венской системе в их историческом развитии, т.е. переходя от более ранних к более поздним публикациям. От этого правила мы отступаем лишь в редких случаях, когда речь идет о многотомных (серийных) изданиях.

Начнем наш обзор с исследования Л.И. Нарочницкой о политике России 60-х годов XIX в. в германском вопросе. Как показывает автор, это был период кризиса международной системы, учрежденной на Венском

<sup>33</sup> История дипломатии. Т. 1. С. 250, 377, 380.

<sup>34</sup> От царства к империи... С. 6.

конгрессе. С одной стороны, менялось соотношение сил держав: «...Правящие круги царской России ясно отдавали себе отчет в том, что объединение Германии под властью агрессивной Пруссии... изменит все политическое равновесие в Европе»<sup>35</sup>. С другой стороны, со временем Крымской войны только усиливались противоречия между ними. Вследствие «обострения отношений России с крымской коалицией из-за польского и восточного вопросов», утверждает Л.И. Нарочницкая, «общая линия царской России, Англии и Франции в германских делах... стала невозможной». Исследовательница отмечает, что отдельные европейские государства сознательно проводили курс на подрыв Венской системы. Наполеон III «под предлогом поддержки “принципа национальностей”» стремился к пересмотру «венских договоров 1815 г., установивших восточную границу Франции и ограничивших ее влияние в Европе». Того же, только применительно к Центральной Европе, добивалось и правительство Пруссии. Его требование о роспуске Германского союза историк расценивает как «удар» по «венским договорам 1815 г.»<sup>36</sup>. Она отмечает недовольство царского правительства ущемлением прав «малых немецких дворов» в процессе объединение Германии, усмотревшего в этом «подрыв монархического принципа легитимизма». Историк приходит к выводу, что в отличие от других держав царское правительство до конца «предпочитало сохранение в Западной Европе статус-кво на основе реакционной “системы 1815 г.”, ...но не в силах было уже поддерживать эту систему»<sup>37</sup>.

Л.А. Зак в монографии, посвященной Венскому конгрессу, изображает развернувшуюся на нем дипломатическую борьбу как столкновение приверженцев противоположных правовых принципов «легитимизма и права завоевания», а также «политического “равновесия сил” и права древнего владения». Исход этой борьбы предрешила позиция четырех «великих держав» (Австрии, Великобритании, Пруссии и России), которые в самом начале конгресса договорились «сохранить за собой право принятия всех решений, предоставляя другим странам только высказывать свои пожелания». Они и предложили участникам конгресса рассматривать легитимизм «в качестве первого и основного принципа их деятельности». Трудность, однако, заключалась в том, что этот принцип одновременно получил два противоречащих друг другу истолкования – «историческое» и «юридическое». Согласно первому, «всякая власть, не носившая следов божественного происхождения, объявлялась незаконной». Согласно второму, все те перемены в Европе, которые были

<sup>35</sup> Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М. 1960. С. 86.

<sup>36</sup> Там же. С. 10, 15, 112.

<sup>37</sup> Там же. С. 96, 136, 144, 156.

«признаны международными договорами..., должны были считаться законными» Но в любом истолковании, уточняет историк, «легитимизм понимался на Конгрессе как принцип международного права в противовес «беззаконию» революции и Наполеоновской империи»<sup>38</sup>.

Однако на практике, продолжает Л.А. Зак, все важные вопросы решались в соответствии с «государственными интересами великих держав и меньше всего – на основе принципа легитимизма». Их представители, фактически руководившие работой конгресса, «стремились к созданию новой расстановки и группировки сил, отвечающих интересам их государств». Самым предпочтительным считалось такое положение, при котором «ни отдельная держава, ни какое-либо объединение держав не может доминировать в Европе». По словам автора, созданию «нового соотношения сил и служила перекройка карты Европы, произведенная в Вене». Поэтому все основные решения, особенно по территориальным вопросам, выверялись на соответствие принципу «равновесия сил». Автор подчеркивает: этот принцип не только не имел «ничего общего» с легитимизмом, но зачастую даже противоречил ему, как это было, например, в саксонском вопросе. Историк также опровергает мнение, будто его воплощение в жизнь было продиктовано желанием обеспечить Европе мир и спокойствие. Напротив, считает он, «равновесие сил» не исключало и даже предполагало войны, к которым «заинтересованные стороны могут прибегать для обуздания могущественного (или пытающегося усилиться) соседа». «Сохранение мира и поддержание статус-кво», утверждает Л.А. Зак, были не целью, а «своего рода побочным продуктом» равновесия. Этот принцип, по его мнению, в корне противоречил лишь представлению о правах национальностей, или, как он пишет, «идее национализма»: в работе и решениях конгресса последняя была «полностью подчинена стратегии «равновесия сил»; интересы «малых народов» без каких-либо колебаний приносились в жертву интересам и политическим комбинациям великих держав»<sup>39</sup>.

Л.А. Зак отзыается о «равновесии сил» как о сомнительной «буржуазной» теории, отдавая предпочтение понятию «расстановка сил». По его представлению, «Венский конгресс закрепил новое соотношение сил, сложившееся к концу наполеоновских войн, а также положение России и Англии как двух ведущих мировых держав». Автор обращает внимание на значительный пробел в «системе договоров, заключенных в Вене» – из нее совершенно выпала Турция: «Заключительный акт Конгресса ни словом не упоминает о ней». Все же это не помешало тому, что созданная конгрессом система отношений «в течение определенного

<sup>38</sup> Зак Л.А. Монархи против народов: Дипломатическая борьба на развалинах Наполеоновской империи. М. 1966. С. 53, 196, 247, 249, 268-269.

<sup>39</sup> Там же. С. 250, 272, 273.

времени сохраняла известную устойчивость». Но автор отвергает как «реакционный вымысел» мнение о «стабильности созданного в Вене международного правопорядка», якобы обеспечившего «относительно мирное развитие» Европы вплоть до первой мировой войны. На самом деле, утверждает Л.А. Зак, имела место «неравномерность крушения отдельных элементов системы, созданной решениями Венского конгресса». Самые архаичные из них были довольно быстро разрушены революциями, освободительными войнами и восстаниями, а также объединением Германии и Италии. Это позволяет автору утверждать, что с завершением объединительных процессов в Европе «порядок, созданный Венским конгрессом, распался», – но с существенной оговоркой: «за исключением тех его элементов, которые, соответствующа внешнеполитическим интересам крупных европейских держав, не противоречили требованиям буржуазно-национального развития»<sup>40</sup>.

Н.С. Киняпина придерживается мнения, что своим возникновением и гибелью международные системы обязаны скорее войнам, чем революциям. Важным поворотным рубежом она считает Крымскую войну, которая «существенно изменила международную обстановку, фактически уничтожила европейскую систему, покоившуюся на Венских трактатах 1815 г.» Исследовательница поясняет, что в результате этой войны «распался австро-русско-прусский союз, в течение сорока лет служивший оплотом европейской реакции... сложилась так называемая Крымская система, основой которой был англо-французский блок, направленный против России. Последняя утратила руководящую роль в международных делах, уступив место Франции». В качестве одного из новшеств послевоенного периода Н.С. Киняпина отмечает принцип национальностей, который выдвинул Наполеон III, «верно улавливая стремление народов Европы к национальному объединению», и который «в действительности прикрывал агрессивную программу французской буржуазии»<sup>41</sup>.

Н.С. Киняпина допускает, что в некоторой своей части «система договоров 1815 г.» продолжала действовать и после Крымской войны. Она отмечает, что «на окончательную ликвидацию трактатов 1815 г.» была направлена политика Наполеона III, «одного из инициаторов Крымской системы», который в 1863 г. выступил с предложением «о созыве общеевропейского конгресса по пересмотру» этих договоров<sup>42</sup>. Историк не комментирует то обстоятельство, что поставленной цели Наполеон так и

<sup>40</sup> Зак Л.А. Монархи против народов: Дипломатическая борьба на развалинах Наполеоновской империи. М. 1966. С. 352, 354–356.

<sup>41</sup> Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века / Учеб. пособие. М. 1974. С. 40.

<sup>42</sup> Там же. С. 3, 32, 42.

не добился, но подчеркивает, что в результате франко-прусской войны 1870-1871 гг. Франция утратила руководящую роль в международных делах и «ведущей силой в Европе стала Германская империя»<sup>43</sup>. Новая расстановка сил в Европе была также неблагоприятна для России. На Берлинском конгрессе западные державы и Турция «пытались создать “единий концерт”, направленный против нее. В результате образования Тройственного союза «равновесие сил» в Европе, нарушенное возникновением единой Германии, подверглось еще большему испытанию. Его удалось восстановить, утверждает автор, лишь благодаря русско-французскому союзу»<sup>44</sup>.

Л.Н. Шнеерсон верхним рубежом в развитии международной системы, основанной в 1814-1815 гг., считает франко-прусскую войну, дипломатическим аспектам которой посвящена его монография. «Образование Германской империи..., – пишет он, – существенно влияло на соотношение сил на европейской арене и вместе с поражением Франции определяло новый этап в развитии международных отношений. Ход исторических событий заставлял даже самых легитимистски настроенных представителей правящего класса России признавать неизбежность германского единства в условиях распада старой европейской политической системы»<sup>45</sup>. Впрочем, по мнению Л.Н. Шнеерсона, вклад в ее демонтаж внесли и другие войны третьей четверти XIX в., начиная с Крымской. Раздраженная результатами последней Россия, по словам историка, была «готова установить тесную связь между судьбами договоров 1815 и 1856 гг. и не возражать против компенсации Франции за пределами “границ 1814 г.”, если Франция поможет России освободиться от стеснительных условий Парижского мира». Разрушительными по своим последствиям для системы международных отношений были войны Пруссии 1864 и 1866 гг. «с их национальными лозунгами и пренебрежением к договорам, составляющим “основу” европейских отношений»<sup>46</sup>.

Интересующие нас вопросы затронуты в серии сборников, посвященных истории международных отношений на Балканах. В одном из них, охватывающем период с 1830 по 1856 г., выдвинут важный тезис о том, что «политика держав в Юго-Восточной Европе всегда была тесно связана с общеевропейской ситуацией, входила составной частью в систему международных отношений на континенте, занимая в ней более

<sup>43</sup> Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века / Учеб. пособие. М. 1974. С. 119, 270.

<sup>44</sup> Там же. С. 130, 222.

<sup>45</sup> Шнеерсон Л.Н. Франко-прусская война и Россия: Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867-1871 гг. Минск. 1976. С. 242.

<sup>46</sup> Там же. С. 20, 21-22.

или менее значительное место». В обоснование этой мысли авторы сборника ссылаются, в частности, на политику «слабого соседа», которой придерживалась Россия в отношении Османской империи во второй четверти XIX в. В.Н. Виноградов расценивает ее как «попытку распространить принципы легитимизма, выработанные Венским конгрессом в 1815 г. и трещавшие по всем швам в Западной и Центральной Европе, на юго-восток континента». В сборнике критикуется мнение о том, что политика «слабого соседа» являлась всего лишь разновидностью политики, направленной на поддержание статус-кво на Балканах, которую проводили западные державы. Разница между ними усматривается в том, что вопреки требованиям партнеров «российские правящие сферы упорно отказывались от гарантии целостности и неприкосновенности османских владений»<sup>47</sup>. В.Н. Виноградов утверждает: «Политика “слабого соседа” на практике означала ожидание раз渲ала этой державы»<sup>48</sup>. Однако, признает он, позицию России ослабляло то, что ей не удалось отстоять «старое правило» русской дипломатии – «не допускать вмешательства посторонних в русско-турецкие дела». Подписав Лондонскую конвенцию 1840 г., Россия создала прецедент участия неприбрежных государств в решении вопросов, связанных с Черным морем<sup>49</sup>.

В отличие от рассмотренных выше публикаций в данном сборнике (как, впрочем, и в других из этой серии) не только упоминается «европейский концерт», но и показана его роль как инструмента разрешения противоречий между великими державами. Попытки одной из них добиться для себя односторонних преимуществ, даже легитимными средствами, обычно вели к ее к дипломатической «изоляции», к своего рода временному исключению из «концерта». Так, в частности, произошло с Россией после того как она заключила с Турцией в 1833 г. Ункяр-Искелесийский договор, а также некоторое время спустя с Францией, которая поддержала мятеж египетского паша против султана. В сборнике отмечается также стремление Османской империи «занять место в “концерте” европейских держав», вообще добиться признания «в качестве равноправной европейской державы»<sup>50</sup>.

В указанном сборнике мы не встретим понятия «Венская система» – речь в нем идет просто о «системе международных отношений», учрежденной на Венском конгрессе 1814-1815 гг. Деликатно трактуются и другие трудности или спорные вопросы ее изучения. Относительно значения Крымской войны говорится: «Под стенами Севастополя

<sup>47</sup> Международные отношения на Балканах 1830-1856 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М. 1990. С. 7, 8, 11.

<sup>48</sup> Там же. С. 347.

<sup>49</sup> Там же. С. 45.

<sup>50</sup> Там же. С. 37-38, 46, 229, 316, 322.

французская армия стремилась перечеркнуть систему договоров, выработанных Венским конгрессом 1815 г. и определивших на десятилетия вперед систему международных отношений<sup>51</sup>. Из этого положения как минимум явствует, что авторы не считают тождественными понятия «система договоров» и «система отношений». Можно усмотреть в нем намек и на то, что своей цели тогда французы не достигли.

С большей определенностью на эту тему высказываются авторы сборника, освещавшего международные отношения на Балканах в 1856-1878 гг. По мнению В.Г. Сироткина, «Крымская война 1854-1856 гг. разрушила континентальный союз России, Пруссии и Австрии», но не дала победителям «никаких территориальных приращений»<sup>52</sup>. Следовательно, соотношение сил держав изменилось несущественно. В результате Парижского мира 1856 г., говорится далее, в Европе на некоторое время установилось «политическое равновесие», или «равновесие сил», «необходимым условием» которого западные державы считали сохранение территориальной целостности и независимости Османской империи. Этот договор также подтвердил чувствительный для России международно-правовой принцип «закрытия Босфора и Дарданелл для военных эскадр», ранее зафиксированный в Лондонской конвенции 1841 г. Тем не менее Европу продолжали раздирать остройшие противоречия, а «европейский концепт», ранее служивший их урегулированию, теперь «являл картину непрерывных раздоров». Существующую «систему европейского равновесия», отмечают авторы, сначала «нарушили» выступления Франции и Великобритании в поддержку участников Польского восстания, а затем «поколебали» австро-прусская и франко-прусская войны. Обе войны «привели к коренным переменам в расстановке сил» – «Пруссия превратилась в могущественную Германскую империю, претендовавшую на общеевропейскую гегемонию»<sup>53</sup>.

Говоря о «Крымской (или Парижской) системе», авторы имеют в виду закрепленный мирным договором 1856 г. особый правовой порядок международных отношений на Балканах. ««Крымская система», – отмечается в сборнике, – имела целью законсервировать исторически изжившее себя состояние на Балканах: прямое господство Османской империи над болгарскими, герцеговинскими, албанскими, значительной частью греческих и сербских земель, вассальную зависимость Дунайских княжеств и Сербии, к чему добавлялось отторжение Южной Бессарабии от России и запрещение ей держать флот на Черном море». Составной частью

<sup>51</sup> Международные отношения на Балканах 1830-1856 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М. 1990. С. 273.

<sup>52</sup> Международные отношения на Балканах 1856-1878 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М. 1986. С. 30.

<sup>53</sup> Там же. С. 31, 38, 171, 225.

Крымской системы были и «коллективные гарантии территориальной целостности и независимости Османской империи в границах, определенных Парижским трактатом», которые дали Порте три западные державы по договору 15 апреля 1856 г.<sup>54</sup> Как показано в сборнике, этот правовой порядок был разрушен в несколько приемов. Сначала ее создатели сами в противоречие с существующими договорами санкционировали объединение Дунайских княжеств и создание Румынии. Затем «сильнейший удар» по ней нанесла отмена ряда статей Парижского мира, ограничивавших суверенные права России на Черном море. Окончательно поставили «крест на политике статус-кво, три четверти века мешавшей освободительным процессам» на Балканах<sup>55</sup>, русско-турецкая война 1877-1878 гг. и Берлинский конгресс.

Следующий сборник указанной серии посвящен периоду 1878-1914 гг. Характеризуя существовавшую тогда систему международных (или европейских) отношений, его авторы не уточняют, идет ли речь об очередном этапе возникшей ранее или некой новой системе. Но ее преемственность по отношению к недавнему прошлому очерчена достаточно ясно. Авторы считают, что несмотря на военные и политические потрясения последней четверти XIX в., державам удалось сохранить «европейское равновесие». В частности, пишут они, хотя Германия заняла «центральное положение» в «системе европейских государств», ей так и не удалось навязать им свою «гегемонию». Возобновленный в 1881 г. Союз трех императоров «фиксировал зыбкое равновесие интересов партнеров». А создание русско-французского союза еще больше укрепило «всю систему европейского баланса сил»<sup>56</sup>. Обратившись к традиционной политике «поддержания status-quo»<sup>57</sup>, державы предприняли также попытку стабилизировать положение на Балканах. В 1887 г. соответствующие соглашения Россия заключила с Германией, а в 1897 г. – с Австрией.

Провал этой политики авторы сборника объясняют двоякого рода причинами. С одной стороны, в начале XX в. резко обострилось соперничество держав, отчасти связанное с тем, что «равновесие сил в Европе серьезно пошатнулось в результате несчастной для России войны с Японией и революции 1905-1907 гг.»<sup>58</sup> Разразился Боснийский кризис, положивший «конец мечтаниями о сохранении status-quo» на Балканах. С другой стороны, этой политике противодействовали и сами балканские

<sup>54</sup> Международные отношения на Балканах 1856-1878 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М. 1986. С. 333.

<sup>55</sup> Там же. С. 7, 403.

<sup>56</sup> В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. М. 2003. С. 17, 24.

<sup>57</sup> Там же. С. 66, 181, 224.

<sup>58</sup> Там же. С. 362.

государства, стремившиеся к перекройке существующих границ. Их активность свидетельствовала о том, что «отошла в прошлое система международных отношений в регионе, в которой тон задавали великие державы». Теперь, по словам В.Н. Виноградова, «на традиционное соперничество в регионе великих держав наложились межбалканские противоречия». В частности, Бухарестский мир 1913 г. отчетливо продемонстрировал «наличие в регионе двух уровней противоречий – между “великими” и между государствами самого полуострова», – переплетение которых, по заключению того же историка, и превратило Балканы в «пороховой погреб Европы»<sup>59</sup>. Авторы дают понять, что европейское равновесие, которое державам удавалось поддерживать в течение столетия, окончательно рухнуло лишь с началом Первой мировой войны.

О.В. Серова, автор исследования о политике России в итальянском вопросе середины XIX в., поддерживает тезис о том, что Крымская война явилась поворотным рубежом в развитии «европейской системы, покончившейся на Венских трактатах 1815 г.». Она утверждает: «...Парижский договор не только положил конец чудовищной борьбе, но ознаменовал окончательное падение политической системы, в течение сорока лет определявшей европейской равновесие»<sup>60</sup>. Впрочем, историк допускает, что «система 1815 г.» отчасти пережила Крымскую войну и что именно на ее полное разрушение в 50–60-е годы были направлены усилия как французской Второй империи, так и Сардинского королевства.

Автор уточнила содержание и значение важных международно-правовых принципов, которыми руководствовались в своей внешней политике европейские государства. В частности, при всем сходстве позиций Сардинского королевства и Франции по вопросу о правах европейских национальностей она обнаружили между ними и серьезное различие. Автор отмечает, что еще на Парижском конгрессе Кавур выступал сторонником «принципа единства в отношении Молдавии и Валахии», полагая, что державам, одобравшим его применительно к данной ситуации, «было бы трудно не признать и итальянское единство». Формально эти планы соответствовали внешнеполитической программе правительства Второй империи. Но, как показала исследовательница, на практике выдвинутый Наполеоном III принцип национальностей «предполагалось использовать лишь для обеспечения французских интересов: его применение в Италии должно было привести к созданию федерации, а не к единству»<sup>61</sup>. Поэтому надежду на осуществление своих планов Кавур связывал не только с Францией, но и с «полученной в

<sup>59</sup> В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М. 2003. С. 7, 9, 369.

<sup>60</sup> Серова О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М. 1997. С. 30, 38.

<sup>61</sup> Там же. С. 25, 143.

результате участия в работе Парижского конгресса возможностью включиться в европейский концерт»<sup>62</sup>.

Как установила О.В. Серова, Россия по итальянскому вопросу занимала двойственную позицию. С одной стороны, она осуждала сардинского монарха за то, что своими самовольными действиями он лишил тронов ряд легитимных государей, присоединив их владения к Итальянскому королевству. С другой стороны, правительство России не исключало сделки с Францией о пересмотре как договоров 1814-1815 гг., так и Парижского мира 1856 г., а в итальянском вопросе «по существу придерживалось [политики] признания свершившихся фактов, предпочитая прикрывать такую позицию рассуждениями о принципах». О.В. Серова пришла к выводу, что «легитимистский принцип, которому был привержен Николай I и активным защитником которого повсюду выступал Нессельроде, в правление Александра II... явно утратил свое былое значение: царь отдавал ему дань скорее в силу воспитания, чем убеждений, а Горчаков... использовал сей принцип в качестве ширмы для сокрытия подлинных мотивов... равно как в тактических демаршах»<sup>63</sup>.

О.В. Орлик в монографии, посвященной международной роли России в 1815-1829 гг., пишет о том, что «после крушения империи Наполеона сложилась новая система международных отношений, вошедшая в историю под названием “венской”». Исследовательница отмечает, что «венская система» существовала «на протяжении более сорока лет». Но о конкретных обстоятельствах ее гибели автор ничего не сообщает, поскольку этот вопрос лежит явно за пределами хронологических рамок исследования. Не останавливается О.В. Орлик подробно и на правовых принципах, взятых, по ее выражению «европейскими монархами на вооружение при создании “венской системы”», за исключением одного – баланса сил. Она отмечает, что «уже в Первом Парижском договоре 1814 г. не без давления Александра I была определена задача создания системы реального и длительного “равновесия сил”, которая должна была исключить возможность господства какой-либо из великих держав над Европой, ее раздробления на враждующие политические блоки»<sup>64</sup>.

Главное, на что О.В. Орлик обращает внимание, – это соотношение сил основных держав и идеологические ценности, положенные в основу Венской системы ее творцами. По первому вопросу автор выдвигает два в общем близких по смыслу положения. Сначала она пишет, что происшедшая после крушения наполеоновской империи «перегруппировка сил в Европе свидетельствовала, что гегемония от Франции перешла к

<sup>62</sup> Серова О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М. 1997. С. 68.

<sup>63</sup> Там же. С. 232, 242.

<sup>64</sup> Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М. 1998. С. 5, 12-13, 18.

Англии, России и Австрии», причем «основной соперницей России, претендовавшей на лидерство, теперь становилась Англия». Чуть ниже О.В. Орлик слегка смягчает формулировки, отмечая, что «решения Венского конгресса и Второго Парижского мира (1815 г.) закрепили новое соотношение сил в Европе, положение России и Англии как двух мировых держав, упрочивших свое лидерство после победы над наполеоновской Францией»<sup>65</sup>. Исследовательница не поясняет, как гегемония или лидерство сочетались с балансом сил держав – важнейшему, по ее же собственному мнению, принципу устройства Венской системы.

По вопросу об идеологических ценностях О.В. Орлик отмечает, что еще «Венский конгресс продемонстрировал приверженность консервативному началу в международных отношениях», что и нашло выражение в его решениях. По мнению исследовательницы, «охранительный характер новой, “венской системы” в целом отвечал общим интересам европейских держав». В этой связи она большое значение придает стремлению Александра I «к объединению монархов всех дружественных стран в особый “братский союз”, исключающий применение ими «силы друг против друга», чтобы «создать условия для воплощения христианских заповедей и помочь построить “единую Европу”». Но поскольку российскому императору не удалось в полной мере претворить это стремление в жизнь, он, как пишет О.В. Орлик, «стал возлагать еще большие надежды на деятельность Священного союза», созданного по его же инициативе<sup>66</sup>.

В монографии О.В. Орлик большое внимание уделяется Священному союзу, в частности, его роли на раннем этапе существования Венской системы. «Начало 20-х годов, – пишет автор, – вошло в историю... как эпоха конгрессов Священного союза. Они созывались... прежде всего для организации противодействия революциям». Опираясь на эту организацию, Александр I пытался реализовать свою идею «коллективной безопасности в Европе». Деятельность Священного союза, с точки зрения поставленных перед ним задач, оказалась результативной: «...Европейские революции были подавлены, легитимные монархи восстановлены на своих престолах, престиж царя в делах Европы сохранен». Однако, утверждает исследовательница, «своекорыстные интересы держав разъедали союз изнутри», в итоге он оказался неспособным остановить процесс общественных перемен<sup>67</sup>.

Как показывает О.В. Орлик, с аналогичными трудностями столкнулась и Венская система в целом. Исходя из представления о том,

<sup>65</sup> Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М. 1998. С. 5, 11-12.

<sup>66</sup> Там же. С. 16, 31.

<sup>67</sup> Там же. С. 37, 51.

что державам свойственно стремление к господству, исследовательница утверждает, что «их собственные геополитические интересы вели к соперничеству, порождая глубокие противоречия, что разъедало “венскую систему” изнутри». Уже через короткое время после Венского конгресса стало ясно, продолжает она, что «с большим трудом достигнутый баланс сил по сути оказался хрупким». По мнению О.В. Орлик, систему спасало то, что державы стремились реализовать свои «геополитические интересы... не путем новых территориальных приращений, а методом “контроля над пространством”, т.е. прямо не прибегая к военной силе и используя главным образом «искусство дипломатии»<sup>68</sup>. Но Венская система столкнулась с трудностями и другого рода. По мере того как она, по словам автора, «стала приобретать черты явно консервативной силы, сдерживавшей движение Европы по пути прогресса», против политики легитимных монархов поднялась волна новых революционных выступлений<sup>69</sup>.

Ряд положений монографии О.В. Орлик вошли в коллективный труд, подготовленный с ее участием и опубликованный в составе пятитомника под общим названием «История внешней политики России: Конец XV в. – 1917 г.» При этом некоторые из них были уточнены, но главное – анализ развития Венской системы получился более обстоятельный. В частности, авторы попытались разобраться в механизме перехода от одной исторической системы международных отношений к другой. В томе, посвященном первой половине XIX в., А.Н. Сытин выдвинул положение о том, что «войны времен французской революции и Наполеона составили переходную эпоху» в истории международных отношений – они «взорвали систему равновесия сил в Европе» XVIII в. и создали предпосылки для формирования новой равновесной «системы отношений» начала XIX в., т.е. Венской<sup>70</sup>. Авторы считают, что последняя была оформлена рядом международных договоров, заключенных в 1815 г., конкретно называя «мирный договор с Францией (очевидно, т.н. Второй Парижский мир. – A.P.), возобновленный договор о Четверном союзе и Заключительный акт Венского конгресса». Отмечается вклад русской дипломатии в «сплочение рядов союзников» и «восстановление европейского равновесия». Характеризуя соотношение сил держав, авторы утверждают, что «ведущая роль в “венской системе” принадлежала членам Четверного союза», но «лидерство оставалось за Россией и Англией»<sup>71</sup>.

<sup>68</sup> Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М. 1998. С. 11-12, 25.

<sup>69</sup> Там же. С. 249.

<sup>70</sup> История внешней политики России: Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М. 1999. С. 28-29.

<sup>71</sup> Там же. С. 116, 134, 135.

Священный союз авторы указанного тома рассматривают как «общеевропейскую охранительную систему», основанную на идеях «обеспечения стабильности в Европе, а также противопоставления христианской идеологии революционной». Они отмечают попытку русской дипломатии «превратить Священный союз во всеевропейский политический орган сохранения и укрепления “венской системы”», неудача которой привела к тому, что союз приобрел «исключительно антиреволюционную направленность». Глубоко закономерным авторы считают финал этой организации. Сначала «удар по принципам Священного союза» нанесла Великобритания, признав восставших против султана греков воюющей стороной. А вскоре и «все члены европейского ареопага... признали за мятежной Бельгией право на отделение от Нидерландского королевства..., допустив тем самым пересмотр одного из “нерушимых” постановлений Венского конгресса»<sup>72</sup>.

В томе обозначены те же уязвимые места Венской системы, на которые ранее обратила внимание О.В. Орлик: усиление противоречий между «ведущими европейскими державами», обусловленное их стремлением «к расширению сфер своего политического и экономического влияния», а также «развитие революционного движения в Европе и национально-освободительного движения на Балканах и в Латинской Америке»<sup>73</sup>. Если Венская система держалась так долго, то только потому, считает А.Н. Шапкина, что сами державы проявляли «заинтересованность» в сохранении мира и прилагали дипломатические усилия, направленные «на поиски взаимоприемлемого компромиссного решения спорных европейских проблем»<sup>74</sup>.

В книге характеризуются международно-правовые принципы, которые обусловили специфику Венской системы. Отмечается, что в основу решений Венского конгресса был положен принцип легитимизма. Законные монархи ссыпались на него, чтобы обосновать свои притязания на утраченные во время революции и наполеоновских войн троны. Упоминается «принцип монархической солидарности» европейских государей перед лицом революций. Решениями конгрессов Священного союза был закреплен принцип иностранной интервенции или вмешательства во внутренние дела государств с целью противодействия революционным движениям<sup>75</sup>. Авторы тома упоминают некоторые правовые инструменты, унаследованные Венской системой от прежней, существовавшей до Французской революции. К этому наследию они, в

<sup>72</sup> История внешней политики России: Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М. 1999. С. 134, 151, 204, 282.

<sup>73</sup> Там же. С. 117.

<sup>74</sup> Там же. С. 146, 175.

<sup>75</sup> Там же. С. 133, 166, 360.

частности, относят принцип «справедливого равновесия сил». Отмечается также, что в течение всего XIX и даже в XX в. международные отношения отчасти продолжали восприниматься «как личное, чуть ли не внутрисемейное дело среди коронованных особ». И лишь постепенно эти старые «политические ценности» замещались представлением о «примате национально-государственных интересов над волей, чувствами и даже личными обязательствами монарха»<sup>76</sup>.

Авторы рассматриваемого тома четко разделяют понятия «система отношений» и «система политики», определяя отношение первого ко второму как общего к частному. Когда они пишут о «венской системе», «системе равновесия» и т.п., можно утверждать, что почти всегда они имеют в виду систему международных отношений, а когда упоминают о системах «союзных договоров», «многостороннего посредничества», «континентальной блокады», «базельской» или «тильзитской» системах и пр., то подразумевают «внешнеполитическую систему» одного или группы, прежде всего, союзных государств. В связи с трениями держав по Восточному вопросу затрагивается в книге и вопрос о «европейском концерте». Вводится понятие «полный концерт», которое обозначает возвращение всех пяти «статусных» великих держав после размолвки к полноценному многостороннему сотрудничеству<sup>77</sup>.

Внутреннюю слабость Венской системы авторы усматривают в том, что ее творцы проигнорировали национальные права народов Европы, хотя именно «XIX столетие связано с пробуждением национального самосознания», с появлением нового правового «принципа народности». Именно поэтому революции 1848-1849 гг. явились «тяжелым испытанием для “венской системы”». Под их влиянием, отмечает В.Б. Михайлов, «национальные или псевдонациональные, подчас более чем амбициозные, задачи выдвинулись на первый план в политике многих государств, предвещая основательную перекройку европейской политической карты, суровую борьбу за лидерство на континенте, новые конфликты и войны»<sup>78</sup>. Действиями ряда держав в 1848 г. официально «на повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре “венской системы”». И решила этот вопрос, по мнению авторов тома, Крымская война. Она не только подорвала влияние России на Ближнем Востоке и Балканах, снизила международный авторитет Российской империи как великой державы, но и существенно нарушила «европейской равновесие». Указанные последствия Крымской войны авторы считают достаточным основанием для несколько противоречивого вывода: «Окончательно прекратила существование

<sup>76</sup> История внешней политики России: Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М. 1999. С. 29, 30.

<sup>77</sup> Там же. С. 342.

<sup>78</sup> Там же. С. 88, 133, 325.

“венская система”. Ей на смену пришли другие системы союзов и объединений европейских государств, прежде всего “крымская система”, т.е. Тройственный союз Великобритании, Австрии и Франции, имевший “антирусскую направленность”<sup>79</sup>.

В томе, посвященном внешней политике России второй половины XIX в., «крымская система» определяется как «новая расстановка сил в Европе», сложившаяся после Парижского мира 1856 г., и просто как «союз Англии, Франции и Австрии, направленный против России»<sup>80</sup>. Авторы утверждают, что этот союз оказался непрочным, потому что Наполеон III вынашивал «планы расширения границ своей империи и упрочения ее гегемонии в Европе», угрожая своим союзникам даже в большей мере, чем России. Поэтому русскому правительству союз с Францией представлялся поначалу «перспективным, поскольку... сулил надежду добиться пересмотра Парижского договора». Но когда Пруссия решила бросить «вызов французской гегемонии», Россия встала на сторону последней, ибо, как поясняет Н.И. Хитрова, «победа Франции закрепила бы ведущее положение Наполеона III на континенте и могла дать новый импульс “крымской системе”»<sup>81</sup>.

По мнению авторов тома, франко-прусская война не столько восстановила в Европе «политическое равновесие», или «равновесие сил», сколько наклонила чашу весов в противоположную сторону. Комментируя это явление, И.С. Рыбачёнок пишет: «В каждой системе существует равновесная точка – порог, и даже незначительные изменения... переход ее через эту точку приводят к... новой структуре. В системе международных отношений нового времени одной из таких точек стал 1871 год, когда появление в Европе нового, молодого, мощного государства – Германской империи – кардинально изменило расстановку сил в мире». Еще большую угрозу политическому равновесию в Европе представлял Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. Его смог уравновесить только русско-французский союз, создание которого «стало второй пороговой точкой в системе международных отношений 90-х годов XIX в.» Русско-французский союз, заключает автор, «восстановив на известный период равновесие сил в Европе, ...заложил основы новой системы – противостояния блоков держав»<sup>82</sup>.

Указанный период истории международных отношений, начало которому положило образование Германской империи и который

<sup>79</sup> История внешней политики России: Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М. 1999. С. 348, 413, 415, 416.

<sup>80</sup> История внешней политики России: Вторая половина XIX века. (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М. 1999. С. 5-6, 50, 97 и др.

<sup>81</sup> Там же. С. 75.

<sup>82</sup> Там же. С. 301.

завершился созданием русско-французского союза, авторы тома не отождествляют ни с «крымской», ни с возникшей в конце столетия системой блокового противостояния держав. Характеризуя в целом правовое устройство системы (или систем) международных отношений 50–80-х годов XIX в., они упоминают «принцип национальностей», выдвинутый Наполеоном III, а также «принцип невмешательства», к соблюдению которого Россия призывала другие страны в связи с событиями в Польше и на Балканах<sup>83</sup>. Подробно в томе освещена дискуссия по вопросам внешней политики, которая возникла в русском обществе под впечатлением дипломатических неудач 50–70-х годов и которая свидетельствовала о переоценке международно-правовых и политических ценностей. Отмечается, что ее участники, критикуя внешнюю политику царизма, утверждали, что она противоречит «национальным интересам», и требовали от правительства проведения подлинно «национальной политики». По наблюдениям В.М. Хевролиной, дискуссия отразила широкий разброс мнений относительно того, в чем заключаются национальные интересы и какой должна быть национальная политика, поскольку под этим лозунгом «выступали различные политические деятели и группировки» и «каждый вкладывал в него свое понимание». Правящие круги России, в частности, интерпретировали национальные интересы просто как «интересы самодержавного государства»<sup>84</sup>.

Авторы последнего тома, посвященного истории внешней политики России в конце XIX – начале XX в., разделяют приведенное выше мнение о роли русско-французского союза. По словам А.В. Игнатьева, он «уравновесил превосходство Германии и ее союзников и до некоторой степени стабилизировал положение в Европе»<sup>85</sup>. Вместе с тем в книге отмечается, что восстановленное таким образом «равновесие сил держав… носило неустойчивый характер», поскольку «поддерживалось гонкой вооружений и противостоянием блоков и коалиций государств». Сложилась поистине драматическая ситуация, поскольку блковое соперничество держав потенциально грозило «расширением рамок неизбежных в ту эпоху конфликтов», т.е. какой-нибудь локальный конфликт мог легко перерасти в «большую» войну. Кроме того, «из-за противоречий между партнерами» недостаточно прочными были и сами

---

<sup>83</sup> История внешней политики России: Вторая половина XIX века. (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М. 1999. С. 62, 149, 177.

<sup>84</sup> Там же. С. 273, 312, 321, 344 и др.

<sup>85</sup> История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997. С. 131.

противостоявшие друг другу блоки: «Отсюда передвижки в расстановке сил, иногда приводившие к радикальным переменам»<sup>86</sup>.

Относительно самой системы международных отношений авторы указанного тома в развитие идей своих коллег формулируют два важных вывода. Один гласит, что во второй половине XIX в. «в связи с торжеством капиталистического способа производства и созданием мирового товарного рынка» сложилась «всемирная (мировая) система отношений государств и народов», в состав которой, в частности, входили «системы европейских и дальневосточных отношений». Согласно другому выводу, в начале XX в. возник «кризис системы межгосударственных, международных отношений, вылившийся в катаклизм мировой войны»<sup>87</sup>. Среди признаков этого кризиса В.А. Емец обращает внимание на сбои в работе «традиционного механизма урегулирования» международных противоречий – «европейского концерта», который не сумел предотвратить в начале XX в. Балканскую войну или, как пишет автор, «в данном случае не сработал»<sup>88</sup>.

В монографии Н.П. Таньшиной рассматриваются споры во Франции второй четверти XIX в. по вопросам внешней политики. Приводимые автором материалы дают возможность взглянуть на развитие Венской системы международных отношений (автор определяет ее также как «систему Венских договоров» или как «Венскую систему договоров») как бы изнутри, глазами современников и даже участников этого процесса. В монографии показано, что правовые принципы, в соответствии с которыми была устроена Венская система, вызывали в политических кругах Франции активное неприятие. «Начиная с первых лет Реставрации, – пишет автор, – в массовом сознании французов формируется убеждение, характерное для всего XIX в., что главным источником французских бед... являются договоры 1815 г.»<sup>89</sup> Негативно французская общественность относилась и к участию своей страны в «европейском концерте», к необходимости согласовывать политику Франции с позицией других держав. В этом общественность усматривала, по словам Н.П. Таньшиной, «торжество принципов легитимизма, пренебрежение национальными интересами... в угоду интересам династическим»<sup>90</sup>.

Между тем, отмечает автор, король Луи Филипп, прияя к власти в результате революции 1830 г., подтвердил «все территориальные

<sup>86</sup> История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997. С. 13, 45.

<sup>87</sup> Там же. С. 13, 221, 300.

<sup>88</sup> Там же. С. 326-327.

<sup>89</sup> Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М. 2005. С. 183.

<sup>90</sup> Там же. С. 369-370.

изменения, произведенные трактатами 1815 г.» Фактически он поддержал принцип легитимизма, ненавистный тем политическим силам, которые возвели его на трон. По мнению автора, король руководствовался не убеждениями, а pragматическими соображениями – для него «было важно добиться признания своей легитимности со стороны европейских монархов». Ведь даже сторонники короля, орлеанисты, не отрицали, что существующий международный порядок противоречит «национальным интересам». В частности, один из столпов режима Ф. Гизо «допускал, что Венская система со временем могла претерпевать “легитимные и необходимые” изменения», и сожалел, что для отмены указанных договоров «еще не пришло время». Автор считает позицию властей Франции по этому вопросу по меньшей мере двусмысленной: «...Не призывая к ликвидации Венской системы, орлеанисты своими комбинациями... по сути подготавливали ее распад»<sup>91</sup>.

Двойственным было их отношение и к другому известному принципу – «невмешательства». Формально он был возведен, по словам Н.П. Таньшиной, в ранг «основополагающей линии внешней политики». Французские власти давали понять иностранным государствам, что не потерпят их вмешательства во внутренние дела своей страны. Фактически же сама Июльская монархия не раз использовала этот принцип, чтобы «активно вмешиваться в дела иностранных государств», включая Бельгию и Швейцарию. Свобода, с которой французское правительство его «интерпретировало», приспосабливая к целям своей политики, свидетельствовала, что и в этом случае оно руководствовалось не только принципами, сколько соображениями «конкретной выгоды» и «целесообразности»<sup>92</sup>. В таком подходе к международным делам Н.П. Таньшина усматривает элементы политического реализма («реальной политики»), проявившиеся раньше, чем в других странах, в деятельности французской дипломатии<sup>93</sup>.

В.Н. Виноградов связывает отход русской дипломатии от устаревших принципов и ценностей Венской системы с именем А.М. Горчакова, деятельность которого на балканском направлении освещает в своей монографии. Эту личность, по мнению историка, отличали не только «ясность в определении цели», но и «сугубый, порой жесткий реализм в методах ее достижения». Он признает, что Горчакову были присущи некоторые слабости: «Чуть ли не массовая деграндизация князей... в процессе объединения Италии... глубоко задела монархические чувства двух Александров, Романова и Горчакова». Но последний, как министр

<sup>91</sup> Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М. 2005. С. 40, 47-48, 55, 209, 370-371.

<sup>92</sup> Там же. С. 50, 148-149, 372.

<sup>93</sup> Там же. С. 55, 59, 83, 371.

иностранных дел, всегда во главу угла ставил «нужды страны, а не солидарность с монархами». Автор подчеркивает: над всеми прочими соображениями у Горчакова «доминировал государственный интерес». Это проявлялось в том, что Горчаков, по словам В.Н. Виноградова, был «убежденным адептом европейского равновесия, его зорким и бдительным стражем»; «вполне правомерно усматривал европейский интерес в том, чтобы дать коллективный отпор претенденту на гегемонию в Европе»; и конечно же «приложил максимум усилий, чтобы сооруженная в Париже в марте 1856 г. система... рухнула, просуществовав всего 15 лет». В.Н. Виноградов высказывает предположение, что благодаря деятельности Горчакова наметилась «деидеологизация» внешней политики России: ведь после Крымской войны он вынашивал план заключения союза с Францией «независимо от ее строя... на основе общего тяготения к миру и прочному балансу сил на континенте»<sup>94</sup>.

«Государственный интерес», которым руководствовался в своей деятельности Горчаков, автор монографии противопоставляет «принципу национальностей», выдвинутому Наполеоном III, равно как и успехи, пусть скромные, русской дипломатии – громким неудачам французской. В.Н. Виноградов показывает, к чему привело стремление императора французов ослабить Россию в Крымской войне. Все выгоды от его усилий достались сначала Великобритании, которая «не выиграв ни одной решающей битвы..., заставила самодержавие отказаться от преимуществ в Османской империи, достигнутых в четырех войнах», а затем – Пруссии, которая обеспечила себе «перевес сил... в ущерб Франции и России». Не довели до добра и попытки Наполеона III примерить доспехи «рыцаря принципа национальностей» – этот принцип на самом деле оказался, по образному выражению автора, «камнем», который он «повесил себе на шею»<sup>95</sup>.

В рассматриваемой монографии внимание В.Н. Виноградова обращено главным образом на политico-дипломатические и международно-правовые аспекты борьбы России за пересмотр Парижского мира 1856 г. В частности, он отмечает, что образование единого Румынского государства произошло в нарушение указанного договора и что таким образом был «создан прецедент для новых пополнений на ненавистный акт». Автор подчеркивает, что добиваться поставленной цели Горчаков намеревался «дипломатическим путем», будучи убежденным сторонником «сотрудничества в рамках “концерта держав”». В.Н. Виноградов ненавязчиво сравнивает своего героя с Бисмарком, который, наоборот, «продемонстрировал... пренебрежение к мнению... “концерта

<sup>94</sup> Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М. 2005. С. 5, 6-7, 37, 89, 286.

<sup>95</sup> Там же. С. 29, 52, 110.

держав”», а заодно и к международному праву: когда Пруссия навязала Франции «унизительный» Франкфуртский мир, «никто не потребовал представить его условия на обсуждение конгресса», а сам Бисмарк «ограничился уведомлением о ниспровержении существовавшего в Европе баланса сил». Упоминая о Венской или Крымской «системах», автор имеет в виду соответствующий международно-правовой порядок в Европе и на Балканах, предпочитая такие определения, как «система договоров 1815 г.», «Венская система договоров», «система Парижского мира». Напротив, образование Двойственного союза Германии и Австро-Венгрии в 1879 г. он расценивает именно как «переворот во всей системе европейских отношений», связанный со стремлением обеих держав добиться «преобладания» в Европе<sup>96</sup>.

Характеристику «государственного интереса» В.Н. Виноградов уточняет в обобщающей монографии, посвященной политике России на Балканах в конце XVII – начале XX в. В ней историк показывает, как медленно и с каким трудом усваивала этот правовой принцип русская дипломатия первой половины XIX в. По мнению автора, важной вехой на этом пути явился Восточный кризис 20-х годов, когда самодержавие после «мучительных» колебаний «между чувством и долгом... встало на путь поддержки освободительного движения христианских народов и попрания власти легитимнейшей из династий, Османской». С этого времени в своей балканской политике Россия отказалась следовать умозрительным теориям и принципам, предпочитая руководствоваться конкретными «соображениями стратегической безопасности, коммерческой выгоды, народной симпатии к православным и стремлением избавить их от османского ига». В итоге, по словам В.Н. Виноградова, «Балканы рано вышли из тени Священного союза, оказавшись в развалке между постулатами легитимизма и государственными интересами России». Однако положение, сложившееся на Балканах, еще долго воспринималось царизмом как уникальное. «Во всей остальной Европе, – отмечает историк, – государственный интерес усматривался в другом... – “поддерживать священный огонь 1815 года” и сражаться с “адскими принципами революции”». Лишь поражение в Крымской войне заставило правящие круги России отказаться от подобных претензий. По образному выражению В.Н. Виноградова, «похоронным звоном по традициям Священного союза в политике» прозвучала знаменитая циркулярная депеша Горчакова 21 августа (2 сентября) 1856 г.<sup>97</sup>

В указанной книге В.Н. Виноградов неоднократно упоминает «Венскую систему договоров», которую еще в третьей четверти XIX в.

<sup>96</sup> Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М. 2005. С. 38, 71, 74, 110, 127, 174, 281, 286.

<sup>97</sup> Виноградов В.Н. Двуглавый орел на Балканах. 1683-1918. М. 2010. С. 235, 331.

Наполеон III «стремился изменить в свою пользу» и «на страже» которой стояли Великобритания и Россия. В одном месте он уточняет: речь идет о «договоренностях 1814 и 1815 годов», пересмотря которых добивалась Франция. Но понятия «Крымская система» автор избегает, отсылая читателя прямо к договору, с которым обычно связывают ее возникновение. Характеризуя международное положение после Крымской войны, он пишет, что Россия была заинтересована «в изменении условий трактата 1856 года», а по поводу решений Берлинского конгресса отмечает, что Россия на нем «похоронила все, что оставалось вредного и унизительного от Парижского мира 1856 года»<sup>98</sup>. Подобные предпочтения свидетельствуют, что предметом анализа историка является именно правовой порядок Европы XIX в.

По мнению В.Н. Виноградова, значительная перемена в расстановке сил в Европе произошла в результате упомянутого выше Восточного кризиса 20-годов: «...Строй держав смешался, никогда больше Россия, Австрия, Франция, Пруссия не выступали в едином строю, каждый защищал свои интересы и тянул воз на себя». А вот равновесие сил было серьезно нарушено лишь в последней трети XIX в. Автор отмечает, что с 1879 г. «в Европе доминировала... австро-немецкая группировка, к которой примкнули Италия и Румыния». Впрочем, «гегемония Центрального блока на континенте пришла к концу», когда был заключен договор об образовании русско-французского союза, который «резко изменил баланс сил в Европе». Но, как утверждает автор, «в 1898 году произошло событие, предвещавшее полную перекройку баланса сил в Европе: рейхstag принял первые законы о сооружении мощного военно-морского флота»<sup>99</sup>.

Несколько важных идей по интересующей нас теме формулирует И.С. Рыбачёнок в своем исследовании о внешней политике России рубежа XIX–XX вв. Она считает, что на переломе столетий «сложилась всемирная система международных отношений, являвшая сложное переплетение разнонаправленных и отчасти совпадающих интересов ее участников на всех континентах». К этому привели «качественные изменения» в развитии человечества, в результате которых «мир стал едиными» и «любые действия каждой из держав не могли не затрагивать интересов всех прочих»<sup>100</sup>. В самой Европе к концу XIX в., по мнению автора, возникло «известное равновесие сил», которое «базировалось на системе союзов: Тройственного – Германии, Австро-Венгрии и Италии и Двойственного –

<sup>98</sup> Виноградов В.Н. Двуглавый орел на Балканах. 1683-1918. М. 2010. С. 296, 332-333, 419.

<sup>99</sup> Там же. С. 235, 429, 430, 438.

<sup>100</sup> Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: Цели, задачи и методы. М. 2012. С. 5, 566.

России и Франции». Причем, историк допускает, что слабым звеном этой «системы» был русско-французский союз, поскольку для России с ее широким «полем» geopolитических интересов «союзные отношения с Францией оказывались недостаточными в новых реалиях для отстаивания собственных замыслов». Вместе с тем, утверждает И.С. Рыбачёнок, позиция России свидетельствовала о ее «неготовности активно и планомерно» защищать свои позиции в мире. Руководствуясь принципом «поддержания статус-кво», русская дипломатия лишь плелась в хвосте событий и «все больше проигрывала своим соперникам и конкурентам»<sup>101</sup>. Поэтому обстановка в Европе в большей мере зависела от постоянно менявшегося «соотношения сил» держав, чем от сохранения зыбкого «равновесия». Автор акцентирует две стороны любой международной системы – правовой порядок, закрепленный в действующих международных договорах, и реальное могущество крупнейших государств, находящиеся между собой в строгой корреляции. «...Договоры только фиксируют, – пишет И.С. Рыбачёнок, – сложившееся на момент их подписания соотношение сил и закладывают основы новой системы международных отношений... Но с изменением экономического и военного потенциала держав соотношение сил неизбежно меняется, и в результате складывается новая система международных отношений»<sup>102</sup>.

Эту идею авторский коллектив новейшего труда, членом и руководителем которого является И.С. Рыбачёнок, положил в основу собственной периодизации систем международных отношений. В нем рассматривается международная роль России на протяжении почти 400 лет. По мнению самой И.С. Рыбачёнок, автора предисловия, в одном лишь XIX в. Европа повидала три «самостоятельные» системы международных отношений – «Венскую, Крымскую и Берлинскую». Каждая из них «возникла после крупного военного конфликта и оформлялась обычно на международном конгрессе, который фиксировал в договорах или трактатах новое территориально-политическое устройства и сложившееся соотношение сил». Впрочем, историк признает, что вопрос о периодизации международных систем остается в нашей литературе открытым: «Высказывается мнение, что Венская система не пала ни в ходе военного столкновения бывших союзников (по Крымской войне. – А.Р.), ни в результате решений Парижского мира, а просуществовала вплоть до Версальского мирного договора 1919 г.»<sup>103</sup>

Возникновение Венской системы автор соответствующей главы Е.П. Кудрявцева связывает с «перегруппировкой международных сил» начала

<sup>101</sup> Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: Цели, задачи и методы. М. 2012. С. 13, 566, 568.

<sup>102</sup> Там же. С. 61.

<sup>103</sup> От царства к империи... С. 7, 261.

XIX в., в результате которой на «главные роли» выдвинулись Россия и Великобритания. В основу этой «новой политической реальности» легли правовые принципы и ценности «легитимизма, консерватизма, баланса сил и политического равновесия». Автор особо подчеркивает, что «принцип равновесия» подразумевал «невозможность какой-либо одной державе значительно укрепить свое политическое влияние в Европе за счет соседей». Такое положение зафиксировал «четырехсторонний альянс» Великобритании, Австрии, России и Пруссии, к которому позднее присоединилась Франция. Возник союз пяти держав (пентархия), который и «стал вершить» европейские дела. Впрочем, по мнению Е.П. Кудрявцевой, достигнутое таким способом «единство Европы» оказалось во многом «иллюзорным». Это обнаружилось во время Восточного кризиса 20-х годов, когда союзники заставили Россию «отступить, подчиняя свои интересы “коллективным” решениям». В начале 30-х годов «разрушительные удары» Венской системе нанесли революция в Бельгии и польское восстание, а также распад пентархии на «две группировки – англо-французскую и русско-австро-прусскую». Подъем национальных движений и «противоборство» обоих альянсов привели к «кризису всей Венской системы», в результате которого «легитимный порядок... должен был уступить место... процессу национально-политического переустройства европейского пространства», что и произошло в результате Крымской войны<sup>104</sup>.

В.М. Хевролина, также автор указанного труда, определяет Крымскую систему как «новую систему обязательств» держав друг перед другом, учрежденную Парижским миром 1856 г. Ее целью было «сдерживание России на юго-западе Европы и применение к ней различных санкций». В этой системе историк выявляет «два узла противоречий: борьбу за гегемонию в Европе и соперничество вокруг того или иного решения Восточного вопроса». Причем, определяющее влияние на международные отношения в Европе оказывали, по выражению автора, «державы-хищницы – Англия, Франция, Пруссия». Понятно, что при таких обстоятельствах «европейское равновесие отличалось условностью и кратковременностью»<sup>105</sup>. Большое внимание В.М. Хевролина уделяет деятельности А.М. Горчакова, утверждая, что он последовательно выступал за «достижение европейского равновесия и баланса сил». Однако «в условиях Крымской системы» эти цели «оказались очередными иллюзиями». Автор утверждает, что Петербург не только не решил «все насущные задачи внешней политики России», но во имя абстрактных принципов «подчас жертвовал национальными интересами, шел на

<sup>104</sup> От царства к империи... С. 262-263, 271, 277, 292.

<sup>105</sup> Там же. С. 298-300.

нежелательные компромиссы»<sup>106</sup>. Главный порок Крымской системы В.М. Хевролина усматривает в том, что западные державы «отстранили Россию от активного участия» в европейских делах, а это в свою очередь «разбалансировало эффективный механизм равновесия и мира в этом регионе». Другой ее недостаток заключался в том, что «организующего начала – по типу конгрессов Священного союза – не существовало». Крымскую систему, заключает автор, «постепенно расшатали» международные кризисы, связанные с европейскими войнами конца 50-х – начала 70-х годов, восстаниями в Польше и на Балканах, а «похоронил» ее Восточный кризис и русско-турецкая война 70-х годов<sup>107</sup>.

Берлинскую систему автор соответствующей главы И.С. Рыбачёнок характеризует как «более сложную» по сравнению с Крымской. Она представляла собой по существу начальный этап «складывавшейся мировой системы международных отношений». К характеристике последней, которая содержится в монографии автора (см. выше), в главе добавлено несколько новых штрихов. Отмечается, что указанная мировая система «состояла из европейского “центра” и внеевропейской “периферии”, а это значит, что «конфликты в любом регионе не могли не влиять на соотношение сил между державами в целом». Во всяком случае, считает автор, «усложнение системы делало ее менее устойчивой». И.С. Рыбачёнок показывает, что международные кризисы на Ближнем Востоке поразили Берлинскую систему в самое сердце, ее европейский «центр». «Первый удар» нанес ей Болгарский кризис 1885 г., за ним последовали новые удары, связанные с кризисами 1894-1898 и 1901-1905 гг. «Серьезно поколебал систему» Боснийский кризис, а в 1912-1913 гг. разразились Балканские войны. Автор оспаривает мнение о том, что этими войнами «были сметены» остатки Берлинской системы. Ее довод заслуживает внимания: стороны конфликта «к Берлинскому трактату апеллировали и позже... таким образом, считая его действующим». И.С. Рыбачёнок заключает: «Последний сокрушительный удар система получила в ходе Июльского кризиса 1914 г., который стал для нее роковым, поскольку резервов для трансформации системы уже не осталось»<sup>108</sup>.

Подведем итоги. Двойственное истолкование в отечественной исторической литературе международных систем не только как равновесных, но и как иерархических, отмеченное нами выше, в полной мере проявилось по отношению к Венской системе. Часть авторов, работы которых мы рассмотрели в настоящем обзоре, воспринимают ее как равновесную, основанную на балансе сил основных держав. Они большое внимание уделяют «концерту держав» как дипломатическому инструменту

<sup>106</sup> От царства к империи... С. 304, 317, 329.

<sup>107</sup> Там же. С. 300, 316, 329, 331-332.

<sup>108</sup> Там же. С. 388-390.

согласования позиций по вопросам европейской политики, разрешения возникающих противоречий и в конечном счете поддержания политического равновесия. Приверженцы другого подхода усматривают в Венской системе элементы не только равновесной, но и иерархической систем. Признавая, что по окончании наполеоновских войн в Европе сложилось политическое равновесие, они оценивают его как неустойчивое, хрупкое. Большее значение указанные авторы придают частым переменам в соотношении сил основных держав, в результате которых то одна, то другая из них добивалась господствующего (доминирующего, лидирующего) положения в Европе. Инструментом такого господства являются создаваемые державами политические или военные союзы.

Дискуссия по вопросу о периодизации Венской системы выявила большое разнообразие мнений. Одни историки считают, что эта система потерпела крушение с началом Крымской войны. По мнению других, она это испытание пережила, во всяком случае в своей существенной части, и была окончательно разрушена лишь в результате франко-прусской войны. Третьи утверждают, что важные элементы Венской системы сохранились вплоть до начала Первой мировой войны, которая и привела к ее окончательному краху. Сторонники этой точки зрения благоразумно избегают даже упоминания в своих работах о Венской системе, предпочитая определения вроде «европейская система международных отношений». Последняя, согласно еще одной, четвертой по счету, точке зрения, в конце XIX в. вошла составной частью в новую всемирную систему международных отношений.

Естественно, разнятся мнения авторов и относительно критериев периодизации. Многие ставят во главу угла войны между великими державами, такие как Крымская, австро-прусская и франко-прусская, которые приводили к переменам в соотношении сил и влияли на международно-правовой порядок в Европе. Но ряд авторов эту точку зрения не разделяет, утверждая, что несмотря на войны и периодические «подвижки» в соотношении сил держав, политическое равновесие сохранялось вплоть до конца XIX и даже до начала XX в. Меньше, чем принято думать, по их мнению, пострадал и международно-правовой порядок, учрежденный договорами 1814-1815 гг., поскольку, как известно, ни Парижский, ни Берлинский конгрессы даже не ставили задачи их отмены или полномасштабной ревизии. Указанные авторы придают значение и тому обстоятельству, что специфический механизм саморегулирования Венской системы – концерт держав, – несмотря на частые и длительные перебои в работе, также продолжал функционировать в течение почти целого столетия.

Отчасти эти разногласия проистекают из того, что различные авторы взирают на Венскую систему как бы с противоположных сторон: одни

уделяют больше внимания тем общественным силам и факторам, которые представляли для нее угрозу; другие – инструментам и механизмам ее саморегулирования. Понятно, что в распоряжении историка нет и не может быть прибора, который позволил бы «с математической точностью» рассчитать соотношение сил держав на том или ином этапе истории и вычислить некий критический для Венской системы угол крена (нарушения) их баланса. Но остается другой объективный критерий, которым нельзя пренебрегать, – принципы и нормы международного права, закрепленные в международных договорах 1814–1815 гг. Установив, в какой степени они после Венского конгресса сохраняли актуальность, а также продолжали служить основой и точкой отсчета как для новых международных договоров, так и для повседневной практики европейской дипломатии, мы, надо полагать, приблизимся и к решению ряда спорных вопросов истории Венской системы. Исследования в области истории международного права XIX в., помимо прочего, позволили бы уточнить восприятие современниками таких принципов Венской системы, как легитимизм, равновесие, концерт и др., в истолковании которых сегодня исследователи сталкиваются с трудностями.

Решению спорных вопросов несомненно способствовало бы также расширение исследований в области истории многосторонней дипломатии XIX в., в частности дипломатии международных конференций и конгрессов. Пока наши достижения здесь невелики (из последних публикаций упомянем работу И.С. Рыбачёнок, посвященную Первой Гаагской конференции мира<sup>109</sup>). Заслуживает внимания и повседневная, рутинная сторона дипломатии, связанная с отправлением текущих дел и исполнением действующих договоров. Она, как показала Е.П. Кудрявцева в монографии о деятельности российского посольства в османской столице<sup>110</sup>, является важным индикатором реального состояния дел в межгосударственных отношениях, позволяющим судить об их действительной, а не мнимой ценности для каждой из рассматриваемых сторон.

---

<sup>109</sup> Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М. 2005.

<sup>110</sup> Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре: Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М. 2010.

**«ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТ» В ЗЕРКАЛЕ БРИТАНСКИХ  
И АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ХХ В.**

**THE CONCEPT OF THE CONCERT OF EUROPE  
IN BRITISH AND AMERICAN STUDIES OF THE XXTH CENTURY**

**Ключевые слова:** европейский концерт, Венская система, Венский Конгресс, пентархия, система Конгрессов, Каслри, Меттерних, «английская школа», историография

**Keywords:** Concert of Europe, Vienna System, Congress of Vienna, pentarchy, Congress System, Castlereagh, Metternich, English school, historiography

**Аннотация:** Статья посвящена анализу трактовок «европейского концерта» в британской и американской историографии XX в. Актуальность изучению этого феномена придает его связь с проблемой поддержания международного порядка и стабильности. Внимание к теме «европейского концерта» британских и американских историков определяется не только академическим интересом, но и тем фактором, что на протяжении XX столетия сначала Великобритания, а затем США находились на вершине международно-политической иерархии и, соответственно, играли одну из ведущих ролей в выстраивании и поддержании международного порядка. Текущая международная конъюнктура, опыт мировых войн XX в. задавали ракурс для анализа феномена «европейского концерта». Если во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг. историки обращали внимание на несовершенства международной системы предшествовавшего столетия (и в частности – института «европейского концерта»), то для исследователей, создававших свои труды после Второй мировой войны, период 1815–1914 гг. в сфере международных отношений представлялся относительно стабильным в сравнении с краткой межвоенной интерлюдий. В качестве одного из факторов стабильности мира рассматривался «европейский концерт». В развитии историографии вопроса заметна определенная логика, в какой-то мере отражающая эволюцию взглядов на проблемы организации и управления международными отношениями. В то же время различия в трактовке «европейского концерта» являются производной от того факта, что само это понятие в XIX в. не было единым и статичным. Готовность великих держав к сотрудничеству не устраняла различий в интересах, борьбы за лидерство в рамках «концерта» и, соответственно, за то, чтобы придать ему собственное понимание.

**Abstract:** The article provides a critical analysis of the interpretations of the Concert of Europe by British and American historians of the XXth century. The interest in the study of this phenomenon is rooted in its relation to the problems of the maintenance of international order and stability. It is not only academic, being partly determined by the fact that throughout the XX century first Britain and then the USA was at the top of the world hierarchy, and accordingly played a leading role in the construction and maintenance of the European order. Current international environment, the experience of the two World Wars of the XXth century determined the angle from which the phenomenon of the Concert of Europe was studied. Whereas in the second half of the 1910s – early 1920s historians pointed to the deficiencies of the international system of the preceding century (and in particular, the institution of the Concert of Europe), the students of the Vienna system working after the Second World War regarded the period of 1815–1914 as relatively stable, compared to the short interwar interlude. The Concert of Europe was named as one of the factors contributing to stability and peace. Certain logic can be discerned in the development of the historiography of the problem, which to some degree reflected the evolution of ideas about international relations management. At the same time, the differences in the interpretations of the Concert of Europe derive from the fact that this very concept in the XIXth century was not fixed and static. Great Powers' readiness to cooperation did not mean that there were no conflicts of interests. They struggled for leadership within the Concert and sought to impart to it their own interpretation.

Одной из не теряющих актуальности тем, к которой на протяжении нескольких столетий обращались политические философы, а затем и историки, занимающиеся изучением внешней политики государств и международных отношений, является обеспечение мира и безопасности. В XX веке, породившем две мировые войны, особенно остро стала осознаваться проблема управления международными процессами. В поисках ее решения исследователи оглядывались на опыт прошлого – Венской системы, становление которой часто называют первой попыткой сознательного конструирования международного порядка, призванного создать условия для мирного сосуществования государств. Эта идея воплотились в связанном с функционированием Венской системы феномене «европейского концерта».

Закономерным представляется внимание к этой теме британских и американских историков. Оно определялось не только академическим интересом, но и тем фактом, что на протяжении XX в. сначала Великобритания, а затем США находились на вершине международно-политической иерархии и, соответственно, играли одну из ведущих ролей в выстраивании и поддержании международного порядка. Исследователи, особенно в конце 1910-х–1920-е гг., не скрывали, что в основе их

обращения к истории Венской системы лежали современные им проблемы: послевоенного урегулирования или создания институтов для поддержания мира<sup>1</sup>.

Уже в работах этого периода видны истоки двух трактовок «европейского концерта», которые более отчетливо проявятся в историографии второй половины XX в. Так, с одной стороны, он рассматривается как созданный великими державами механизм, нацеленный на сохранение территориальных установлений системы (или контроль над их изменениями), недопущение доминирования одной державы и поддержание европейского мира. В таком качестве он предстает в английской и американской историографии как творение британской дипломатии и ее главы Роберта Стюарта виконта Каслри. С другой стороны, «европейский концерт» ассоциируется с деятельностью, направленной на обеспечение внутреннего порядка и подавление революций. Подобная трактовка связывает его с политикой Австрии, Пруссии и России и воплощается в фигуре австрийского министра иностранных дел К. фон Меттерниха<sup>2</sup>. Это не означает невнимания британской и американской историографии ко взглядам Александра I, которому справедливо отводится особое место в процессе создания системы «европейского концерта». Вместе с тем политику Меттерниха и Каслри отличала гораздо большая степень последовательности. Во многом символично, что имена этих двух государственных деятелей вынесены в заглавие известной монографии Г. Киссинджера о Венском урегулировании, опубликованной в середине 1950-х гг. на основе его докторской диссертации<sup>3</sup>.

В год начала Первой мировой войны под общим заглавием «Конфедерация Европы: исследование европейского союза 1813 – 1823 гг. как эксперимента по созданию международной организации для поддержания мира» вышли в свет прочитанные в 1913 г. в Оксфорде лекции британского историка Уолтера Алисона Филлипса<sup>4</sup>. Хотя Филлипс не принадлежит к числу наиболее известных британских ученых, многие оценки хода мирного урегулирования после наполеоновских войн, данные в его труде, характерны для британской историографии в целом, что побуждает нас довольно подробно остановиться на его концепции. На

<sup>1</sup>См., например: *Phillips W. A. The Confederation of Europe: A Study of the European Alliance, 1813 – 1823, as an Experiment in the International Organization of Peace.* 2<sup>nd</sup> ed. London, New York: Longmans Green & Co, 1920; *Webster C. K. The Congress of Vienna, 1814–1815.* London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1919. P. iii–iv.

<sup>2</sup>См., например, *Holbraad C. The Concert of Europe: a Study in German and British International Theory, 1815 – 1914.* Harlow: Longmans, 1970.

<sup>3</sup>*Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace.* London: Weidenfeld & Nicolson, 1957.

<sup>4</sup>*Phillips W. A. Op. cit.*

фоне роста международной напряженности, с одной стороны, и развития движения за мир как реакции на нее – с другой, Филлипс обратился к анализу того, что считал первой попыткой практического воплощения идеи европейского объединения с целью сохранения мира. Как видно уже из заглавия, термины «конфедерация», «союз», «международная организация» применительно ко времени становления Венской системы для Филлипса почти что синонимичны. В этом же ряду стоит понятие «европейский концерт».

Истоки идеи «европейской конфедерации» историк усматривает в проектах реорганизации Европы, вынашиваемых Александром I и выразившихся в его инструкциях Н.Н. Новосильцеву в связи с дипломатической миссией последнего в Лондон в 1805 гг. Российский император, по мнению Филлипса, стремился не только освободить Францию и находившиеся под ее влиянием страны от «ига» Бонапарта, но и создать европейскую систему публичного права, способную обеспечить спокойствие и безопасность как отдельных государств, так и всей Европы. Признавая, что в проекте Александра I нашли отражение интересы Российской империи – ее глава стремился обеспечить себе роль арбитра в новой системе, Филлипс, как и ряд других исследователей разных лет, все же приходит к заключению, что идеализм во взглядах российского императора преобладал над pragmatismom<sup>5</sup>.

Иным было соотношение идеализма и pragmatизма в британской политике, основывавшейся прежде всего на оценке ее лидерами государственных интересов. Восприятие французской угрозы – это то, что побуждало У. Питта-мл. в конкретных обстоятельствах 1805 гг. принять многие идеи Александра I. Вслед за французским историком А. Сорелем Филлипс признавал, что важным фактором, лежавшим в основе «европейского концерта», являлось ощущение опасности со стороны Франции. В условиях войн конца XVIII – начала XIX вв. «концерт» фактически отождествлялся с антифранцузским союзом.

Ссылаясь на автора фундаментального труда «Европа и французская революция», британский исследователь упоминает о том, что рождение идеи «концерта» связано с циркулярным письмом направлявшего внешнюю политику Габсбургской империи князя Кауница императорским послам от 17 июля 1791 г. Как отмечал Сорель, «главный интерес этого документа... заключается в том кроющемся в нем абрисе политической Европы, признающей по отношению к самой себе права и обязанности»<sup>6</sup>. Подчеркивая общность культуры, религии, учреждений европейских стран, Кауниц призывал к объединению их усилий в деле поддержания

<sup>5</sup> Ibid. P. 30 – 40.

<sup>6</sup> Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. / пер. с фр. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1892. С. 195.

мира и европейского спокойствия. Филлипс, однако, обращается к циркулярному письму Кауница, лишь вскользь, не уделяя ему много внимания. Документ, вышедший из-под пера австрийского политика, важен ему лишь как пример того, что французская угроза вела к осознанию общности интересов других великих держав. Выраженные в нем идеи служат Филлипсу для объяснения согласия Питта-мл. на проект Александра I при очевидно имевшихся между позициями двух государственных деятелей расхождениях. Именно русской и британской дипломатии Филлипс отводит ведущую роль в деле выработки принципов новой системы международных отношений в период войн французской революции и наполеоновских войн.

Несовпадение их подходов к вопросу реорганизации Европы, принципиальное расхождение во взглядах Питта, а затем Каслри – с одной стороны, и Александра I – с другой, – это различие между pragmatismом и идеализмом, между союзом с четко оговоренными, ограниченными обязательствами, явившимся целью британской дипломатии, и всеохватывающим объединением для поддержания мира – общеевропейским союзом (или конфедерацией) государств, к созданию которого, по мнению Филлипса, стремился российский император<sup>7</sup>.

Таким образом, Филлипс подходит к главному для своей работы, по сути, философскому вопросу об основаниях международной системы. Важнейшей дилеммой при ее создании является выбор между свободой и порядком. Филлипс рассматривает проект Александра I как попытку создать «международную судебную систему» и «международное правительство» во имя поддержания спокойствия и мира. Однако его реализация потенциально ставила под угрозу свободу государств. Сохранить эту свободу, в трактовке Филлипса, стремилась прежде всего британская дипломатия.

Отметим, что присутствие в работе такой достаточно схематичной теоретической конструкции, как и наличие спорных, способных вызывать возражения авторских обобщений и терминов, не исключало внимания Филлипса к рассмотрению интересов государств и перипетий дипломатической борьбы в период становления Венской системы. Он показывает, что специфическая форма, которую принял «европейский концепт», являлась результатом соперничества и компромиссов между державами. Так, Шомонский трактат, в оценке Филлипса, стал отправной точкой функционирования «европейской коалиции», явившейся «опытом международного правительства», которое пыталось в течение восьми лет своего существования решить проблему примирения «общего контроля» со стороны «европейской конфедерации» над всеми сферами,

---

<sup>7</sup>Phillips W. A. Op. cit. P. 150 – 152.

затрагивающими международную жизнь, «с поддержанием свобод составляющих ее государств»<sup>8</sup>. В борьбе между двумя обозначенными выше подходами к вопросу об основаниях «европейского концерта» первоначально преимущество оказалось на стороне британской дипломатии. Так, заключение договора о Четверном союзе 20 ноября 1815 г., который, по словам историка, лег в основу «европейского концерта» в последующие годы, знаменовало собой триумф «британской реальной политики» над «опасным идеализмом Александра I»<sup>9</sup>. В нем отсутствовали статьи о взаимных территориальных гарантиях, возможность интервенции во Францию связывалась не столько с внутренними революционными потрясениями в этой стране, сколько с исходившей от нее угрозой владениям других государствам, а положение о периодических встречах монархов или уполномоченных держав, в оценке Филлипса, не формировало системы, а лишь указывало на удобное средство для обсуждения актуальных вопросов европейской политики. Таким образом, «европейский концерт» после окончания наполеоновских войн являлся во многом продолжением антифранцузского союза и был направлен на предотвращение потенциальной угрозы реванша, что соответствовало британским интересам.

Вместе с тем различия в трактовке сути «европейского концерта» между самими его архитекторами сохранялись и постепенно стали выходить на первый план. Аахенский Конгресс Филлипс считает высшей точкой существования того, что он обозначил как «европейскую конфедерацию» и что можно охарактеризовать как сотрудничество великих держав. Ее антифранцузская направленность, выразившаяся в продлении Четверного союза, была смягчена принятием Франции в лоно «европейского концерта» и фактическим образованием пентархии. Историк характеризует Конгресс уже не как продолжение антифранцузской коалиции, и даже не простое воплощение союза великих держав для сохранения мира, а как нечто большее. Решая многие вопросы европейской политики, Аахенский Конгресс, в трактовке Филлипса, на время стал «представительным органом Европы» и «Верховным судом»<sup>10</sup>.

Однако подобный эксперимент коллективного управления европейской политикой оказался недолговечным. Разногласия между державами проявлялись все отчетливее, что в конечном итоге обусловило крах «европейского концерта». И в качестве причин его неудачи, наряду с расхождениями в интересах, политическом строе великих держав, историк называет утопическое стремление сделать систему всеохватной, распространив ее на сферу не только внешней, но и внутренней политики,

<sup>8</sup>Phillips W.A. Op. cit. P. 9.

<sup>9</sup>Ibid. P. 155.

<sup>10</sup>Ibid. P. 189.

что отличало, в его оценке, подходы как Александра I, так и К. фон Меттерниха, который в начале 1820-х гг. стал играть все большую роль в определении вектора политики консервативных держав.

Сходная трактовка событий первой половины 1820-х гг. присутствует в ряде работ других британских историков, написанных уже на завершающей стадии Первой мировой войны или после ее окончания: Дж.А.Р. Марриотта, Ч. Уэбстера, Г. Темперли<sup>11</sup>. Следует оговориться, что британские исследователи отнюдь не отождествляют взгляды российского императора и австрийского канцлера. Александр I предстает в их работах как государственный деятель, который, поставив во главу угла проблему достижения всеобщего мира и руководимый этой благой целью, создал утопический по своей сути проект. Филлипс, Марриотт, Уэбстер отмечая непостоянство и тщеславие Александра I, не отказывают российскому императору в широте взглядов, понимании значения новых сил (либерализма и национализма) и стремлении их учитывать. Меттерних же, по их оценке, – реакционный политик, руководствующийся эгоистичными интересами, сознательно нацеленный на подавление свобод в империи Габсбургов, германских государствах и Европе в целом, пытавшийся превратить «европейский концерт» в «международную полицейскую силу», «склонный использовать его в интересах реакции»<sup>12</sup>. Предпринятая в том числе и по инициативе Меттерниха попытка распространить сферу действия системы на внутреннюю политику, выразившаяся в принятии принципа вмешательства на Конгрессе в Троппау, использование «концерта» для утверждения легитимизма в противовес либеральным и конституционным идеям неизбежно привели к отходу от него Англии и Франции<sup>13</sup>.

Возвращаясь к работе Филлипса, отметим, что, основываясь на анализе процесса становления Венской системы, историк делает и более широкие обобщения – об опасности любых проектов создания всеохватывающей международной организации, «всеобщего союза», поскольку они неизбежно, независимо от лежащих в их основе принципов, будь то консервативных или либеральных, несут угрозу свободе и суверенитету отдельных государств. С его точки зрения, в этом случае практически неизбежными будут попытки доминирующей державы (или держав) унифицировать политический строй остальных стран, входящих в

<sup>11</sup>См., например: *Marriott J.A.R. The European Commonwealth: Problems Historical and Diplomatic*. Oxford: the Clarendon Press, 1918; *Temperley H.W.V., Webster C.K. The Congress of Vienna 1814 – 15 and the Conference of Paris 1919 // From Metternich to Hitler. Aspects of British and Foreign History 1814 – 1939 /ed. by W. N. Medlicott*. Westport, CT: Greenwood Press, 1963. P. 1 – 24

<sup>12</sup>*Marriott J.A.R. Op. cit. P. 347.*

<sup>13</sup>*Temperley H.W.V., Webster C.K. Op. cit. P. 20.*

систему. Примечательно, что Филлипс по сути приравнивает интервенции США в ряд латиноамериканских государств в начале XX в., проводившиеся под либеральными лозунгами, к политике Священного союза в отношении европейских революций<sup>14</sup>. И в том, и в другом случае ведущая держава или державы стремились навязать свое понимание легитимности, рассматриваемое ими как гарантия мира. И в том, и в другом случае это вело к вооруженному вмешательству в дела других стран.

Проведение параллелей между Венской системой и проблемами международных отношений начала XX в. характерно и для некоторых работ Марриотта, статьи которого на актуальные темы европейской политики довольно часто появлялись в ведущих британских общественно-политических журналах в годы Первой мировой войны. В 1918 г. многие из них вошли в книгу «Европейское содружество: проблемы исторические и дипломатические». Как и Филлипс, Марриотт пишет о дилемме свободы и порядка. Для него привлекателен общий принцип, лежащий в основе идеи «европейского концерта». «Однако, — добавляет историк, — несомненно, что эта конструкция, без тщательной работы и бдительного наблюдения, под покровом содействия делу мира и даже больших усилий, которые могут предприниматься в этом направлении, способна серьезно угрожать политической свободе в отдельных государствах»<sup>15</sup>. Основной вывод Марриотта обращен к современной ему ситуации: он предостерегает против слишком больших надежд на Лигу Наций, проекты создания которой активно обсуждались на завершающем этапе Первой мировой войны, опасается формирования слишком широкой системы гарантий, в которую окажется вовлечена Великобритания.

И Филлипс, и Марриотт, по сути, рассматривают «европейский концепт» как проект системы поддержания мира, период функционирования которого если и не точно совпадает с «эпохой Конгрессов», то лишь на несколько лет выходит за ее рамки. Его крах предопределили как идеально-политические различия, так и несовпадение интересов держав. В то же время указание на разные трактовки «европейского концерта» государственными деятелями первой четверти XIX в. и определенную эволюцию этой концепции оставляет простор для иных толкований этого феномена.

С этой точки зрения представляют интерес работы Ч. Уэбстера, который, как и ряд других историков, был вовлечен в процесс выработки условий мирного урегулирования после Первой и Второй мировых войн. Он входил в состав британской делегации на Парижской мирной конференции, служил в Форин офис в 1943 – 1946 г. и участвовал в работе

<sup>14</sup>Phillips W. A. Op. cit. P. 296 – 298.

<sup>15</sup>Marriott J.A.R. Op. cit. P. 345.

конференций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. В сфере его исследовательского внимания находилась британская внешняя политика первой половины XIX в., дипломатия Каслри и Пальмерстона. Перу Уэбстера принадлежит несколько работ разных лет, в которых встречаются отсылки к «европейскому концерту». На исходе Первой мировой войны, в 1918 г., по поручению Форин офис историк написал краткое исследование о Венском конгрессе<sup>16</sup>. В отличие от Филлипса и Мариотта, в его работе практически нет теоретических обобщений; в центре внимания Уэбстера – политика великих держав и методы управления международными отношениями.

Исследователь указывает, что на Венском Конгрессе впервые была установлена иерархия государств: четко выделились великие державы, взявшие на себя функции контроля над европейскими делами<sup>17</sup>. Воплощением этого явился «концерт», реализуемый посредством встреч их представителей для обсуждения международных проблем. Казалось бы, Уэбстер ограничивал действие «европейского концерта» второй половиной 1910-х – первой половиной 1920-х гг. Так, историк пишет, что «концерт» распался достаточно быстро, когда «континентальные державы» стали использовать его, чтобы «утвердить легитимизм в противовес либеральным и конституционным идеям». В то же время он признает, что «изобретя «концерт», архитекторы Венской системы способствовали значительному укреплению европейской безопасности и «сделали много для XIX в»<sup>18</sup>. Подобный тезис наводит на мысль о том, что «концерт» продолжал существовать и после краха системы Конгрессов.

Проясняет позицию исследователя статья «Пальмерston, Меттерних и европейская система», написанная в 1934 г. В ней «концерт» рассматривается скорее не как принцип организации европейского порядка, а как инструмент политики великих держав и механизм решения ряда международных проблем. Становившийся все более заметным во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. раскол Европы на консервативный и либеральный блок сделал невозможным функционирование «европейского концерта» на постоянной основе. В то же время великие державы нуждались в «Европе»: односторонняя или блоковая дипломатия не всегда позволяла достичь внешнеполитических целей. «Меттерних, Пальмерсон, Луи Филипп и Николай I играли ведущую роль в политике 1830-х – 1840-х гг., и у каждого из них было свое представление о европейской системе»<sup>19</sup>. Каждая из держав пыталась

<sup>16</sup> Webster C.K. Op. cit.

<sup>17</sup> Ibid. P. 61.

<sup>18</sup> Ibid. P. 148.

<sup>19</sup> Webster C.K. Palmerston, Metternich, and the European System 1831 – 1840. // Webster C. K. The Art and Practice of Diplomacy. New York: Barnes & Noble, 1962. P. 153.

выстроить соответствующий ее интересам «европейский концерт». Наиболее отчетливо это стремление проявилось у Меттерниха. Статья Уэбстера повествует о том, как австрийскому канцлеру не удалось реализовать свою цель превратить Вену в центр европейской дипломатии и как направлявший британскую внешнюю политику Пальмерстон преуспел в том, чтобы, хотя и временно – на периоды работы конференций по бельгийскому и Восточному вопросам – сделать таким центром Лондон. Представляется, что исследователь солидаризуется с приведенным им высказыванием главы британского Форин офис, взятым из письма послу в Вене: «Концерт... между державами полезен или необходим, когда какой-либо имеющий силу договор не только требует, но и регулирует их общие действия, но было бы очень сложно установить постоянный концерт, не сопровождаемый каким-либо зафиксированным или определенным обязательством»<sup>20</sup>. Как видно, в уже сложившейся традиции британской историографии Уэбстер проводит различие между подходами к трактовке «концерта» английской и австрийской дипломатии. Причем, подобно Филлипсу, Марриотту и Темперли, он выступает апологетом дипломатии Форин офис.

Такой взгляд, возможно, отчасти являлся отражением определенной преемственности британской внешней политики. Примечательно, что в середине 1920-х гг. – в процессе интеграции Германии в Версальскую систему – глава Форин офис О. Чемберлен не раз сравнивал себя с Каслри. Признавая огромные заслуги этого государственного деятеля, он порой также оптимистично оценивал результаты собственной дипломатии<sup>21</sup>. Об определенных параллелях с событиями конца 10-х – 20-х гг. XIX в. писал в конце 1920-х гг. британский историк и советник по истории Министерства иностранных дел Дж. Хедлэм-Морли. Так, он уподоблял вступление Германии в Лигу Наций принятию Франции в лоно «европейского концерта». Сам «концерт» для него уже не утопический проект или механизм, действующий от случая к случаю, а принцип согласованного подхода великих держав к решению международных проблем, который был принят на Венском конгрессе, а затем расширен конвенцией о проливах, Парижским договором и Берлинским трактатом...»<sup>22</sup>. Важным для историка является тот факт, что механизм «концерта» позволял осуществлять пересмотр статус-кво невоенными методами; и то, что этот принцип, придающий гибкость и динамизм системе, был закреплен в Уставе Лиги Наций.

<sup>20</sup> Ibid. P. 179.

<sup>21</sup> Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919 – 1933. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 403.

<sup>22</sup> Headlam-Morley J. Studies in Diplomatic History. London: Methuen & Co, 1930. P. 117.

Как свидетельствует статья Уэбстера и акценты, расставленные в работе Хедлэма-Морли, во второй половине 1920-х – 1930-е гг., когда в прошлое отошли проблемы мирного урегулирования после окончания Первой мировой войны, историки несколько сместили фокус исследований: от проблем становления Венской системы они перешли к рассмотрению механизмов ее функционирования на более широком временном отрезке. Особенно ясно это видно на примере опубликованной в 1930 г. книги Р. Б. Мовата «Концерт Европы». Ее хронологические рамки – 1871 – 1914 гг. – кажутся парадоксальными с учетом того, что, воспользовавшись термином, употреблявшимся еще в последней трети XIX в., британский историк охарактеризовал этот период как «вооруженный мир»<sup>23</sup>. Однако, согласно Мовату, «европейский концерт» действовал в это время, и именно он позволял избегать войны. Великие державы демонстрировали способность договариваться между собой по многим вопросам, и, по мнению Мовата, они могли бы решать международные проблемы путем переговоров и в дальнейшем, если бы не субъективный выбор германских государственных деятелей. Таким образом, ключ к успешному функционированию «европейского концерта» Моват видел в германской политике. В отличие от многих работ антантофильской направленности, он не возлагал на Германию вину за сознательное вызывание войны, однако подчеркивал, что именно политика Берлина явилась ее причиной. Ее истоки британский историк усматривал еще в деятельности О. фон Бисмарка, основным пороком дипломатии которого, по мнению Мовата, было то, что он «не верил в Европу», «не признал европейскую роль Германии», опирался на военные союзы как на средство поддержания безопасности. И хотя сам «железный канцлер» проводил политику статус-кво, именно это «принятие перспективы воинственной Европы» подрывало «концерт» и в конечном итоге привело к войне<sup>24</sup>.

Трактовка Моватом «европейского концерта», вызвала критику со стороны видного британского историка Дж. П. Гуча. Для него «европейский концерт» в последней трети XIX – начале XX вв. – «не более, чем призрак». Это – эпоха «яростного национализма и империализма», поддержание мира в которую было менее всего обязано «концерту»<sup>25</sup>.

Дискуссия о существовании феномена «европейского концерта» в период 1871 – 1914 гг. и о его потенциале как средства сохранения мира была продолжена уже после окончания Второй мировой войны. В 1956 г.

<sup>23</sup> Mowat R. B. *The Concert of Europe*. London: MacMillan, 1930. P. vi

<sup>24</sup> Ibid. P. 69, 78, 88.

<sup>25</sup> Gooch G.P. Review. (Review Work: *The Concert of Europe*. By Professor R.B. Mowat) // *The English Historical Review*, 1932. Vol. 47. № 185. P. 136 – 137.

вышла в свет монография У. Н. Медликотта «Бисмарк, Гладстон и концерт Европы». С книгой Мовата эту работу сближало рассмотрение «концерта» как альтернативы войне, а также тот факт, что оба автора преимущественно на Германию возлагали ответственность за провал «европейского концерта».

Однако в трактовке «концерта» и определении периода действия этого механизма историки расходились. Для Медликотта «европейский концерт» – не столько реальность политики 1870-х – 1880-х гг. (которая является объектом анализа монографии), сколько проект британского либерального лидера У. Гладстона, предполагавший объединение европейских великих держав в Восточном вопросе, который являлся одним из источников постоянной напряженности в международных отношениях. Гладстон усматривал потенциал формирования международного «европейского общества» в противодействии Османской империи, принуждении ее к политике либеральных реформ в отношении подвластных народов, видел миссию великих держав в том, чтобы «заставить Турцию вести себя хорошо»<sup>26</sup>, а посредством ее выполнения предполагал «обеспечить спокойствие Европы»<sup>27</sup>. Однако тот факт, что «концерт, в глазах континентальных держав исчерпал себя», отсутствие «ощущения европейского общества», а главное – политика Бисмарка, ориентированная не на поиск согласия, а на поддержание антагонизмов между державами, с точки зрения Медликотта, привели к тому, что гладстоновский проект создания «европейского концерта» в итоге не был реализован<sup>28</sup>.

Кажется, что, отрицая существование «европейского концерта» как действующей системы в 1870-е – 1914 гг., Медликотт вместе с тем самим фактом рассмотрения его проекта как альтернативы войне признает потенциал гипотетического «концерта» в деле поддержания стабильности. В то же время обращаясь к оценке «концерта» в период после наполеоновских войн историк фактически отказывает ему в выполнении этой функции: «это мир поддерживал концерт, а не концерт мир»<sup>29</sup>.

Несмотря на некоторую непоследовательность и противоречивость в оценках «европейского концерта», присущую в работах историков второй половины XX в., представляется все же возможным выделить общую тенденцию: после Второй мировой войны более значительное распространение получила трактовка «европейского концерта» как механизма сохранения мира и регулирования изменений в системе. Если во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг. историки в большей степени

<sup>26</sup> Medlicott W.N. *Bismarck, Gladstone, and the Concert of Europe*. London: The Athlone Press, 1956. P. 3.

<sup>27</sup> Ibid. P. 305.

<sup>28</sup> Ibid. P. 305 – 336.

<sup>29</sup> Ibid. P. 18.

обращали внимание на несовершенства международной системы предшествовавшего столетия (и в частности – института «европейского концерта»), то для исследователей, создававших свои труды после Второй мировой войны, период 1815 – 1914 гг. в сфере международных отношений представлялся относительно стабильным в сравнении с краткой межвоенной интерлюдийей. «Европейский концерт» рассматривался в качестве одного из факторов стабильности и мира.

Примечательно, как меняются в этот период акценты в характеристике «европейского концерта» Уэбстером. Так, в лекции о разработке Устава ООН, прочитанной в 1946 г. в Лондонском университете, он фактически рассматривает «европейский концерт» как предтечу международных организаций по поддержанию мира – Лиги Наций и ООН<sup>30</sup>. Его рождение знаменовало признание того факта, что наряду с государственными интересами существует общий интерес Европы, заключающийся прежде всего в поддержании мира, и готовность держав сотрудничать во имя его обеспечения. Создание Лиги Наций, по сути, институционализировало систему конференций, конгрессов, совещаний послов, которые в XIX в. служили площадкой для обсуждения международных проблем.

Следуя либеральной традиции Уэбстер характеризует Лигу Наций и ООН как гораздо более демократичные институты, чем «европейский концерт», явившийся в периоды своего существования, то есть «когда великие державы могли договориться между собой», инструментом их деспотичного контроля над Европой. В то же время идея особой ответственности великих держав за состояние международных дел и их роли в системе международных отношений, воплотившаяся, по мнению Уэбстера, в институте «европейского концерта», нашла свое продолжение в создании Совета Безопасности ООН, хотя, как подчеркивал историк, он все же не стал органом их исключительного представительства.

В целом для работ периода после Второй мировой войны характерна большая степень концептуализации понятия «европейский концерт», стремление их авторов определить, что лежало в его основе, выявить закономерности его функционирования, вписать его в контекст развития системы международных отношений. В начале 1960-х гг. к этой теме обращается британский историк Ф. Хинсли, исследования которого носят более академический характер, чем рассмотренные выше работы Хедлэма-Морли или послевоенные статьи Уэбстера. Он рассуждает о важности теоретического осмысления процесса развития международных отношений, недостатках дипломатической истории, которая предоставляет

<sup>30</sup> Webster C. K. The Making of the Charter of the United Nations // Webster C.K. The Art...P. 70 – 91. См. также: *Idem*. The Council of Europe in the Nineteenth Century // Webster C.K. The Art...P. 55 – 69.

читателю лишь цепочку фактов и событий. Хинсли рассматривает феномен «европейского концерта» в контексте эволюции системы международных отношений в новое время, видя в его создании поиск альтернативы как балансу сил XVIII в., так и наполеоновскому доминированию в Европе и вместе с тем вписывая его в реалии XIX в. «Европейский концерт», с точки зрения Хинсли, базируется на признании великими державами общей ответственности за сохранение территориального статус-кво в Европе и необходимости согласованного подхода к его возможным изменениям. В качестве причин функционирования такой системы исследователь называет социально-политическую ситуацию внутри стран, образующих «концерт», определенную экономическую динамику, относительное равновесие сил в Европе, и, во многом как производную от всего этого, отсутствие устремления у какой-либо из великих держав к господству. Максимум их амбиций, как отмечает Хинсли, заключался в том, чтобы превратить столицу своей страны в центр «европейского концерта»<sup>31</sup>.

Период функционирования «европейского концерта» выходит далеко за рамки «эпохи Конгрессов». Строго говоря, Хинсли даже разделяет эти два периода, видя в «европейском концерте» более мягкую версию системы конгрессов (*attenuated Congress System*). По Хинсли, идея, лежавшая в основе двух этих систем едина. Она заключается в «создании коалиции государств для защиты публичного права». Однако представление о сфере действия этого права разнится – в «системе концерта» из нее исключаются вопросы внутреннего строя государств, она ограничивается лишь международными проблемами<sup>32</sup>. С точки зрения британского историка, эта система существовала вплоть до Крымской войны (причем сам этот конфликт рассматривается Хинсли как «война за дело концерта»<sup>33</sup>), а отдельные его принципы прослеживались в европейской дипломатии и после 1871 г. Причины ее распада многогранны: это и укрепление национальных государств, и «союз правительств с национализмом» в противовес представлению о единстве интересов с другими правительствами, и изменения в расстановке сил, и появление как потенциального источника международной напряженности все большего числа неевропейских вопросов, которые в разной степени затрагивали великие державы, что делало прежнюю форму регулирования отношений между ними посредством «концерта» менее адекватной.

<sup>31</sup> Hinsley F. H. Power and the Pursuit of Peace. Cambridge: Cambridge University Press, 1988 (reprint of 1967). P. 224; *Idem*. The Development of the European States System since the Eighteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society, 1961. Vol. 11. P. 69 – 80.

<sup>32</sup> Hinsley F. H. The Power... P. 213.

<sup>33</sup> Ibid. P. 230.

После Второй мировой войны проблемы становления и функционирования Венской системы попали в поле зрения американских историков и политологов. До этого они оставались в тени исследовательского внимания, что, как представляется, во многом соответствовало внешнеполитическому курсу США и идейным представлениям американских лидеров. Так, характерный эпизод из истории Парижской мирной конференции 1919 г. приводит Ч. Уэбстер. В ходе одного из заседаний Совета десяти премьер-министр Новой Зеландии позволил себе заговорить о Венском Конгрессе, однако его тут же осадил президент Вильсон. Американский лидер выразил пожелание, чтобы «даже посредством упоминаний дух Венского конгресса не был привнесен» в работу конференции<sup>34</sup>. Изоляционистская политика последующих американских администраций также не способствовала вниманию к этой теме. Однако ситуация радикально изменилась в результате Второй мировой войны. На смену изоляционизму в качестве внешнеполитической доктрины пришел глобализм, а идеализм Вильсона уступил место политическому реализму.

В 1957 г. была опубликована уже упомянутая выше работа Г. Киссинджера «Восстановленный мир: Меттерних, Каслри и проблемы мира, 1812 – 1822». «Европейский концерт» не является предметом исследования автора; в центре его внимания – искусство государственных деятелей в деле создания и поддержания стабильного международного порядка. Монография Киссинджера повествует о том, как благодаря усилиям глав британской и в еще большей степени австрийской дипломатии в Вене был сконструирован такой порядок. В его основе – баланс сил и легитимность, понимаемая как «согласие в отношении природы действующих в системе установлений, а также допустимых целей и средств внешней политики»<sup>35</sup>. Он был направлен на сдерживание потенциально экспансионистского участника этой системы, каковым в работе Киссинджера предстает Россия. Лишь изредка упоминаемый в книге «концерт», таким образом, становится воплощением легитимности, а также инструментом ограничения амбиций России. Как справедливо отметил в рецензии на работу Киссинджера американский политолог К. Райт, она – «в меньшей степени история победы Европы над Наполеоном и последующего восстановления, чем интерпретация этой истории в универсалистских категориях». Для рецензента очевидны параллели между Россией эпохи Александра I и Сталина, наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, Францией времен Талейрана и Германией периода канцлерства Аденауэра, Великобританией, чья внешняя политика

<sup>34</sup> Webster C.K. The Principles of British Foreign Policy in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Webster C.K. The Art...P. 28.

<sup>35</sup> Kissinger H. Op. cit. P. 2.

направлялась Каслри, и США времен Ф. Д. Рузельта, Австрией Меттерниха и Великобританией Черчилля<sup>36</sup>.

Гораздо более глубокое осмысление системы XIX в. дано в трудах американского историка П. Шредера, которые интересны как постановкой проблемы трансформации системы международных отношений, так и авторским взглядом на специфику европейской политики XIX в. В качестве сущностных характеристик любой системы международных отношений Шредер называет не только количество великих держав, распределение власти между ними, характер противоречий, но и специфику внешнеполитического поведения государств на международной арене, принятые нормы и практики международного взаимодействия и ведения дипломатии. Именно изменения в этой области исследователь считает важнейшим аспектом трансформации, произошедшей в Европе в ходе войн Французской революции и наполеоновских войн<sup>37</sup>. Они проявились, в частности, в возникновении феномена «европейского концерта» – «комплекса практик и договоренностей, посредством которых пять великих держав сотрудничали в целях урегулирования опасных европейских проблем и предотвращения столкновений между собой»<sup>38</sup>.

Отличительной чертой работ Шредера является то, что, как специалист по австрийской политике, он смотрит на «европейский концерт» скорее из Вены, чем из Лондона. Это особенно заметно в монографии «Австрия, Великобритания и Крымская война: уничтожение европейского концерта», вышедшей в свет в 1972 г. Здесь в уже сложившейся историографической традиции противопоставляются «две дипломатические системы и модели поведения» – австрийская и британская. Политика Вены, и Лондона в преддверии Крымской войны и в ее ходе носила антирусский характер. Однако различие, согласно Шредеру, заключалось в том, что «Австрия стремилась предотвратить войну и сдержать Россию в рамках установленного концерта, принудить ее взаимодействовать с Турцией посредством этого концерта, таким образом сохранив действующие договоры и границы Европы», а «вигско-пальмерстоновская тактика конфронтации… стремилась вынудить Россию отступить перед лицом превосходящей коалиции и создать новую ведомую

---

<sup>36</sup> Wright K. Review. (Reviewed Work: *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812 – 22. By Henry A. Kissinger*) // *The American Historical Review*, 1958. Vol. 63, № 4. P. 953 – 955.

<sup>37</sup> Schroeder P.W. *Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1972; *Schroeder P.W. Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power?* *American Historical Review*, 1992. Vol. 97, № 3. P. 683 – 706; *Idem. The Transformation of European Politics, 1763 – 1848*. Oxford: Clarendon Press, 1996.

<sup>38</sup> *Schroeder P. W. Austria… P. xi.*

Западом Лигу государств в Европе...»<sup>39</sup>. Великобритания, в отличие от Австрии, добивалась односторонних выгод: своей победы и поражения России. В конечном итоге, по мнению Шредера, именно британская политика в наибольшей степени ответственна за начало войны и подрыв «европейского концерта», что в свою очередь открыло дорогу череде европейских конфликтов в 1860-е – начале 1870-х гг.

Как видно, трактовка Шредером австрийского и британского отношения к «концерту» применительно к 1850-м гг. отличается от интерпретаций, которую давали историки политике Лондона и Вены в первые годы существования Венской системы. Безусловно, за период 1815 – 1853 гг. и та, и другая претерпела определенные изменения: система Меттерниха рухнула, британскую внешнюю политику возглавлял не «наиболее европейский» из ее министров Каслри, а в гораздо большей степени склонный к односторонним действиям Пальмерстон<sup>40</sup>.

Однако представляется, что не в этом кроется основная причина различий. Она скорее в более консервативных взглядах американского историка. Показательно, например, сравнение оценок Темперли и Шредером отношения Каннинга к «европейскому концерту». Для Темперли Каннинг, разваливавший «европейский концерт», – прогрессивный государственный деятель, боровшийся против реакционной системы Меттерниха<sup>41</sup>. Шредер же называет разрыв Каннинга с «системой Конгрессов» – возвращением к политике XVIII в. с его неограниченной конкуренцией государств на международной арене<sup>42</sup>. Вряд ли такое определение в полной мере правомерно – политика Каннинга, а впоследствии и Пальмерстона, была скорее не шагом назад, а шагом вперед – к эпохе конкуренции национальных промышленных держав. Однако мысль, которую пытается донести Шредер, ясна. Для него критерием прогресса является многосторонняя дипломатия, а регрессом – односторонняя политика. Показательно и отличие в трактовках Шредером и Хинсли Крымской войны: если первый полагает, что она знаменовала собой крах концерта, то для второго – это война за утверждение концерта и расширение сферы его действия на Ближний Восток в противовес односторонней политике России.

<sup>39</sup> Ibid. P. xii.

<sup>40</sup> Примечательно, что П. Шредер далек от идеализации Меттерниха, которая присутствует в труде Г. Киссинджера. Его интерпретация деятельности главы австрийской дипломатии во многом согласуется с оценками, которую давали ей британские историки в период после Первой мировой войны. Особенно это характерно для более ранних работ Шредера. См.: *Schroeder P.W.Metternich's Diplomacy at Its Zenith, 1820 – 1823*. Austin, TX: University of Texas Press, 1962.

<sup>41</sup> Temperley H. The Foreign Policy of Canning, 1822 – 1827: England, the neo-Holy Alliance, and the New World. London: Bell, 1925.

<sup>42</sup> Schroeder P. W. Austria... P. 406.

Интересны рассуждения П. Шредера о соотношении феномена «европейского концерта» и идеологии. Историк отмечает, что за «европейским концертом» не стояло какой-либо «четкой идеологической или политической программы»<sup>43</sup>. Любая попытка положить в основу концерта идеологию – консервативную (как это пытались сделать Меттерних и Александр I в 1820-е гг.) или либеральную (ассоциирующуюся с дипломатией Гладстона в 1880-е гг.) – ослабляла и подрывала его. Такая оценка во многом смыкается с тем, что писали Филлипс и Марриотт об утопизме проектов создания всеохватывающего союза. Действительно, идеология, в конечном итоге стремящаяся к универсализму, вряд ли может лежать в основе международной системы, состоящей из разных по своему политическому строю государств.

Вместе с тем подобная оценка, как представляется, не противоречит той точке зрения, что «европейский концерт» был все же в большей степени консервативен, направлен скорее на сохранение статус-кво, чем на его изменение. На это, как представляется, справедливо указывает в статье «Концерт Европы: свежий взгляд на международную систему» еще один американский исследователь и специалист по австрийской политике Р. Элрод. Его работа не претендует на исследовательскую новизну, а скорее является обобщением на основе уже существующих интерпретаций этого феномена. Элрод разделяет принципы, лежащие в основе систем «концерта» и «баланса сил», выявляет границы и возможности концертной дипломатии. В интерпретации Элрода, «концерт», безусловно, не являлся единственной причиной мира в период 1814 – 1854 гг., однако способствовал его поддержанию; он не мог устраниТЬ разногласия между державами, однако снижал их накал. Его функционирование показало, что «определенные практики, процедуры, представления могут с течением времени стать установленными правилами международного поведения...», он привнес стандарт ответственной политики и создал инструментарий, который периодически напоминал даже наиболее мощным государствам об их обязанности соответствовать этому стандарту»<sup>44</sup>.

Работы П. Шредера и Р. Элрода стали одним из факторов, подтолкнувших к исследованию феномена «европейского концерта» специалистов по теории международных отношений. Всплеск их интереса к этой проблеме пришелся на 1980-е–1990-е гг. Он был актуализирован дискуссиями о возможности новой архитектуры европейской безопасности в связи с кризисом и крахом bipolarной системы.

Специфика политологических работ состоит в том, что их авторы не связывают функционирование этого механизма исключительно с Венской

<sup>43</sup> Ibid. P. 405.

<sup>44</sup> Elrod R. The Concert of Europe: A Fresh Look at an International System // World Politics, 1976. Vol. 28. № 2. P. 170.

системой, называя в качестве отличительной черты «системы концерта» высокий уровень сотрудничества между великими державами (или сверхдержавами). Их интересует не столько история XIX в. и Венская система, сколько возможность выявления универсальных закономерностей функционирования международных систем. Политологи рассматривают «европейский концерт» как определенный режим безопасности, соотносят его с такими механизмами поддержания порядка как баланс сил или система военно-политических союзов, анализируют границы эффективности «концертного регулирования» в период международных кризисов.<sup>45</sup>

Особого внимания среди политологических исследований заслуживают работы одного из наиболее видных американских специалистов в области теории международных отношений Р. Джервиса. Обращение к ним, с одной стороны, позволяет обозначить различия в подходах историков и политологов к анализу одного и того же феномена, а с другой – увидеть возможности для взаимного обогащения их исследований. В 1982 г. в авторитетном журнале «International Organization» вышла статья Джервиса «Режимы безопасности», в которой «европейский концерт» рассматривался в качестве примера подобного режима. Под «режимом безопасности» американский исследователь понимает «принципы, правила и нормы, которые создают условия для того, чтобы государства были сдерживаемы в своем поведении уверенностью в том, что другие государства будут отвечать им взаимностью»<sup>46</sup>. Из приведенной цитаты видно, что автор руководствуется постулатами политического реализма в определении природы государств и характера их действий на международной арене – не случайно, что достижение стабильности связывается им с эффективностью механизмов сдерживания.

В анализе он отталкивается не от исторической реальности, а от политологического конструкта, с которой эту реальность и соотносит. Как замечает Джервис, действия великих держав в первые годы после наполеоновских войн существенно отклонялись от того, что является

<sup>45</sup> См., например: Jervis R. Security Regimes // International Organization, 1982. Vol. 36. № 2. P. 356-378. Holbraad C. Middle Powers in International Politics. London: Macmillan, 1984; Clark I. The Hierarchy of States: Reform and Resistance in the International Order. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; Kupchan Ch.A., Kupchan C.A. Concerts, Collective Security, and the Future of Europe // International Security, 1991. Vol. 6. № 1. P.114-161. Эта тенденция продолжается и в исследованиях XXI в. См.: Rendall M. Defensive Realism and the Concert of Europe // Review of International Studies, 2006. Vol. 32. № 3. P. 523-540. *Idem*. A Qualified Success for Collective Security: The Concert of Europe and the Belgian Crisis, 1831 // Diplomacy and Statecraft, 2007. Vol. 18. № 2. P.271 – 295.

<sup>46</sup> Jervis R. Op.cit. P. 357.

«нормальной силовой политикой»: «они не стремились к максимизации индивидуальной мощи, не всегда пользовались временной слабостью или уязвимостью других, шли на большие уступки, чем это было необходимо, не готовились к войне и не угрожали силой неуступчивому оппоненту. Короче говоря, они умеряли свои требования и свое поведение, учитывая интересы других участников системы при определении своей политики»<sup>47</sup>. Эти другие воспринимались не только как соперники, но и как партнеры. Подобное «аномальное» поведение Джервис объясняет вполне рациональными причинами. Государства, в его концепции, остаются рациональными акторами, принимающими решения на основе расчетов возможных выгод и потерь. В период становления Венской системы высокая цена войны в сочетании с заинтересованностью во внутренней стабильности делала более выгодным сотрудничество, а не конфронтацию.

Вместе с тем, как отмечает исследователь, в таких условиях сформировались институты и процедуры, которые оказывали дальнейшее воздействие на поведение государств, поощряя сотрудничество. «Концерт» – как его механизмы (конференции, способствовавшие росту доверия), так и восприятие ценности его поддержания – стал фактором, влияющим на поведение государств. Однако степень этого влияния в оценке Джервиса остается неясной, как неясно и значение существования или отсутствия того или иного режима для поддержания безопасности. Режим «концерта» в XIX в., согласно Джервису, оказался недолговечным, не сумев подавить стремления его участников к односторонним выгодам, которое в конечном итоге его и разрушило. Скептически автор относился к возможности создания режима безопасности в отношениях между СССР и США в начале 1980-х гг., тем более, что, как он замечал, стабильность стратегического баланса делала эту задачу не столь настоятельной<sup>48</sup>.

По сути, Джервис обращается к проблеме, упомянутой еще Медликоттом применительно к ситуации после наполеоновских войн и затрагиваемой другими исследователями: «концерт» ли поддерживает мир, или мир, покоящийся на других основаниях, создает условия для «концерта». «Если модель поведения государств определяется распределением мощи в системе, концепция режима лишена смысла», – заключает американский специалист. Однако Джервис склонен допустить – и именно этим объясняется его внимание к проблеме «концерта» – что связи между этими двумя переменными более сложные и опосредованные, что имеется определенное пространство для выбора государствами своей политики, на который могут оказывать влияние, в частности, международные институты и режимы<sup>49</sup>.

<sup>47</sup> Ibid. P. 362 – 363.

<sup>48</sup> Ibid. P. 378.

<sup>49</sup> Ibid. P. 357 – 358.

Уже после распада биполярной системы американский специалист возвращается к теме «концерта». В центре внимания его статьи «Взгляд политологии на баланс сил и концерт», опубликованной в 1992 г. – проблема объяснения трансформации от «системы баланса сил» к «системе концерта», произошедшей в результате наполеоновских войн. Автор соотносит интерпретацию сути и причин этого процесса с позиций политического реализма и неореализма – ведущих школ, занимающихся проблемами безопасности в рамках американской теории международных отношений – с той трактовкой, которая предлагается в исторических трудах П. Шредера. Как следует уже из рассмотренной выше статьи Джервиса, политологи объясняют эту трансформацию изменением среды, влиявшим на восприятие государствами угроз и возможностей для получения выгод в системе. Шредер же пишет о более глубокой трансформации – об изменении системы ценностей и взглядов на сферу международных отношений и внешней политики, о том, что государственные деятели стали думать о ней по-другому. Однако принятие такой трактовки неизбежно ставит под вопрос постулаты политического реализма и неореализма о неизменности природы человека, государства и международной системы, универсальности действующих в этой системе законов. Джервис обращает внимание также на то, что концепция Шредера по сравнению с подходом неореалистов оставляет гораздо больше простора для искусства дипломатов и государственных деятелей и предъявляет к нему более высокие требования. Так, модель «баланса сил», рассматриваемого неореалистами как закон функционирования системы международных отношений, предполагает, что государства действуют почти что автоматически, исходя из краткосрочных эгоистичных интересов, тогда как допущение того, что режимы безопасности, в частности «режим концерта», также имеют значение для развития международных отношений, требует гораздо более широко и перспективно мыслящих, мудрых государственных деятелей<sup>50</sup>.

Таким образом, Джервис предлагает по-новому взглянуть на объект и методы теории международных отношений. Его статья заставляет задуматься об адекватности объяснительной силы общих концепций и степени их применимости к анализу исторических процессов, но также и о возможности развития теоретического знания на основе опоры на исторические исследования. Постановка проблемы и рассуждения Джервиса находятся в русле зародившейся в последние десятилетия XX в. тенденции к синтезу подходов различных школ, в частности, реализма и либерального институционализма.

---

<sup>50</sup> Jervis R.A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert // The American Historical Review, 1992. Vol. 97. № 3. P. 716 – 724.

Британские специалисты по теории международных отношений<sup>51</sup> также не оставили без внимания феномен «европейского концерта». Но эта тема не вызвала у них большого интереса, как можно было бы предполагать, учитывая ее созвучность с основополагающей для «английской школы» концепцией «международного общества». По сравнению с американскими исследованиями в области теории международных отношений, специфика «английской школы» состоит в ее более тесной связи с историческим знанием. «Английская» теория международных отношений в значительной степени представляет собой философское осмысление истории их развития. Это обуславливает тот факт, что как для некоторых британских историков, так и для «английской школы» ТМО характерно рассмотрение «европейского концерта» сквозь призму проблемы нахождения баланса между суверенитетом государств и императивами международного порядка, между интересами отдельного государства (*raison d'état*) и общими интересами (иногда обозначаемыми термином *raison de système*). Такой подход находится в русле традиций английской политической философии. Еще в XVII в. Т. Гоббс и Дж. Локк по-разному разрешали дилемму свободы и порядка применительно к внутреннему устройству государства. В конце XIX– начале XX в. эта дилемма стала осознаваться при проведении имперской политики Великобритании. Поиск пути примирения интересов общности и ее отдельных частей в рамках империи вылился в разработку концепции содружества наций.

Показательной для характеристики подхода «английской школы» к трактовке «европейского концерта» представляется опубликованная в 1992 г. работа одного из ее ведущих специалистов А. Уотсона «Эволюция международного общества. Сравнительный исторический анализ». Автор выделяет четыре условных модели организации системы, различающихся характером отношений между ее участниками, а также тем, как в них разрешается главный присущий системе конфликт – между стремлением государств к независимости – с одной стороны, и к порядку – с другой. На двух полюсах находятся модели «независимости» и «империи». Между ними располагаются системы «гегемонии» и «владычества» (*«dominion»*). Под «гегемонией» Уотсон понимает наличие в системе «источников силы и власти (some power and authority), способных установить законы, по которым эта система работает, и, таким образом, до некоторой степени

---

<sup>51</sup> Об «английской школе» в теоретических исследованиях международных отношений см., например: Buzan B. *From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. См. также библиографию работ по «английской школе» на сайте университета Лидса URL: <http://www.polis.leeds.ac.uk/research/international-relations-security/english-school/> (дата обращения 26.12.2015)

определить внешние сношения между государствами-участниками, оставив их при этом независимыми во внутренней политике»<sup>52</sup>. Система «владычества» предполагает, что «имперская власть до некоторой степени определяет то, как осуществляется внутреннее управление других сообществ, но тем не менее они сохраняют идентичность как отдельные государства и некоторый контроль над внутренними делами»<sup>53</sup>. Систему «европейского концерта» Уотсон помещает где-то посередине между моделями гегемонии и владычества.

В историческом же контексте он, вслед за Хинсли, рассматривает «европейский концерт» как альтернативу двум предшествовавшим ему системам: «балансу сил» XVIII в. и организации Европы под властью Наполеона. «Европейский концерт» явился отрицанием этого опыта, одновременно вбрав в себя некоторые его черты. Так, он сохранил присущую принципу «баланса сил» направленность против доминирования отдельного государства, однако отрицал характерное для «баланса» неконтролируемое соперничество между участниками системы. В то же время присутствие идеи управления и контроля в философии «европейского концерта» дает возможность говорить об определенной преемственности с наполеоновской системой<sup>54</sup>.

Новые тенденции в развитии теории международных отношений, зародившиеся в конце предыдущего столетия – растущая популярность “английской школы”, возврат от неореализма, делающего акцент на структуре системы, к политическому реализму, изучающему скорее поведение ее субъектов, попытки синтеза неореализма и институционализма, появление новой школы конструктивизма, рассматривающей государства как социальных субъектов – свидетельствуют о расширении и углублении представлений об объекте изучения этой дисциплины, осознании его сложности. Одним из примеров многогранности, динамики, и изменчивости сферы международных отношений является феномен «европейского концерта».

В его исследовании заметно, как взгляд на историю и ее осмысление формировался под влиянием опыта пишущего эту историю поколения (или отдельного автора) и восприятия им международных проблем современности. Не случайно тема «европейского концерта», как правило, попадала в поле зрения ученых в периоды поиска новых путей организации мирового общества: на завершающем этапе Первой мировой войны и на протяжении нестабильного межвоенного времени; в 50-е – 70-е гг. XX в., когда восстановившаяся после Второй мировой войны Европа

<sup>52</sup> Watson A. The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis. New York: Routledge, 1992. P. 15.

<sup>53</sup> Ibidem.

<sup>54</sup> Ibid. P. 238.

столкнулась с проблемой определения своей роли в мире, а две сверхдержавы нащупывали модус взаимоотношений; в середине 1980-х – начале 1990-е гг. – во время кризиса и распада Ялтинско-Потсдамской системы. В развитии историографии вопроса заметна определенная логика, в какой-то мере отражающая эволюцию взглядов на проблемы организации и управления международными отношениями.

Конечно, различия в оценках «европейского концерта» нельзя объяснить только временем написания работ. Они отчасти являются производной от того факта, что само это понятие в XIX в. не было единым и статичным. Готовность великих держав к сотрудничеству не устранила различий в интересах, борьбы за лидерство в рамках «концерта» и, соответственно, за то, чтобы придать ему собственную трактовку.

Подчеркнем, что феномен «европейского концерта» редко становился отдельным объектом исследования историков. Подобный подход характерен скорее для политологов – специалистов по теории международных отношений. В исторических работах «европейский концерт» рассматривался в контексте мирного урегулирования после наполеоновских войн и европейской дипломатии последующего столетия. Отталкиваясь от реалий сложной и изменчивой политики XIX в. с ее отсутствием формальных международных институтов, историки не ставили задачи четко определить это понятие, нередко придавая ему различные смысловые оттенки. «Европейский концерт» в разных работах мог выступать синонимом таких терминов, как союз (*alliance*), объединение (*union*), конфедерация, совет (*council*). Он представлял и как инвариант системы, и как механизм, работающий от случая к случаю, и как тип внешнеполитического поведения.

Может показаться, что подобное многообразие трактовок снижает ценность попыток концептуализации понятия «европейский концерт» или даже совсем лишает их смысла. Однако, как представляется, это не так. Именно сочетание эмпирического и теоретического подходов к исследованию истории международных отношений, на наш взгляд, позволяет выявить специфику той или иной системы и ее место в общем контексте их эволюции.

ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ  
ДО ПРИНЯТИЯ ВЕНСКОГО РЕГЛАМЕНТА 1815 Г.  
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ  
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ)\*

PRACTICE OF RESOLVING OF CEREMONIAL CONFLICTS  
BEFORE THE ADOPTION OF VIENNA REGULATIONS IN 1815  
(ACCORDING TO THE RUSSIAN DIPLOMATIC SOURCES)

**Ключевые слова:** дипломатические ранги, церемониальные конфликты, символическая коммуникация, Венский регламент 1815 г.

**Keywords:** diplomatic ranks, ceremonial conflicts, symbolic communication, the Vienna Regulation 1815.

**Аннотация:** В статье рассматриваются особенности церемониальных конфликтов, которые возникали между российскими дипломатами и их зарубежными коллегами при германских дворах до принятия в 1815 г. Венского регламента, впервые установившего иерархию дипломатических представителей в Европе и единые принципы их общения. Анализируя способы разрешения конфликтов, автор приходит к выводу, что они, как правило, не регулировались правовыми нормами и зависели главным образом от доброй воли всех заинтересованных сторон.

**Abstract:** The article deals with the ceremonial conflicts between the Russian diplomats and their foreign colleagues in the second half of the 18<sup>th</sup> century – before signing the Vienna Regulation (1815) which established a hierarchy of diplomatic agents and the principles of their communication. Analyzing the methods used in the resolution of conflicts, the author comes to the conclusion that they were, as a rule, outside the legal framework and depended mostly on the goodwill of all stakeholders.

До начала XIX в. сфера дипломатии (по терминологии XVIII в. посольского дела или искусства переговоров) регулировалась нормами международного права в ограниченном объеме во многом потому, что сами эти нормы были в процессе разработки. Повсеместно признанными с середины XVII в. считались право дипломата быть принятим монархом, к которому он послан, а также неприкосновенность его личности, свиты и имущества. Эти права трактовались максимально широко и с течением

---

\* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

времени включили в себя право свободного отправления веры, отличной от господствовавшей в стране пребывания, некоторые налоговые льготы, освобождение от таможенных пошлин и право предоставления убежища.

Однако обширная литература, посвященная привилегиям и обязанностям послов и посланников, раскрывающая особенности их взаимоотношений не только с монархом и двором страны пребывания, но и с собратьями по дипломатическому корпусу, как правило, лишь фиксировала случаи из практики, осмысливала, систематизировала их – без притязаний на универсальное регламентирование и регулирование дипломатической сферы<sup>1</sup>. Как показывает немецкий исследователь А. Кришер, этот примечательный факт объясняется неразработанностью понятия «суверенитет», которое в свою очередь формировалось в значительной степени благодаря посольскому делу, ибо тот, кто может посыпать и принимать послов, и есть суверен<sup>2</sup>.

Положение правителей в семье европейских государей определяло и положение их представителей на международной арене. Последние к середине XVIII в., как правило, делились на три группы в зависимости от принадлежности к тому или иному рангу, границы между которыми были размытыми. К дипломатам первого ранга относились папские нунции, чрезвычайные и полномочные послы; к дипломатам второго ранга – полномочные министры и чрезвычайные посланники, интернунции; третий ранг составляли министры-резиденты, резиденты, комиссары и др. Министры первого и второго ранга (или класса, как говорили в России) считались «характеризованными персонами» (*ministres caractérisés*), поскольку обладали «характером» – понятие, которому трудно дать определение, – обозначающее одновременно чин, ранг, более высокую степень дипломатического достоинства. Министры третьего ранга

---

<sup>1</sup> Отметим такие известные произведения, как «О праве войны и мира» Гуга Гроция (1625), «Посол и его функции» Авраама Викфора (1676), «О способах договариваться с государствами» Франсуа де Кальера (1716), «Рассуждение об искусстве переговоров» Антуана Пеке (1737), «Международное право, или Принципы естественного права в их применении к поведению и делам наций и государств» Эмера де Ваттеля (1758). См. переводы на русский язык: *Гроций Г. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права*. М., 1994; *Кальер Ф. де О способах договариваться с государствами*. М., 2000 (= Серия «Классика дипломатии»); *Пеке А. Рассуждение об искусстве переговоров*. М., 2004 (= Серия «Классика дипломатии»); *Ваттель Э. де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов*. М., 1960.

<sup>2</sup> Krischer A. Das Gesandtschaftswesen und das moderne Völkerrecht // Rechtsformen internationaler Politik, Theorie, Norm und Praxis vom 12. Bis 18.Jahrhundert / Hgg. M. Jucker, M. Kintzinger, R. Schwinges (Zeitschrift für historische Forschung, Beiheft 45). Berlin, 2011. S. 197-209.

считались «министрами без характера»<sup>3</sup>. Каждому рангу соответствовал свой церемониал (безусловно имевший страновые особенности), под которым современная историография понимает одну из важнейших форм политической коммуникации раннего Нового времени, осуществляемую через символическое действие<sup>4</sup>.

Впервые трехранговая (или трехклассная) система была официально закреплена на Венском конгрессе. «Положение о дипломатических агентах», подписанное 19 марта 1815 уполномоченными восьми государств (Австрии, Великобритании, Испании, Португалии, Пруссии, России, Франции, Швеции) как приложение № 17 к Заключительному акту, выработало также единые принципы общения дипломатических представителей между собой.

До принятия этого исторического документа споры о первенстве, в том числе и между представителями одного ранга, велись постоянно. В эпоху, когда дипломаты являлись в определенном смысле воплощением своего государя, любое недоразумение на почве церемониала воспринималось как унижение монаршего достоинства и могло вызвать осложнения в двусторонних отношениях. В настоящей статье речь пойдет о том, каким образом разрешались церемониальные сложности, с которыми сталкивались российские дипломаты, служившие в германских государствах во второй половине XVIII в.

В начале 1757 г. российская императрица Елизавета Петровна приняла решение учредить в Регенсбурге миссию при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи германской нации, назначив туда своего представителя в ранге резидента. С июня 1762 г. при Петре III резидента сменил «министр без характера»<sup>5</sup>. В 1763 г. российский представитель в Регенсбурге И.М. Симолин поставил перед Екатериной II вопрос о целесообразности повышения ранга дипломатического представителя при рейхстаге – до полномочного министра, чтобы способствовать укреплению российского влияния в Германии. Предложение это, положительно воспринятое в Петербурге, так и не было реализовано. Причиной стали разногласия о рангах между представителями курфюрстов на рейхстаге и дипломатами иностранных держав. Корни этих разногласий уходят в середину XVII в.

<sup>3</sup> Подробнее о встроенности России в универсальную классификацию дипломатических рангов см., например: Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М., 2013. С. 25-30, 39-49.

<sup>4</sup> См., например: Stollberg-Rilinger B. Symbolische Kommunikation in der Vormoderne: Begriffe – Forschungsperspektive – Thesen // Zeitschrift für historische Forschung. 2004. Bd. 31. S. 489-527; Krischer A. Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit // Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der Frühen / J.-P. Niederkorn, R. Kauz; G. Rota. Wien, 2009. S. 1-32.

<sup>5</sup> Бантыши-Каменский Н.Н. Обзор сношений России (по 1800 год). М., 1896. Ч. 2. С. 5-7.

Когда после заключения Вестфальского мирного договора 1648 г. имперские князья (и особенно курфюрсты, выбиравшие императора Священной Римской империи) стали фактически суверенными правителями, они потребовали для себя королевских привилегий, которые, среди прочего, включали в себя повышение статуса дипломатических представителей, проявлявшееся в признании за ними обращения «Превосходительство» (*Exzellenztitel*), получении от других дипломатов первого визита, в применении принципа «правой руки» – получении почетного места справа от монарха. Франция, как гарант Вестфальского мира, направляла на рейхстаги Священной римской империи полномочных депутатов (*deputéspleniopotentiaries*), которые во второй половине XVII в. имели преимущество перед посланниками курфюрстов и иностранными дипломатами.

После начала Войны за испанское наследство (1700–1714) решением Коллегии курфюрстов от 12 августа 1702 г. их посланники впервые потребовали от иностранных министров первого визита и титула *Exzellenz*, не предоставляемого его в ответ, т.е. фактически объявили себя министрами первого класса (*Ministris primi ordinis*). После заключения Баденского мирного договора 1714 г. между Францией и Империей курфюрсты подтвердили свои королевские привилегии. Решением Коллегии от 12 июля 1715 г. не только представители имперских князей и городов, но и посланники иностранных держав при рейхстаге были названы министрами второго класса (*Ministris secundi ordinis*)<sup>6</sup>. При этом, требуя для себя посольских привилегий, представители курфюрстов продолжали называться посланниками.

Казалось бы, чтобы решить проблему, иностранным державам следовало только сменить ранг своих полномочных министров на посольский, но во Франции, к примеру, считали, что рейхстаг не то место, куда стоит посыпать дипломата столь высокого ранга<sup>7</sup>. Не желая признавать первенство представителей курфюрстов и тем самым соглашаться на ущемление прав своего монарха, французский полномочный депутат Луи Жержи предпочел в 1720 г. покинуть Регенсбург без аккредитации. С тех пор дипломаты Франции, Республики

<sup>6</sup> Schütz E. Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfalz-)bayerischen Hof zu München. 1683–1806 (Schriftenreihe zur bayerischen Landesgeschichte, 154). Diss. phil. München, 2007. S. 172–173.

<sup>7</sup> Haug T. „D'égal à égal?“ – Statuskommunikation französischer Gesandter auf dem Immerwährenden Reichstag zwischen europäischen und reichständischen Repräsentationsformen // Reichsstadt, Reich, Europa: Neue Perspektiven auf den Immerwährenden Reichstag zu Regensburg (1663–1806) / Hgg. H. Rudolph, A. von Schlachta. Regensburg, 2015. S. 242.

Соединенных провинций (Нидерландов) и Великобритании обычно аккредитовались при рейхстаге как «министры без характера».

В 1763 г. британский дипломат Филипп Станхуп, назначенный полномочным министром, потребовал от Коллегии курфюрстов и их представителей полного равенства в церемониале, но получил отказ. В 1765 г. Симолин, продолжавший служить в ранге ministra без характера, резко высказывался по этой проблеме: «Никому в мире не приходило в голову отменять посольское право коронованных особ; тем временем Коллегия курфюрстов нашла возможным до такой степени принизить характер иностранных послов при рейхстагах Империи, что ни одна держава не в состоянии отправить туда министров, снабженных тем или иным характером без того, чтобы не быть униженной»<sup>8</sup>.

Когда в 1774 г. Екатерина II подбирала кандидатуру на освободившийся пост своего представителя в Регенсбурге и выбор пал на Ахаца Фердинанда Ассебурга, саксонца по происхождению, находившегося ранее на датской службе, она приняла решение снабдить его кредитивной грамотой полномочного ministra. Причиной повышения ранга российских дипломатов при рейхстаге стал, очевидно, успех России на международной арене, вызванный окончанием войны с Турцией и заключением выгодного Кючук-Кайнарджийского мирного договора в июле 1774 г.

Инструкция Ассебургу, составленная главой Коллегии иностранных дел Н.И. Паниным 30 сентября (11 октября) 1774 г., предписывала в том, что касается вопросов церемониала и аккредитации, следовать примеру французского и английского посланников и строго придерживаться правила альтернаты, принятого Екатериной II, – «соблюдать равенство с коронованными osobами, а значит – никому его не уступать и не требовать ни от кого таких же уступок»<sup>9</sup>. Ассебург приехал в Регенсбург в 1775 г., но вскоре покинул место службы, поскольку понял, что ему не удастся добиться привилегий, соответствующих статусу полномочного ministra. Подобно своим иностранным коллегам, российский дипломат принял решение не аккредитовываться при рейхстаге. Впоследствии Регенсбург он посещал периодически, хотя формально занимал свой пост до 1792 г.

Тот факт, что Екатерина II не понизила ранг Ассебурга и не назначила на его место «министра без характера или резидента», свидетельствует, с

<sup>8</sup>И.М. Симолин – вице-канцлеру А.М. Голицыну, 12 (23) сентября 1765 г.: АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 83/2. Д. 43. Л. 32 об. Здесь и далее перевод с франц. яз. – автор статьи.

<sup>9</sup> „Instruction, donnée par ordre spécial de Sa Majesté Imperiale de toutes les Russies de la part de Son Ministère, à Monsieur le Baron d’Assebourg, Conseiller privé actuel de Sa Majesté Impériale, et Son Ministre Plénipotentiaire, nommé à la Diète de l’Empire Romain“: Тамже. Д. 128. Л. 1 об.-2.

одной стороны, о том, что она в церемониальных вопросах, т.е. в вопросах престижа, старалась не делать уступок, а с другой – отсутствие официального представителя при рейхстаге не казалось ей большой потерей. В политическом отношении регенсбургская миссия была не столь значима, так как рейхстаг не являлся двором в полном смысле этого слова, при котором принимаются решения. Дипломаты, служившие в Регенсбурге, выполняли преимущественно представительские функции и не имели возможности оказывать влияние на дела германского корпуса. Сам же германский корпус рассматривался в Петербурге как нечто аморфное, лишенное единства, раздираемое противоречиями.

Обязанности Ассебурга в его отсутствие выполнял советник посольства Антон Себастьян Струве, служивший в Регенсбурге с 1762 по 1800 г. Неопределенный статус Ассебурга не мог не сказаться на статусе Струве, которого имперские дипломаты, в том числе и главный комиссар (*Prinzipalkommissar*), представитель императора Священной Римской империи при рейхстаге, не признавали поверенным в делах и протестовали против его появления на официальных собраниях. Струве дважды обращался к имперскому вице-канцлеру князю Рудольфу Иосифу Коллоредо (первый раз в 1780 г.) с просьбой каким-то образом узаконить его статус, но лишь в ноябре 1782 г., т.е. после заключения российско-австрийского союза в 1781 г., ему как секретарю посольства дружественной «иностранный державы первого ранга» было позволено присутствовать на официальных приемах, но не в качестве поверенного в делах, а в качестве «выдающегося иностранца» (*einesdistinguirtenFremden*)<sup>10</sup>.

В 1784 г., после присоединения Крыма к России и оказания Австрией дипломатической поддержки ей в этом вопросе, Екатерина II приняла решение о повышении ранга российского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Вене князя Дмитрия Михайловича Голицына. Свою службу в имперской столице он начинал в 1762 г. в ранге посла, но в 1763 г. по приказу новой императрицы ранг был понижен. Причиной стал распад российско-австрийского союза, на который обе державы опирались в своей внешней политике с 1726 г., и дальнейшее охлаждение двусторонних отношений после Семилетней войны. Возвращение в 1784 г. к прежней дипломатической практике стало символическим знаком восстановления согласия между императорскими дворами<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> HHStA. Reichskanzlei. Zeremonialakten. Karton 20-22. Fasz. Ceremoniel gegen den Russischen Legations-Rath von Struve. 1780. 1782.

<sup>11</sup> См. отпуск реескрипта Екатерины II о новом назначении Д.М. Голицына от 2 февраля 1784 г. и проект кредитивной грамоты: АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 672. Л. 3-4 об., 10-10 об.

Однако в связи с новым статусом Голицына неожиданно возникла вероятность конфликта между ним и послами Франции и Испании – «о первенстве места», которое они занимали в присутствии императора во время еженедельных воскресных «полуденных собраний». Обычно Эммануэль Мари Луи маркиз де Ноайль (Noailles) и Висенте Осорио де Москосо граф Агилар, наряду с папским нунцием, стояли ближе всех ко входу в зал, ожидая появления императора, и были первыми, с кем он заговаривал во время официальных церемоний. Привилегированное положение представителя Святого Престола никогда никем не оспаривалось. В статье 27 Фамильного пакта (Pacte de famille), заключенного в 1761 г. Францией и Испанией, говорилось: при иностранных дворах, не связанных родственными узами с династией Бурбонов, первенство отдавалось тому из двух послов, который дольше второго находился в стране пребывания. Никакие другие иностранные державы к этому «постоянному братскому альтернату» (une alternative constante et fraternelle) не допускались<sup>12</sup>.

По свидетельству Голицына, Фамильный пакт реализовывался и через физическое действие: тот из двух послов, который дольше находился при дворе, брал другого за правую руку, и разбить этот «союз» не представлялось возможным. Дмитрий Михайлович, служивший в Вене дольше обоих, считал себя вправе взять кого-то из них за правую руку, но этого бурбонские дворы, особенно Франция, традиционно критически настроенная по отношению к России и неоднократно ставившая под сомнение императорский титул российских монархов, допустить не хотели<sup>13</sup>. Примечательно, что венецианский посол в Вене Себастиано Фоскарини, тоже министр первого ранга, в конфликте не участвовал.

Еще 2 марта 1784 г., когда в Вене впервые распространился слух о предстоявшем повышении ранга князя Голицына, французский посол де Ноайль с беспокойством писал в Париж государственному секретарю по иностранным делам графу Ш.Г. де Верженну о возможных проблемах, заметив, что «ни один суверен не обладает властью регулировать при своем дворе ранги других держав» и вопрос следует решать согласно сложившемуся обычая. Правда, французский посол вынужден был признать, что при австрийском дворе, скорее всего, будут льстить самолюбию Екатерины II, в сотрудничестве с которой Иосиф II крайне заинтересован. Обсудив между собой этот деликатный вопрос, Ноайль и Агилар пришли к выводу, что будут занимать на собраниях привычное место или не займут никакого и подадут протест, если кто-то попытается

<sup>12</sup> См. полный текст: [https://fr.wikisource.org/wiki/Pacte\\_de\\_Famille](https://fr.wikisource.org/wiki/Pacte_de_Famille)

<sup>13</sup> Д.М. Голицын – Екатерине II, 6 (17) апреля 1784 г.: Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 674. Л. 39-41 об.

оспорить их первенство, а пока просили инструкций от своих правительств<sup>14</sup>.

Не получая таковых в течение месяца из-за перебоев в работе курьерской службы, Ноайль решил откровенно побеседовать с канцлером Кауницем, который заметил, что в 1768 г. глава французской внешней политики герцог Э.Ф. Шуазель приказал своим министрам за рубежом «обгонять» российских «по доброй воле или силой», даже если они имеют одинаковый ранг. Кауниц ясно дал понять, что ни одной из трех сторон не выгодны будущие распри и просил воздержаться от них. В ответ французский посол заметил, что распоряжение Шуазеля ему неизвестно, зато известна декларация 1763 г., согласно которой признание Францией императорского титула за Россией не переходит на дипломатический церемониал. Единственный монарх, первенство которого признает король Франции, это император Священной Римской империи. Канцлер посоветовал французскому послу до получения инструкций сказаться больным. Ноайль отмечал непоследовательность его позиции, склонность идти на поводу у российского двора и настоятельно просил инструкций<sup>15</sup>.

19 (30) марта 1784 г. Кауниц и имперский вице-канцлер Коллоредо нанесли Голицыну первые визиты в его новом посольском звании<sup>16</sup>. Тот, согласно традиции, нанес ответные. В воскресенье 24 марта (4 апреля) состоялась первая аудиенция у Иосифа II и аккредитация. На последовавшее затем официальное собрание дипломатического корпуса Дмитрий Михайлович не пошел, по его словам, «сославшись на припадок». Ноайль приводит другой аргумент: так как в новом качестве он не был представлен членам дипломатического корпуса<sup>17</sup>. 25 марта (7 апреля) российский посол принимал и отдавал визиты папскому нунцию, французскому, испанскому и венецианскому послам. После окончания великого поста 31 марта (10 апреля) ожидались визиты министров второго класса, имперских и придворных чинов<sup>18</sup>.

Голицын впервые написал в Петербург о вероятности конфликта 6 (17) апреля, после того как Кауниц поделился с ним записками идентичного содержания от 10 апреля, официально переданными Ноайлем и Агиларом. В них говорилось, что до получения распоряжений от своих правительств в связи с повышением ранга российского министра они

<sup>14</sup> Archîves diplomatiques du Ministère des Affaires Etrangères (далее: ААЕ). Correspondance politique. Autriche. Vol. 347. Fol. 117-118 об.

<sup>15</sup> Э.М. Ноайль – Ш.Г. де Верженну, 29 марта 1784 г.: Ibid. Fol. 180-183v.

<sup>16</sup> Д.М. Голицын – Екатерине II, 20 (31) марта 1784 г.: Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 674. Л. 12-12 об.

<sup>17</sup> Э.М. Ноайль – Ш.Г. де Верженну, 6 апреля 1784 г.: ААЕ. Correspondance politique. Autriche. Vol. 347. Fol. 199.

<sup>18</sup> Д.М. Голицын – Екатерине II, 26 марта (6 апреля) 1784 г.: Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 674. Л. 14-16.

вынуждены не посещать официальные мероприятия и просят расценить их действия «не как отказ от своих прав», но как необходимость, чтобы в присутствии императора не уступить ничего из того, что может быть оспорено кем-либо<sup>19</sup>. Голицын же принял решение «в придворных собраниях не брать пред ними первого места, ниже уступить им оного». Надо сказать, что, встречаясь в обществе, дипломаты не обсуждали друг с другом сложившуюся ситуацию и вели себя подчеркнуто вежливо<sup>20</sup>.

Екатерина II одобрила образ действий Голицына и предписала ему и дальше при всех обстоятельствах следовать «непременному правилу» о равенстве корон, «не аффектуя (т.е. не выказывая стремления. – М.П.) брать первенство над бурбонскими послами, но взаимно не допуская и их присвоивать оное себе с видимою аффектациею при всяком случае»<sup>21</sup>.

Позиция Ноайля, напротив, понимания в Париже не нашла. Как писал 11 (20) апреля граф де Верженн, отсутствие французского посла на еженедельных собраниях будет справедливо воспринято Голицыным как преимущество и признание равенства между ними. Ноту Ноайля от 10 апреля, копию которой тот для ознакомления передал нунцио и неаполитанскому посланнику, Людовик XVI расценил фактически как отказ своего дипломата от посольского ранга. Отозвать ее уже вряд ли было возможно, тем не менее французскому послу предписывалось откровенно сказать в Вене, что ни его образ действий, ни ноту в Версале не одобрили, что его правительство продолжает настаивать на первенстве и ни о каком альтернате между Францией и Россией речи быть не может, поскольку это новшество противно достоинству французского короля<sup>22</sup>.

Эти доводы в Вене услышаны не были: идти на конфликт с Екатериной II Иосиф II не собирался. 22 июня (3 июля) 1784 г. во время вечернего собрания Кауниц объявил по его повелению каждому послу в отдельности, «что ни для кого из них не определяется особливого места во всех будущих при дворе Его Величества собраниях». Каждый из министров первого или второго ранга мог стоять там, где ему заблагорассудится. Благодаря этому объявлению, отмечал Д.М. Голицын, «кничожается при здешнем дворе впредь навсегда требования Послов Бурбонских о мнимом в местах первенстве, коего и никогда в оных собраниях назначено им не было»<sup>23</sup>. Выход был найден вовремя, потому что, судя по вырезкам из газет, сохранившихся в переписке Ноайля, конфликт уже вылился на страницы печати.

<sup>19</sup> Копии записок см.: Там же. Л. 45-46 об.

<sup>20</sup> Д.М. Голицын – Екатерине II, 6 (17) апреля 1784 г.: Там же. Л. 42-42 об.

<sup>21</sup> Проект ре скрипта от 15 мая 1784 г.: Там же. Д. 314. Л. 11-11 об.

<sup>22</sup> AAE. Correspondance politique. Autriche. Vol. 347. Fol. 228-233 v.

<sup>23</sup> Д.М. Голицын – Екатерине II, 26 июня (7 июля) 1784 г.: Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 675. Л. 17-18.

Казалось бы, нейтральное решение австрийского двора фактически оказалось в пользу России, поскольку разрушало сложившийся обычай. Французская сторона не хотела с этим мириться и продолжала настаивать на том, что первое место в Европе занимает император Священной Римской империи, а второе – Франция<sup>24</sup>. Неудивительно, что именно с французскими коллегами российские дипломаты конфликтовали чаще всего. Еще в 1781 г. Екатерина II учредила в Германии новое представительство во Франкфурте-на-Майне при Верхнене- и Нижнерейнском, Вестфальском, Швабском и Франконском округах Священной Римской империи, в состав которых входили духовные курфюршества Трир, Майнц, Кёльн, светские курфюршества Бавария, Пфальц и другие германские государства, в том числе Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель.

Чрезвычайным посланником и полномочным министром был назначен граф Николай Петрович Румянцев, приступивший к своим обязанностям летом 1782 г. Уже в декабре он почувствовал враждебность со стороны французского министра в герцогстве Цвайбрюкken Mari Даниэля Бурре де Корберона, 1775 по 1780 г. служившего секретарем посольства и поверенным в делах в Петербурге. Герцог Цвайбрюккенский Карл Август даже передал графу Верженну, родственнику которого был Корберон, депешу о недопустимости поведения французского министра, требовавшего для себя больших, по сравнению с российским коллегой, привилегий, хотя они имели одинаковый дипломатический ранг<sup>25</sup>.

В январе 1785 г. в Майнце у Румянцева произошел неприятный инцидент с графом Луи де Сегюром, направлявшимся Петербург в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра. На обеде у главы Имперской канцелярии, курфюрста и архиепископа Майнца, носившего также титул магистра Тевтонского ордена, барона Ф.К.Й. фон Эрталя между дамой, сидевшей подле него, и французским посланником в Майнце графом Ж.Ж. О'Келли оставалось свободное место, и Румянцев собирался его занять. Неожиданно рядом с дамой сел граф де Сегюр – с вежливой улыбкой, не оставившей, однако, сомнений в том, что он перехватил это место намеренно. В его действии, писал российский дипломат, не было «насилия» (*violence*)<sup>26</sup>, только «полная неучтивость» (*incivilité complete*)<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> Э.М. Ноайль – Ш.Г. де Верженну, 6 июля 1784 г.: ААЕ. Correspondance politique. Autriche. Vol. 347. Fol. 366.

<sup>25</sup> Н.П. Румянцев – вице-канцлеру И.А. Остерману, 29 ноября (19 декабря) 1782 г.: АВПРИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 4. Л. 121-122.

<sup>26</sup> Актом насилия можно назвать инцидент, случившийся в 1769 г. в Лондоне, когда французский посол герцог Л.М.Ф. дю Шатле на одном из балов публично оттолкнул российского посла графа И.Г. Чернышева, стоявшего рядом с послом Австрии, и занял

Румянцев, не смутившись, сел рядом с Сегюром, но на его вопросы отвечал сухо, тот же без конца проявлял любезность. «Его план, – писал российский посланник, – очевидно состоял в том, чтобы задеть Министра и ухаживать за частным лицом: мой в любое время будет состоять в том, чтобы никогда не разделять тонкость этих двух характеров»<sup>28</sup>. Заметим, что до сих пор проблема соотношения публичного и частного в деятельности дипломатов является одной из ключевых.

После обеда Румянцев подошел к графу О'Келли с изъявлениямиуважения и сообщил ему, что будет просить курфюрста о возможности еще и отужинать у него в этот вечер вместе с графом Сегюром, а затем обратился к последнему с просьбой оказать ему честь вновь появиться вместе при майнцском дворе. Растряпанный французский дипломат ответил, что спешит в Петербург к месту службы, на что получил возражение: «Мне кажется важным в вашем положении не отказываться от того, о чем вас просит российский министр»<sup>29</sup>. Эти слова были намеренно произнесены громко и четко, чтобы слышали все и чтобы не оставить у Сегюра сомнений в том, что второй раз у него не выйдет сделать то, что в первый раз удалось по чистой случайности. Однако в этот вечер ужин не состоялся.

На следующий день Румянцев пришел к архиепископу, рассказал о вчерашнем происшествии и его возможных последствиях, главным из которых могло стать обострение взаимоотношений между российским и французским министрами при майнцском дворе – несмотря на искреннее расположение к графу О'Келли (прослеживается в переписке Румянцева). Российский дипломат подозревал, что действия Сегюра были не спонтанным поступком, а спланированной акцией французского двора, о которой О'Келли заранее знал. Курфюрст заверил Румянцева в порядочности французского дипломата, на которого странный поступок коллеги не мог и не сможет оказать влияния. Вообще при майнцском дворе церемониал соблюдался нестрого (например, иностранные дипломаты могли посещать курфюрста до вручения верительных грамот), да и вмешиваться в это дело барону Эрталю явно не хотелось. Но российский посланник настаивал, что разрешить конфликт – в его интересах и силах.

---

его место. Правда, на следующий день он принес свои извинения, «сославшись на имеющиеся у него инструкции ни в чем не отдавать приоритет представителю России». См.: Чекасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 300–301. Кстати, этот эпизод графу Нойалю припомнили в Вене в 1784 г., когда получила развитие история с Д.М. Голицыным.

<sup>27</sup> Н.П. Румянцев – вице-канцлеру И.А. Остерману, 6 (17) января 1785 г.: АВПРИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 32. Л. 5–5 об.

<sup>28</sup> Там же. Л. 5 об.

<sup>29</sup> Там же. Л. 6.

Два дня спустя на придворном обеде курфюрст, не желавший устанавливать строгий порядок рассадки гостей, посадил по одну сторону от себя своего великого маршала, а по другую – капитана гвардии. Румянцев занял следующее свободное место по правую сторону (которое традиционно считается более почетным), О’Келли сел напротив него, продемонстрировав тем самым готовность к компромиссу и убедив российского коллегу в том, что демарш Сегюра не был предписан ему французским двором<sup>30</sup>. Сведений о реакции О’Келли и Сегюра на эти события в моем распоряжении нет, но, очевидно, конфликт был исчерпан.

Вышеописанные инциденты свидетельствуют о том, что едва ли не основной их причиной было сохранившееся с эпохи Средневековья представление об иерархии европейских держав, место в которой Российской империи все еще оставалось предметом споров. Выходы из сложных ситуаций находились обычно вне правового поля и зависели главным образом от доброй воли как государей, стремившихся не допускать конфликтов при своем дворе или оказать услугу союзникам, так и самих дипломатов, пытавшихся, по возможности, придерживаться здравого смысла, если только это не наносило ущерб престижу их страны.

Каждый инцидент подобного рода служит ярким подтверждением того, что международное сообщество нуждалось в документе, обязательном для всех, который бы не только фиксировал механизмы разрешения церемониальных конфликтов, но и устранил почву для них. В этом смысле значение Венского регламента, установившего единый порядок приема дипломатических агентов, сложно переоценить. Его шестая глава гласила: «Ни родственные, ни семейные связи, ни политические союзы между дворами не дают дипломатическим агентам никакого особого преимущества»<sup>31</sup>. Таким образом, в начале XIX в. был сделан еще один шаг к начавшемуся в предшествующем столетии процессу – превращения дипломатической службы в профессию.

---

<sup>30</sup> Н.П. Румянцев – вице-канцлеру И.А. Остерману, 6 (17) января 1785 г.: АВПРИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Л. 6-7об.

<sup>31</sup> Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. III: Трактаты с Австроией. 1808–1815. С. 532.

АВСТРИЯ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И РОССИЕЙ В 1813 Г.  
ОТ СОЮЗА С НАПОЛЕОНОМ К ЧЕТВЕРНУМУ СОЮЗУ

AUSTRIA BETWEEN FRANCE AND RUSSIA IN 1813.  
FROM ALLIANCE WITH NAPOLEON  
TO THE QUADRUPLE ALLIANCE

**Ключевые слова:** наполеоновские войны, история международных отношений, Четверной союз, Александр I, Меттерних

**Keywords:** Napoleonic wars, history of international relations, Quadruple alliance, Alexander I, Metternich

**Аннотация:** В первой половине 1813 г. дипломатическим центром Европы стала Австрия. От того, чью сторону займет Вена в продолжавшейся русско-французской войне, зависел исход этого титанического противостояния. Министр иностранных дел Австрии К. Меттерних решил занять промежуточную позицию между двумя противоборствующими сторонами. Эта политика вошла в историю как «вооруженное посредничество». Суть ее состояла в постепенном отходе от союза с Францией и обещаниях ее противникам рано или поздно войти в антинаполеоновскую коалицию. Ведя переговоры одновременно с Парижем и Санкт-Петербургом, Меттерних параллельно старался заручиться поддержкой Лондона. Переговоры с Наполеономшли тяжело: французский император категорически отказывался принимать австрийское посредничество и требовал выполнения условий союзного договора. Русский царь Александр I также не был готов к австрийскому посредничеству, убеждая австрийского императора Франца вступить в антинаполеоновскую коалицию. За это Александр I обещал Вене значительные территории в Германии и на Балканах. В конце концов, когда стало ясно, что Наполеон занял бескомпромиссную позицию, австрийские дипломаты согласились вступить в антифранцузский союз. Меттерних пошел на это при одном условии: если между Россией и Францией пройдут мирные переговоры, то председательствовать на них будет Австрия. После долгих и сложных переговоров и безрезультатных для обеих сторон боевых действий весной 1813 г. такой мирный конгресс собрался в Праге. Однако австрийцам не удалось убедить Наполеона принять мирные предложения его противников (хотя и весьма умеренные) – это означало крах планов Меттерниха. Даже личное свидание австрийского министра с французским императором не помогло. Австрия вступила в антифранцузскую коалицию, что существенно изменило

*расстановку сил на театре военных действий и способствовало в конечном счете падению империи Наполеона.*

*Abstract: In the first half of 1813 the diplomatic center of Europe was Austria. The outcome of the ongoing Russian-French war depended on whose side will take Vienna in this titanic confrontation. The Austrian's Minister of foreign Affairs K. Metternich decided to take advantage of the weakness of France and to occupy an intermediate position between two opposing parties. This policy went down in history as the "armed mediation". Its essence consisted in the gradual withdrawal from the Alliance with France and constant promises to Russia's emperor to enter the anti-Napoleonic coalition sooner or later. During the negotiations with Paris and St. Petersburg, Metternich simultaneously tried to enlist the support of London. The negotiations with Napoleon were going hard: the French Emperor categorically refused to accept Austrian mediation, and demanded the fulfillment of the conditions of the Treaty of alliance. Russian Tsar Alexander I also was not prepared to take the Austria's mediation, convincing the Austrian Emperor Franz to join the anti-Napoleonic coalition. Alexander I promised Vienna large areas in Germany and the Balkans in case it would join Russia and Prussia. In the end, when it became clear that Napoleon has taken an uncompromising stance, Austrian diplomats agreed to join the anti-French Alliance. Metternich was ready to do it under one condition: there must be held peaceful talks between Russia and France, which will be chaired by Austria. After long and difficult negotiations and fruitless for both sides fighting in the spring of 1813 such a peace congress was convened in Prague. However, the Austrians failed to convince Napoleon to accept the conditions of his opponents. It meant the collapse of Metternich's policy. Austria joined the anti-French coalition, and as the result, the balance of forces in the theater of war significantly changed and ultimately led to the fall of Napoleon's Empire.*

В отечественной литературе почти нет исследований по истории дипломатической политики Австрии в первой половине 1813 г. Между тем эта тема важна для понимания всех последующих событий, приведших в конечном счете к падению наполеоновской империи. Именно постепенный отход Вены от союза с Парижем и ее переход в стан антифранцузской коалиции создал новую международную конфигурацию в Европе. Соединенные армии 6-й антифранцузской коалиции в конце концов сумели одолеть наполеоновские войска, что было бы практически невозможно без участия Австрии.

Однако путь Вены к Четверному союзу был непрост и долг. Австрийские дипломаты, руководимые одним из самых ловких и беспринципных политиков эпохи, графом К. Меттернихом, стремились воспользоваться трудностями Наполеона и его противников. Австрия

весной-летом 1813 г. имела уникальный шанс утвердиться в роли паньевропейской примирительницы, усадив за стол переговоров императора Франции и его визави – российского самодержца и прусского короля. Сделав это, Австрия, наряду с ореолом миротворца, получала бы возможность распространить свое влияние на центральную Германию и даже шире – на всю Центральную Европу. Почему этого не произошло? Что помешало Меттерниху и его подчиненным довести до конца хитроумную и тонкую политику «вооруженного посредничества» и были ли вообще у Вены шансы на успех? Ответ на эти вопросы мы и постараемся дать в рамках статьи.

Для решения поставленной задачи необходима достаточно широкая источниковая база, в первую очередь, архивные документы. В статье будут использованы документы архива МИД Франции<sup>1</sup>, а также документы Архива внешней политики Российской империи<sup>2</sup>. Немаловажное значение для раскрытия темы имеют, безусловно, и опубликованные источники.

В дипломатической истории первой половины 1813 г. едва ли не самая заметная роль принадлежала Австрии. Именно эта страна стала своего рода средоточием европейской политики. Вплоть до июньского перемирия австрийцы вели очень тонкую, расчетливую, порой даже циничную внешнеполитическую линию, балансируя между Александром I и Наполеоном, обещая каждому свою помощь, но реально не оказывая ее никому. Наиболее четко эту политику определил помощник Меттерниха Ф. Генц: «Мы должны учредить нашу систему на принципах посредничества, которое нам сразу позволит избежать невыгодного входления в лагерь врагов Франции и ссоры с государствами, которые объединились против нее в коалицию»<sup>3</sup>.

Уравновесить Россию и Францию (избежав при этом чрезмерного усиления первой), уничтожить все политические образования наполеоновской эпохи (Рейнскую конфедерацию, Герцогство Варшавское), при этом не ущемляя Францию в пределах ее собственной территории, и превратить Австрию в державу-посредницу, обладающую первостепенным влиянием на дела всей Центральной Европы – вот к чему стремилась австрийская дипломатия.

Успех выбранной политической линии напрямую зависел от того, как австрийцам удастся повести себя в отношениях с двумя ключевыми державами (воевавшими друг с другом к тому времени уже около года) – Россией и Францией. Не менее важна была и позиция двух других великих

<sup>1</sup> Archives du Ministère des affaires étrangères (далее – А.М.А.Е.). Fonds Correspondance politique. Autriche.

<sup>2</sup> Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Фонд 133 («Канцелярия»). Оп.468.

<sup>3</sup> Николай Михайлович (великий князь). Император Александр I. Т.И. СПб. 1912. С. 128.

держав – богатой Англии и вступившей в военный союз с Россией Пруссии. В Вене прекрасно осознавали, что существуют несколько щекотливых вопросов, не уладив которые нельзя было надеяться на удачное разрешение конфликта.

В отношениях с Россией и Пруссией на первом месте, конечно же, стоял так называемый польский вопрос. Судьба Герцогства Варшавского и других территорий Польши была камнем преткновения для трех держав. Пруссия и Австрия стремились не только вернуть все утраченные во время войн с Францией польские земли, но и помешать чрезмерному усилению за счет них России. Присоединения бывшего Герцогства Варшавского к России настойчиво добивался Александр I, считая это справедливой «платой за кровь», которую пролила (и еще прольет) Россия, освобождая Европу от наполеоновского владычества.

«Немецкий вопрос» являлся определяющим для австро-прусских и отчасти австро-британских взаимоотношений. Кроме того, серьезные интересы в Германии имел и Наполеон. Таким образом, Меттерниху необходимо было соблюдать максимальную осторожность, чтобы каким-либо неверным шагом не перечеркнуть результаты собственных усилий. Представляется необходимым более подробно проанализировать основные вехи взаимоотношений венского двора с другими европейскими политическими центрами, чтобы проследить, как решались эти сложные и важные проблемы в первой половине 1813 г.

Отношения Вены и Петербурга в наполеоновскую эпоху имели давние традиции. Два государства не раз вместе воевали против французов, не всегда, как известно, удачно. Заключенный 14 марта 1812 г. франко-австрийский договор (о нем речь пойдет ниже), явно направленный против России, при этом не послужил поводом для разрыва отношений. Они продолжали «теплиться», поддерживаясь неофициально (о чем, между прочим, догадывались во французском МИД<sup>4</sup>). Однако практически одновременно с отступлением французской армии к Смоленску в ноябре 1812 г., выяснилось, что венский двор считает итог наполеоновского нашествия в Россию неблагоприятным для Австрии и потому предлагает свои добрые услуги «для примирения Франции и России»<sup>5</sup>. Иными словами, Австрия сделала первые шаги навстречу России, параллельно находясь в союзе с Наполеоном. Австрийский дипломат и ближайший помощник Меттерниха Л.Й. Лебцельтерн писал в донесении от 16 ноября 1812 г.: «В течение этой войны мы являемся постоянным предметом

<sup>4</sup>А.М.А.Е. Correspondance politique. Autriche. Vol. 396. F. 397.

<sup>5</sup>Нарочинский А.Л. Австрия между Францией и Россией в 1811-1813 гг. и русская дипломатия // Вопросы истории. 1964. №3. С. 44.

беспокойства для этой державы (для России. – *H.M.*), поскольку мы можем склонить чашу весов на ту сторону, на которую мы встанем...»<sup>6</sup>.

Русский посол в Вене Г.О. Штакельберг (формально находившийся в Австрии как частное лицо), донося 28 ноября 1812 г. в столицу о своих переговорах с Лебцльтерном, упомянул о посулах, которыми он пытался склонить Австрию к союзу с Россией: «Я обратил внимание г-на Лебцльтерна главным образом на то, каких выгод может лишиться Австрия, если она будет придерживаться своего нынешнего курса, а не на опасности, которым могут подвергнуться союзники Франции»<sup>7</sup>. Штакельберг 23 декабря 1812 г. получил инструкцию от министра иностранных дел Н.П. Румянцева, в которой подчеркивалось: «Поскольку Россия в состоянии оказать Австрии действенную помощь, последняя должна этим воспользоваться незамедлительно или по меньшей мере подготовиться к тому, чтобы присоединить свои силы к силам России»<sup>8</sup>. Но Австрия отвечала уклончиво, явно обозначив лишь намерение служить посредницей между Россией и Францией.

Правда, сразу же возникло серьезное препятствие: ни Россия, ни Франция пресловутого дипломатического «вмешательства» (по-французски – «entremise» или «intervention») не признавали, так как Австрия все еще состояла в союзе с Бонапартом, а значит, не была стороной, формально нейтральной, беспристрастной<sup>9</sup>.

Обстановка складывалась крайне неясная. Наполеон, озабоченный набором новой армии, был склонен всячески затягивать время, а потому в общем соглашался на мирные переговоры на основе принципа *utipossidetis*<sup>\*</sup>. Александр не хотел отказываться от услуг Меттерниха, рассчитывая привлечь австрийцев в стан союзников. Последний тоже не спешил с началом мирных переговоров, разумно полагая: когда двое дерутся, третьему лучше стоять в стороне. Когда Россия и Франция взаимно ослабят друг друга в этой войне, Австрия, сохранив свои силы, смогла бы навязать обеим державам выгодный именно ей мирный договор. Своей тревогой по этому поводу Штакельберг поделился в письме министру иностранных дел России Румянцеву от 10 апреля 1813 г. Отмечая, что к австрийцам могут присоединиться Саксония, Бавария и Вюртемберг, дипломат писал: «В результате образуется внушительная армия, по видимости, одинаково опасная для обеих воюющих сторон;

<sup>6</sup> *Lebzelter L. Mémoires et papiers de Lebzeltern.* P. 1949. P. 245.

<sup>7</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. I: 1801-1815 (далее – ВПР). М. 1962. Т. VI. С. 611.

<sup>8</sup> Там же. С. 634.

<sup>9</sup> Там же. С. 75.

\* Существующее в определённый момент территориальное положение воюющих сторон, сложившееся в результате продвижения армий, оккупации, аннексий.

Австрия подождет нового столкновения между противниками, а затем сможет предписать им свои законы»<sup>10</sup>.

В Вене решили прозондировать почву на предмет возможной мирной конференции. 8 февраля 1813 г. в русскую ставку «с секретным предложением» был отправлен Лебцельтерн, уполномоченный вести переговоры с Александром I, чтобы убедить его принять австрийское посредничество<sup>11</sup>.

Перед отъездом Меттерних дал своему доверенному лицу ясные инструкции, разъясняющие внешнеполитическую линию венского двора. Лебцельтерн должен был прямо заявить русскому императору, что спонтанный демарш Австрии продиктован общими интересами, которые целиком совпадают с собственно австрийскими. Австрийское мирное вмешательство, соответствующее интересам всех сторон, в дальнейшем может быть обращено в посредничество. Особенно австрийский посол должен был подчеркнуть, что император Франц не планирует при помоши своих инициатив влиять на военные операции России<sup>12</sup>.

Александр I стал убеждать австрийцев перейти от посредничества к союзу с Россией, говоря, что «он желает благополучия Европы, а потому он мечтает о вашем (австрийском. – *H.M.*) процветании; сильная и независимая Австрия даст наиболее твердые гарантии свободы и покоя Европы»<sup>13</sup>. Тем не менее Австрия не спешила не только вступить в союз с Россией и Пруссией, но даже четко обозначить свои планы на случай неудачи мирной конференции. Это начинало нервировать русский МИД. Нажим на Австрию усиливался на всех фронтах.

В Вене Штакельберг вел с самим Меттернихом почти ежедневные переговоры, которые складывались для русского дипломата весьма непросто. «Вопреки всем моим стараниям он (Меттерних. – *H.M.*) избегает откровенности с упорством, равным моей настойчивости», – жаловался он Нессельроде в донесении от 12 марта<sup>14</sup>. Глава австрийского МИД опутывал своего собеседника учивыми речами, но ничего конкретного при этом не говорил, стараясь в свою очередь поточнее выяснить русскую позицию по всем сложным вопросам. В ответ на жалобы Штакельберга об отсутствии определенности в словах Меттерниха Нессельроде изложил мнение российского императора о том, как следует вести переговоры с Веной: «Он (Александр I. – *H.M.*) желал бы, чтобы Вы по возможности высказывались лишь в самых общих чертах по вопросам, не касающимся непосредственно Австрии, в отношении же этой последней ограничивались ссылкой на

<sup>10</sup> ВПР. М. 1970. Т. VII. С. 149.

<sup>11</sup> Oncken W. Oesterreich und Preussen in Befreiungskriege. Bd. 1. Berlin. 1879. P. 448.

<sup>12</sup> Ibid. P. 423.

<sup>13</sup> ВПР. Т. VII. С. 142.

<sup>14</sup> Там же. С. 91.

письмо е.и. в-ва императору Францу, где е.и. в-во дает ему официальные заверения, что не только возвращение Австрии ее прежних владений, но и расширение ее территорий со стороны Германии и Италии вполне согласуется с его видами<sup>15</sup>. Общее представление послевоенного будущего Европы у русского МИД, конечно, имелось, но это был «генеральный план», без уточнений и деталей: «Рейн, Альпы, Пиренеи – вот естественные границы Франции, все остальное не должно входить в империю Наполеона или оставаться под ее непосредственным влиянием. Австрия и Пруссия сами позаботятся о своей доле, а вопросом о том, какие формы придать европейскому континенту и в особенности Германии, можно будет заняться позднее», – писал 29 марта Нессельроде в инструкции Штакельбергу<sup>16</sup>.

Для австрийцев же главным было выяснить, на каких условиях Россия готова открыть мирные переговоры с Францией. В конце концов 22 марта Штакельберг представил Меттерниху памятную записку, содержащую условия мира, которые Петербург при австрийском посредничестве хотел передать Наполеону. Они были таковы: 1) восстановление Пруссии в границах до 1806 г.; 2) восстановление в Австрии в границах до 1805 г.; 3) Роспуск Рейнского союза<sup>17</sup>. И хотя в целом русские мирные условия были явно выгодны австрийцам, Меттерних как опытный и тонкий дипломат понимал, что может угодить в ловушку. Передав эти предложения французскому императору, Австрия рисковала услышать отказ и лишиться ореола «европейского примирителя», а также была бы вынуждена бросить свою недоукомплектованную армию в бой против лучшего полководца эпохи. Один резкий шаг мог разрушить всю хитроумную конструкцию, столь кропотливо и аккуратно возводимую Меттернихом с начала года.

Поэтому в ответ на записку Штакельберга Меттерних стал жаловаться на нехватку денег. Это, по словам австрийского канцлера, и мешало Австрии посвятить союзников в свои планы: дескать, какие планы, сперва бы на армию деньги собрать<sup>18</sup>. Этую же мысль глава австрийского МИД повторил в инструкции Лебцельтерну, уже не знаявшему, что отвечать на постоянные призывы Александра I к австрийцам встать на сторону союзников. Следует говорить, наставлял Меттерних подчиненного в записке от 29 апреля 1813 г., что австрийская армия находится в ужасном состоянии после разгрома 1809 г., к тому же затяянная финансовая реформа идет тяжело. Одним словом, на данный момент у австрийского императора нет ни солдат, ни денег, резюмировал венский политик<sup>19</sup>.

<sup>15</sup> ВПР. Т. VII. С.121.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же. С.111.

<sup>18</sup> Там же. С.80.

<sup>19</sup> *Oncken W.* Op. cit. Bd. 2. Berlin. 1879. S. 632.

Австрийский вспомогательный корпус, как и вообще любая реальная помощь Вены, о которой Меттерних писал русскому императору, так и остались на бумаге. В первом раунде этой дипломатической дуэли австрийская дипломатия одержала победу: ей удалось заручиться общим согласием России на мирный конгресс, не пообещав при этом взамен ничего конкретного<sup>20</sup>. Осторожная, уклончивая позиция, занятая венским двором по отношению к двору петербургскому, объяснялась еще и недоверием к его позиции по очень важному для обеих сторон «польскому вопросу».

Вопрос о дальнейшей судьбе польских земель была крайне сложным, распадавшимся на две взаимосвязанные, но при этом вполне самостоятельные проблемы. Первая заключалась в том, что не претендую на другие территории в Европе, российский МИД рассчитывал присоединение к России Герцогства Варшавского как справедливую «плату» за кровь, которую проливали и еще прольют русские солдаты, сражаясь за свободу Германии.

В высшем руководстве страны насчитывалось несколько очень серьезных «лоббистов» подобного плана: вел. кн. Константин Павлович (братья императора выступал даже за то, чтобы ограничиться боевыми действиями только на польской земле – русским войскам следовало остановиться на границе с Пруссиею), командующий Дунайской армией П.В. Чичагов и друг юности императора А. Чарторыйский<sup>21</sup>. Им казалось, что решить «польский вопрос» можно, лишь воссоздав Польское королевство и присоединив его к Российской империи с условием, что королем станет младший брат императора Михаил Павлович. Чарторыйский направил императору письмо<sup>22</sup>, в котором умолял восстановить Польшу в ее прежних границах (то есть отдать ей литовские земли и часть западных губерний), ручаясь при этом, что поляки будут вести себя так, как будет угодно русскому императору (стоит отметить, что поляки в Варшаве заявляли о желании попасть скорее под власть Пруссии, чем России или Австрии, если уж невозможно будет обрести национальную независимость<sup>23</sup>). Нессельроде, ознакомившись с запиской Чарторыйского, представил императору свое мнение, что в нынешнем своем положении «Польша лишь слабое подспорье России в борьбе с Францией» и что ее присоединение только «возбудит зависть и

<sup>20</sup> ВПР. Т. VII. С. 80.

<sup>21</sup> Ионов А.В. Борьба русской дипломатии за создание шестой антинаполеоновской коалиции // Проблемы истории СССР. Вып. 12. 1982. С. 116.

<sup>22</sup> ВПР. Т. VII. С. 700.

<sup>23</sup> См. Pradt D. de. Histoire de l'ambassade dans le Grand-duché de Varsovie en 1812. Paris. 1815.

враждебность со стороны тех европейских государств, союз с которыми был бы полезен». Подытоживая свою записку, Нессельроде утверждал, что восстановление Польши «в высшей степени противоречит национальным интересам»<sup>24</sup>.

Царь демонстративно отказывался обсуждать с союзниками вопросы будущего раздела территории в Европе, ссылаясь на то, что это лишь разобщит их и сыграет на руку Наполеону<sup>25</sup>. И это не было пустой отговоркой – французский император изо всех сил искал трещину в отношениях между Россией и ее возможными союзниками, намереваясь расколоть не оформленвшуюся еще окончательно коалицию, а затем разбить их по отдельности. Польша представлялась в этом смысле идеальным «яблоком раздора»: зажатая между Россией, Австрией и Пруссии, она была предметом противоречий трех государств, своеобразным «пороховым погребом» Восточной Европы.

В этом и заключалась вторая составная часть «польского вопроса»: нельзя было решить задачу присоединения Герцогства Варшавского к России, не учитывая мнения Пруссии и Австрии, которых предстояло привлечь в состав будущей антинаполеоновской коалиции. Один неосторожный шаг в «польском вопросе» – и России самой грозила бы коалиция европейских держав. Александр I это прекрасно понимал, прямо заявляя Чарторыйскому: «Объявление наших намерений по поводу Польши бросило бы Австрию и Пруссию в объятия Франции, чему крайне важно помешать, тем более, что эти державы выказывают мне свое лучшее расположение»<sup>26</sup>.

Какова же была позиция австрийцев по поводу Польши? Польские земли были важны для Меттерниха, с одной стороны, как искомое территориальное приобретение (яркое тому подтверждение – письмо императора Франца командующему австрийским корпусом К. Шварценбергу от 24 января 1813 г., в котором монарх разрешает генералу заключить перемирие с русскими, предварительно заняв как можно больше территории Герцогства Варшавского<sup>27</sup>), с другой – как разменная монета на переговорах с русскими и французами.

На переговорах с французскими дипломатами австрийский министр «абсолютно отчетливо» высказывался в том духе, что Герцогства, как и независимого Польского государства, не должно быть на карте Европы<sup>28</sup>. В конечном итоге, в мае 1813 г. австрийцы представили Наполеону свои мирные предложения, состоявшие всего из 3 условий: 1) возврат

<sup>24</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1324. Л. 5.

<sup>25</sup> ВПР. Т. VII. С. 121.

<sup>26</sup> Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. Т. I. С. 132.

<sup>27</sup> Oncken W. Op. cit. Bd. 2. Berlin. 1879. S. 408.

<sup>28</sup> A.M.A.E. Correspondance politique. Autriche. Vol. 395. F. 220.

иллирийских провинций; 2) уничтожение Герцогства Варшавского; 3) новая граница с Баварией<sup>29</sup>.

При этом Меттерних считал, что нужно настаивать на разделе Герцогства Варшавского и что шансы на это очень велики – Франция не будет этому препятствовать, но делать это следует осторожно, дабы не испортить отношения с Россией: «Мы оставим этот вопрос открытым, согласившись с обычаем союзников откладывать его насколько возможно<sup>30</sup>. Ведь именно Александр I не уставая повторять, что споры о будущем территориальном устройстве Европы следует отложить до окончательной победы над Францией<sup>31</sup>.

Таким образом, в отношении Петербурга венские дипломаты избрали в начале 1813 г. весьма осторожную тактику. Намекая на возможность вступления в антинаполеоновскую коалицию, Меттерних совсем не спешил связывать себя какими-либо обязательствами. Наоборот, он старался опутать ими русского царя, в буквальном смысле заманивая его принять участие в мирных переговорах с Наполеоном (которые могли состояться, разумеется, только при австрийском посредничестве).

Александр I, со своей стороны, прекрасно понимал, какую игру ведет австрийский министр. Он предпочитал открыто не возражать против мирных переговоров, хотя и мало верил в их успех. Зато провал австрийского посредничества автоматически означал бы присоединение Вены к союзу Петербурга и Берлина. Очень многое в этой искусно задуманной Меттернихом многоходовой партии зависело от состояния отношений между Веной и Парижем. Военно-политический союз между ними дополнялся и союзом брачным: как известно, Наполеон был женат на дочери австрийского императора Франца, Марии-Луизе, а его сын, внук Франца, был наследником наполеоновского престола. Французский император, который, как и всякий корсиканец, придавал родственным связям огромное значение, постоянно напоминал Францу, что их державы жизненно заинтересованы друг в друге: «Я не хочу подвергать ни малейшей опасности Римского короля (т.е. сына Наполеона и Марии-Луизы. – H.M.). Австрия – единственная держава, заинтересованная в его поддержке»<sup>32</sup>.

Не забывал французский император влиять на своего царственного тестя и через жену: та собственноручно писала отцу письма, умоляя его не начинать войну против Франции, и даже разыгрывала небольшие

<sup>29</sup>Oncken W. Op. cit. Bd. 2. Berlin. 1879. S. 644.

<sup>30</sup>Ibid.

<sup>31</sup>ВПР. Т. VII. С. 121.

<sup>32</sup>А.М.А.Е. Correspondance politique. Autriche. Vol. 395. F. 219.

представления (их сценарий, конечно же, писал сам Бонапарт) перед австрийским поверенным в делах в Париже, господином Флоре<sup>33</sup>.

В наше время историки не всегда в достаточной мере учитывают, какое значение для людей начала XIX в. имели генеалогические связи. Однако австрийского императора Франца I не могла не посещать мысль о том, что его внук может со временем стать императором Франции. Впрочем, как справедливо полагал академик Е.В. Тарле, в борьбе с Бонапартом Австрия руководствовалась мотивами, которые отличали ее от других держав (Англии, России и Пруссии). «Меттерних вовсе не желал, чтобы Россия осталась без должного противовеса на западе, – замечает ученый. – Ему хотелось, чтобы в Европе остался Наполеон, уже не страшный для Австрии, но очень неприятный для России, в качестве возможного союзника Австрии»<sup>34</sup>. Столь важные и незыблевые для корсиканца Наполеона родственные узы значили существенно меньше для холодного, не очень решительного, но преданного своему государству австрийца Франца I. В первую очередь он руководствовался политическим расчетом.

«Скажите нам искренне, каковы ваши пожелания, и позвольте нам вести себя по отношению к вам как союзнику, а ко всем остальным как к державе нейтральной. Считайте, что мы оказываем дружеское посредничество», – говорил в начале января 1813 г. Меттерних французскому послу в Вене графу Л.Г. Отто<sup>35</sup>. Перед Меттернихом стояла задача, казавшаяся на первый взгляд невыполнимой: с одной стороны, выйти из кабального для Австрии мартовского договора 1812 г. о «дружбе, союзе и военном альянсе», по которому Вена обещала выставить 30-тысячный корпус (24 тыс. пехоты, 6 тыс. кавалерии при 60 орудиях) по «первому требованию» Франции<sup>36</sup>. С другой стороны, необходимо было не слишком оттолкнуть от себя Наполеона, навязать ему свое мирное «вмешательство» и вообще не ссориться с грозным владыкой. Выти из неравноправного союза 1812 г., занять положение посредника и найти поддержку своей политике в столице богатейшей державы мира Великобритании – таковы были цели Меттерниха.

7 января 1813 г. граф Отто с беспокойством доносил главе МИД Франции герцогу Бассано, что Австрия все явственнее хочет играть роль посредника, что единственной заботой австрийского кабинета на текущий момент является постепенный вывод войск из Польши и подготовка их к новой кампании<sup>37</sup>.

<sup>33</sup> Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise. P. 1935. P.122.

<sup>34</sup> Тарле Е.В. Наполеон Бонапарт. М. 1941. С.309.

<sup>35</sup> Fain A.J.F. Manuscrit de mil huit cent treize. P. 1825. V.I. P.292.

<sup>36</sup> А.М.А.Е. Correspondance politique. Autriche. Vol.396. F.385 ver.

<sup>37</sup> Ibid. Vol.394. F.21-23.

Австрийцам было очень важно не возбудить подозрений Наполеона, поэтому общая тональность их писем к французским должностным лицам и лично Наполеону такова: Австрия безоговорочно верна союзу с Францией<sup>38</sup>, и никакие силы не смогут заставить ее свернуть с этого пути. «Англия… предложила нам 10 миллионов фунтов стерлингов, чтобы мы перешли на сторону союзников. Мы отвергли это предложение с возмущением, хотя наша финансовая система серьезно расстроена», – гордо заявил Меттерних французскому послу Отто в январе 1813 г.<sup>39</sup> Министр уверял дипломата, что «мы (Австрия – Н.М.) так нуждаемся в союзе с Францией, что если вы сегодня его разорвете, мы предложим вам назавтра перезаключить его на тех же условиях. Франция нам сделала много зла, но в наших же интересах забыть прошлое»<sup>40</sup>.

Гром грянул внезапно: 25 января Меттерних отправил послу Австрии в Париже графу Ф. Бубна депешу, в которой содержалось обоснование нового внешнеполитического курса венского двора. В документе содержалось признание, что «характер войны изменился» и Австрия не может более служить «вспомогательной силой». Отныне Вена была согласна предоставить французам вспомогательный корпус лишь в том случае, если они признают ее равноправным союзником, а также согласятся на ее мирное «вмешательство» (а не простого посредничества). Полностью исключалась возможность предоставления вспомогательного корпуса за деньги<sup>41</sup>.

Тон австрийцев резко изменился – Меттерних, осмотревшись и поняв, что французской армии по сути не существует и бояться пока некого, начал более уверенно проводить курс на разрыв союза с Францией. Австрийский дипломат точно рассчитал момент для начала осуществления своего плана. Наполеон, беседуя с графом Бубна, признался, что прекрасно осознает, «какое влияние может оказать на мои дела изменение политического курса Австрии»<sup>42</sup>.

Параллельно Меттерних постарался заручиться поддержкой британского кабинета. 8 февраля он писал главе английского МИД лорду Р. Каслри, что французский император уже принял австрийское предложение о мирном вмешательстве. Меттерних просил своего английского коллегу последовать примеру Наполеона<sup>43</sup>. Англичане тянули с ответом. Тогда было решено отправить в Лондон посла барона И.Ф.

<sup>38</sup> Ibid. F.14-16 rev.; См. также: *Norvins J. Portefeuille de mil huit cent treize*. Paris. 1825. V.1. P.150-153.

<sup>39</sup> *Norvins J. Portefeuille de mil huit cent treize*. Paris. 1825. V.1. P.155.

<sup>40</sup> A.M.A.E. Correspondance politique. Autriche. Vol.396. F.395.

<sup>41</sup> *Oncken W. Op. cit. Bd.1. S.403.*

<sup>42</sup> A.M.A.E. Correspondance politique. Autriche. Vol. 394. F. 116 rev.

<sup>43</sup> Ibid. Vol. 396. F.23 rev.

Вессенберга, чтобы тот встретился и с Каслри, и с принцем-регентом Георгом (будущим королем Георгом IV). Переговоры австрийского уполномоченного, проходившие в атмосфере глубокой тайны (из-за желания скрыть их как от Франции, так и от общественности Британии, выступавшей против любых мирных переговоров с Бонапартом) ни к каким серьезным результатам не привели.

На все доводы австрийского посла Каслри отвечал, что французское правительство «не дало еще ни одного доказательства своих мирных намерений, которые, по его мнению, должны предшествовать всяkim мирным переговорам»<sup>44</sup>. Примерно в том же духе высказывался и принц-регент, заметивший, правда, что речь Наполеона в Законодательном собрании 23 марта – хороший знак (в своем выступлении император заявил, что больше нет причин для вражды между Англией и Францией и что он готов принять австрийское посредничество. – *H.M.*)<sup>45</sup>.

Такой ответ никак не мог устроить австрийскую сторону. Однако английский кабинет твердо стоял на своем. Письмо Меттерниху за подписью Каслри, полученное уже после возвращения Вессенберга в Вену, окончательно обозначило английскую позицию по данному вопросу: Англия в целом готова к переговорам, но они не могут состояться из-за позиции французского императора, который хочет навязать испанцам смену династии и не желает обсуждать вопрос о территориях, незаконно присоединенных к Франции. Вместе с тем, «момент для того, чтобы все державы Европы выступили как единое целое, еще не настал... Чтобы прийти к такому положению вещей, которое заслуживает определения “мир”, следует заново создать систему равновесия в Европе», – подытожил английский министр<sup>46</sup>.

Австрийская инициатива с привлечением Англии к «посредничеству» и последующим мирным переговорам провалилась. Но Меттерних не унывал, рассматривая возможные варианты развития событий. В случае положительного ответа Англии на австрийское предложение они развивались бы в наиболее выгодном для Австрии русле. Но ничего страшного не произойдет даже в случае отрицательного ответа. Мир все равно будет заключен, просто он будет континентальным, внушал Меттерних 12 апреля 1813 г. Шварценбергу, находившемуся с дипломатическим поручением в Париже<sup>47</sup>.

Австрийская дипломатия в марте-апреле 1813 г. разрывалась между Россией и Францией, пытаясь заставить обе державы двигаться в нужном Вене направлении. Меттерних не жалел сил и времени, чтобы через своих

<sup>44</sup> Ibid. F.42 rev.

<sup>45</sup> Ibid. F.44.

<sup>46</sup> Ibid. F.45 rev.46.

<sup>47</sup> Ibid. Vol.396. F.53.

подчиненных убедить Наполеона и Александра I в том, что «посредником может быть лишь та держава, которая не хочет для себя ничего, кроме мира»<sup>48</sup>.

Но Австрия хотела не только мира – она хотела оставаться державой, которой бы принадлежала ведущая роль в решении всех вопросов будущего территориального устройства. Этого она намеревалась добиться, играя на противоречиях России и Франции. «Последние события нам показали, сколь опасна может быть Россия для Европы... Нужна равная ей по мощи держава, которая будет ее уравновешивать, – такой державой является Франция: она должна установить основы новой системы европейского равновесия», – заявил Шварценберг 7 апреля 1813 г. в Париже министру иностранных дел Франции Ю.-Б. Маре герцогу Бассано перед встречей с Наполеоном<sup>49</sup>.

Австрийские дипломаты продолжали терпеливо и целеустремленно добиваться выхода Австрии из союзного договора с Францией. Поворотной оказалась встреча К. Шварценберга с Наполеоном в Париже 9 апреля 1813 г. До неё австрийский посланник получил достаточно подробные указания от Меттерниха о том, что надо говорить французскому императору, если будет поднят вопрос (а он будет поднят непременно, Меттерних был в этом уверен) о франко-австрийском союзе 1812 г.: договор не представлял собой справедливой и солидной политической базы для двух договаривающихся сторон (в отличие от Тильзитского)<sup>50</sup>. В ответ Наполеон заверил австрийского дипломата в своей готовности и даже желании начать мирные переговоры, но выразил еще большую заинтересованность в том, чтобы Австрия вступила в войну на его стороне, обещая ей за это Силезию и Иллирию<sup>51</sup>. 22 апреля Шварценберг изложил позицию своего двора в вербальной ноте. Вена дала понять, что она категорически выступает за вооруженное «посредничество» (хотя изначально Меттерних настрого запретил австрийскому послу в Париже графу Бубна использовать этот термин – ему надлежало говорить только о «вмешательстве»<sup>52</sup>). В противном случае, подчеркивалось в ноте, «ход событий не допускает более того, чтобы император (Австрии. – *H.M.*) участвовал в войне, если она будет продолжаться, лишь в качестве вспомогательной силы»<sup>53</sup>.

Через некоторое время после встречи Наполеона с Шварценбергом, 26 апреля 1813 г., состоялось не менее важное свидание французского посла

<sup>48</sup> Ibid. F.387.

<sup>49</sup> *Oncken W.* Op. cit. Bd.2. S. 626.

<sup>50</sup> A.M.A.E. Correspondance politique. Autriche. Vol.396. F.57.

<sup>51</sup> *Oncken W.* Op. cit. Bd.2. S.622.

<sup>52</sup> A.M.A.E. Correspondance politique. Autriche. Vol. 396. F. 395.

<sup>53</sup> Ibid. F. 398 rev.– 401.

графа Л. Нарбонна и императора Франца. Французский дипломат тщетно ссыпался на трактат 1812 г., требуя разъяснений по поводу нежелания австрийцев предоставить Франции вспомогательный корпус. Франц I отвечал ему вполне в духе своего министра Меттерниха: «Но ваш государь сам уничтожил его, настоятельно предложив мне принять вооруженное посредничество. Я считаю, что не могу одновременно воевать и быть посредником»<sup>54</sup>.

После этих своеобразных «двуихаундовых» переговоров в Париже и Вене ситуация в отношениях между Австрией и Францией в чем-то прояснилась, а в чем-то, наоборот, запуталась окончательно. Наполеону стало ясно, что втянуть Австрию в войну против коалиции будет очень трудно, даже обещая ей за это территориальные приобретения. Вена недвусмысленно дала понять, что не намерена выполнять условия союзного договора 1812 г. и предоставить Франции 30-тысячный армейский корпус. Позиция австрийского кабинета была проста: Наполеон должен согласиться на мирные переговоры, а труд усадить за один стол с ним представителей России, Пруссии и даже Англии брала на себя австрийская дипломатия.

Тем не менее Австрия *de jure* оставалась французской союзницей, и ее посреднические инициативы наталкивались на нежелание Александра I соблюдать правила, которые пытался навязать ему Меттерних, на сомнения английского кабинета в миролюбии Наполеона, наконец, на недоверие самого Наполеона, считавшего изменнической политику страны, государь которой приходился ему ближайшим родственником. Дипломатический «гордиева узел», затянувшийся в январе-апреле 1813 г., мог быть «разрублен» лишь на полях сражений.

В ходе весенней кампании 1813 г. ни одной из сторон не удалось добиться решающего превосходства (битвы при Люцене и Бауцене и французы<sup>55</sup>, и их противники<sup>56</sup> сочли собственными победами). В конце мая в пользу перемирия высказались как Наполеон, так и Александр I, передевые армии которых нуждались в пополнении. Этой ситуацией и решил воспользоваться Меттерних, чтобы воплотить в реальность свои мечты о мирном конгрессе под собственным председательством.

Однако события уже вышли из-под контроля хитроумного дипломата. Перед Веной встало угроза дипломатической изоляции. Чтобы избежать ее,

---

<sup>54</sup> Ibid. F. 86.

<sup>55</sup> Наполеон разулся после сражения и информировалось о своей победе австрийского императора – А.М.А.Е. Correspondance politique, Autriche. Vol.395. F.29.

<sup>56</sup> В Вену Штакельбергу полетело указание заявить австрийцам, что союзники одержали победу у Люцена, что боевой дух великодержавен, что отступили лишь затем, чтобы «сохранить на театре военных действий достаточное количество войск» – ВПР. Т.VII. С.193.

австрийцы были вынуждены сделать несколько шагов навстречу России и Пруссии, важнейшим из которых, безусловно, являлось подписание Рейхенбахской конвенции 15(27) июня 1813 г. По этому договору Австрия фактически присоединялась к лагерю противников Наполеона, хотя и с оговоркой (если до 20 июля Франция не примет мирные предложения союзников)<sup>57</sup>.

Образ Меттерниха как «всебоющего примирителя» потускнел, но он не хотел признавать, что проиграл в этой сложной и запутанной дипломатической игре. Чтобы взять назад обязательства, которые он дал России, Пруссии и Англии, у него оставался единственный шанс – ему нужно было уговорить Наполеона принять выработанные союзниками мирные условия. 28 июня он лично отправился в Дрезден, во дворец Марколини, на встречу с французским императором.

Наполеон принял австрийского министра в состоянии крайнего раздражения, то и дело срываясь на крик в продолжение всего их разговора. Он бегал по кабинету из угла в угол и осыпал Меттерниха упреками: «С тех пор, как Австрия взяла на себя роль посредницы, она больше не на моей стороне; она более не является незаинтересованной стороной: она – мой враг!»<sup>58</sup>. Наполеон пригрозил, что, если австрийцы хотят войны, то они ее получат: «Я вам назначаю свидание в Вене в октябре!»<sup>59</sup>.

Чтобы не упустить свой шанс, австрийский министр начал было убеждать Бонапарта, что мир ему предлагают не позорный, капитулянтский, а вполне почетный, благодаря которому он сможет сохранить практически всю свою державу и не умалить собственной славы. На что ему французский император вдумчиво и спокойно возразил: «Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденными в свои столицы, и для них это все равно. А я – солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, возбуждающим восхищение!»<sup>60</sup>. Итак, казалось, последняя возможность для заключения мира была упущена. Меттерних, выходя из кабинета Наполеона, бросил встретившемуся ему маршалу Бертье: «Клянусь вам, ваш повелитель потерял рассудок!»<sup>61</sup>.

Однако Наполеон, оценив ситуацию с учетом всех обстоятельств, решил не сжигать мосты – ему было нужно время, чтобы переформировать

<sup>57</sup> Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Российской с иностранными державами. СПб. 1876. Т. III. С. 105-110.

<sup>58</sup> Correspondance de Napoléon I. P. 1868. Vol. XXV. P. 424.

<sup>59</sup> Ibid. P. 425.

<sup>60</sup> Ibid.

<sup>61</sup> Цит. по: Тарле Е.В. Указ. соч. С.297.

армию. Поэтому он согласился участвовать в международном конгрессе, на котором воюющим сторонам представилась возможность разрешить противоречия между собой мирным путем<sup>62</sup>. Однако мирный конгресс, работавший в Праге с конца июля по середину августа, оказался абсолютно безрезультатным.

Союзники предъявили французскому императору вполне умеренные требования: 1) упразднение Герцогства Варшавского и раздел его территории между Австрией, Россией и Пруссии; 2) возврат Данцига и его окрестностей Пруссии; 3) возврат Иллирии Австрии; 4) восстановление независимости Гамбурга и Любека; 5) распуск Рейнского союза и признание независимости небольших немецких государств; 6) восстановление Пруссии в размерах, максимально близких к ее границам в 1806 г.; 7) гарантия неприкосновенности территории всех государств<sup>63</sup>.

Наполеон на конгрессе занял жесткую, бескомпромиссную позицию, не желая идти на уступки ни по одному пункту. Не рассчитывали на успех переговоров и союзники. Они рассматривали мирную передышку в первую очередь как возможность привести в порядок армию и подтянуть резервы. Не удивительно, что переговоры Александра I и Наполеона оказались бесплодными. Решить спор двух великих империй должны были не дипломаты, а военные.

После провала Пражского конгресса Австрия, отчасти против своей воли, вступила в антифранцузскую коалицию. Это было зафиксировано Теплицкими русско-прусским и русско-австрийским договорами 28 августа (9 сентября) 1813 г. В соответствии с ними, спорный «польский» вопрос подлежал урегулированию «полюбовным соглашением между тремя дворами – российским, австрийским и прусским»<sup>64</sup>. И хотя договор означал крах внешнеполитического проекта Меттерниха о «вооруженном посредничестве», Австрии удалось отстоять свои интересы в наиболее важных вопросах<sup>65</sup>.

В первой половине 1813 года Австрия вышла на авансцену дипломатической борьбы. Она попыталась воспользоваться преимуществами своего положения в условиях, когда наполеоновская армия потерпела поражение в русском походе 1812 г., а Россия и Пруссия нуждались в ней для продолжения борьбы против Франции. Меттерних планировал занять позицию, одинаково удаленную как от Парижа, так и от Петербурга. В конфликте между ними он собирался выступить посредником и примирителем, превратив Австрию в ведущую силу Центральной Европы. Как было показано выше, несмотря на все усилия

<sup>62</sup> АВПРИ. Ф.133. Оп.468. Д.1449. Л.9.

<sup>63</sup> Oncken W. Op. cit. Bd.2. S.683.

<sup>64</sup> Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т.III. С.376.

<sup>65</sup> Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. Paris. 2004. V.2. P.448.

австрийского министра, Австрия в итоге была вынуждена примкнуть к антифранцузской коалиции. Ей не удалось остаться в стороне от конфликта и сыграть роль главного европейского посредника. Был ли такой итог предопределен заранее?

Думается, что политика «вооруженного посредничества» изначально была обречена на провал. Австрийцы пытались лавировать между двумя главными силами на континенте – Францией и Россией, – обещая каждой из них свою помощь на определенных условиях. Проблема заключалась в том, что ни Париж, ни Петербург не были готовы рассматривать Вену в качестве посредника. Наполеон резонно полагал, что пока действует союзный франко-австрийский договор от 14 марта 1812 г., ни о каком австрийском посредничестве не может быть и речи. Примерно так же рассуждал и Александр I. Разница в их подходе заключалась лишь в том, что французский император пытался побудить австрийцев точно выполнять условия договора, а российский самодержец добивался, чтобы венский двор расторг договор и примкнул к союзу России и Пруссии.

Меттерних в первой половине 1813 г. предпринял попытку направить дипломатическую историю Европу в новое русло, играя на противоречиях между Россией и Францией. В случае успеха этой попытки, Австрия значительно увеличила бы свой политический вес в Центральной Европе и на Балканах. Однако хитроумные замыслы австрийского министра разбились о логику событий. Ни Наполеон, ни Александр I не желали останавливаться на полути: война между ними приобрела ожесточенный, бескомпромиссный характер. В борьбе двух европейских колоссов Австрия могла только примкнуть к одному из них – встать над схваткой ей никто бы не позволил. Австрийцы были вынуждены сделать выбор, которому, впрочем, были не очень рады: события второй половины 1813 и начала 1814 г. это наглядно подтвердили. Однако присоединение Австрии к союзу России и Пруссии существенно изменило соотношение сил, ускорив падение наполеоновской империи.

**Н.Ю. ВАСИЛЬЕВА**

**НЕАПОЛИТАНСКАЯ ДИЛЕММА ВЕНСКОГО КОНГРЕССА**

**NAPLES DILEMMA OF THE CONGRESS OF VIENNA**

**Ключевые слова:** Мюрат, Венский конгресс, легитимизм, неаполитанский вопрос, история международных отношений

**Keywords:** Murat, congress of Vienna, legitimism, question of Naples, history of international relations

**Аннотация:** В настоящей статье рассматривается отношение ведущих европейских держав накануне и во время Венского конгресса к Иоахиму Мюрату. После вступления войск шестой коалиции в Париж и первого отречения императора Наполеона он оказался единственным из родственников Бонапарта, еще занимавшим королевский трон. Мюрат рассчитывал на признание своего титула короля Неаполя со стороны монархических кругов постнаполеоновской Европы. Ради этого он был готов пойти на серьезные уступки победителям Наполеона. Одновременно Мюрат полагался на союзный договор с Австрией, заключенный в январе 1814 г. и являвшийся его главной политической опорой на международной арене. Но большинство монархов Европы не желали заключать с правителем Неаполя какие-либо официальные соглашения, не признавая его легитимным королем. К тому же Мюрата подозревали в тайных контактах с сосланным на Эльбу Наполеоном. Его позиции в европейской политике становились все более уязвимыми. Большинство участников Венского конгресса отказались признать его монарший статус и выступили за возвращение Неаполя под власть легитимного государя из династии Бурбонов. Однако стремление отдельных европейских акторов помешать усилению французского влияния в Южной Италии затрудняло поиски компромисса в неаполитанском вопросе. Побег Наполеона с Эльбы и его триумфальное возвращение в Париж в марте 1815 г. изменили политическую обстановку. Вспыхнул конфликт между Мюратом и союзными державами, который заставил из преодолеть свои противоречия. В итоге Бурбоны вернулись к власти в Неаполе, а Мюрат лишился не только короны, но и жизни.

**Abstract:** This article looks into the political relations between the Allied Powers and Joachim Murat, then King of Naples, on the eve and at the time of the Congress of Vienna. After the first abdication of Napoleon he was the only Bonaparte's relative whom the Allies allowed to keep his throne. Murat was seeking to obtain recognition of his royal title in the ruling circles of post-Napoleonic Europe. For this purpose he was ready to make considerable

*concessions to the victors of Napoleon. At the same time King Joachim expected to receive support from Austria according to the alliance treaty concluded with it on January 11, 1814. However, the official alliance with one of the Allied Powers proved not be a sufficient guarantee of survival for Murat and his political regime. After Napoleon's defeat the legitimate Monarchs of Europe refused to enter into diplomatic relations with the ruler of Naples or sign agreements with him. The Allies suspected Murat to maintain secret relations with the former French Emperor exiled to the island of Elba. The majority of participants of the Congress of Vienna refused to recognize Murat's title and came out in favour of Bourbon's restoration in Naples. But the rivalry between France and Austria prevented them from reaching an agreement on the Neapolitan question at the beginning of the Congress. What changed the situation was Napoleon's escape from Elba and return to power in France. A conflict broke out between Murat and Allied Powers, which made them to overcome their contradictions. The Bourbons were restored in Naples while Murat lost both his crown and life.*

К моменту первого отречения императора Наполеона от престола, состоявшегося в апреле 1814 г. вскоре после торжественного вступления союзных войск в Париж, его зять Иоахим Мюрат оказался единственным представителем многочисленной когорты т.н. «наполеонидов», которому державы антифранцузской коалиции позволили на время сохранить за собой королевскую корону. Под властью венценосного маршала по-прежнему оставалось Неаполитанское королевство (без Сицилии) с населением около 5 миллионов человек и 2000 километров морского побережья. При этом на международной арене политическую защиту Мюрату, как государю, обеспечивал союзный договор с Австрией от 11 января 1814 г. Он сохранял трон в обмен на объявление войны своему шурину и присоединение к антифранцузской коалиции<sup>66</sup>. Более того, став официальным союзником державы Габсбургов, этот монарх получил от ее правящих кругов твердые заверения в оказании необходимой поддержки собственному режиму. По словам видного австрийского политического деятеля и публициста начала XIX в. Ф. фон Генца, в течение достаточно долгого времени сам император Франц I «при каждой возможности заявлял и подтверждал, что никогда не оставит в беде неаполитанского

---

<sup>66</sup> Этот трактат предусматривал отказ Мюрата от претензий на сицилийский престол, выплату им значительной денежной компенсации в пользу неаполитанских Бурбонов за их прежние владения на материке и включение в состав его собственного государства нескольких районов Папской области с населением около 400 тысяч человек. Кроме того, союз с Веной обязывал зятя Наполеона предоставить в распоряжение антифранцузской коалиции 35 тысяч солдат для содействия освобождению Италии от войск «зурпатора».

короля»<sup>67</sup>. И другие великие державы в тот период были вынуждены считаться с подобной позицией Венского кабинета по отношению к Мюрату.

Впрочем, наличие формального союза с одним из ведущих участников антифранцузской коалиции все же не являлось для неаполитанского короля абсолютной гарантией безопасного существования в новой, постнаполеоновской Европе. Мюрат отчетливо осознавал, что после ликвидации императорского режима во Франции подавляющее большинство т.н. легитимных государей Старого света не были расположены к заключению с ним каких-либо официальных соглашений. Они выражали серьезные сомнения в искренности публично выраженного его правительством в 1814 г. намерения «жить в добром согласии» со своими недавними противниками.

Из разных частей Европы в адрес действующего правителя Неаполя все чаще и громче звучали упреки в том, что он решился примкнуть к делу союзников только на завершающем этапе борьбы с Наполеоном, хотя отдельные члены антифранцузской коалиции предлагали ему разорвать отношения с «узурпатором» еще в первой половине 1813 г. Так, согласно некоторым дипломатическим источникам, сразу после возвращения маршала из похода в Россию представители союзных держав и формально нейтральной тогда Австрии всерьез заговорили о возможности сохранения за Мюратом королевского титула лишь в случае осуществления им военной «диверсии» против войск своего шурина в Северной Италии<sup>68</sup>. В мае-июне 1813 г. главнокомандующий британскими силами в Сицилии и посланник в Палермо лорд У. Бентинк вел тайные переговоры с представителями неаполитанского двора об условиях заключения мирного договора, который помог бы королю Иоахиму решить задачу собственной легитимации в глазах противников Наполеона<sup>69</sup>. Однако выдвинутые в тот

<sup>67</sup> Metternich, R.D. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich: Tome 2 / publiés par son fils le prince Richard de Metternich, classés et réunis par M.A. de Klinkowstroem. – P., 1880. P. 499.

<sup>68</sup> В частности, о возможности такого развития событий шла речь в ходе одной из бесед министра иностранных дел Австрии графа К. Меттерниха с русским посланником при венском дворе Г.О. Штакельбергом, о которой последний сообщил в своем послании К.В. Нессельроде от 27 февраля (11 марта) 1813 г. См. подробнее: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. VII. – М., 1970. С. 82-83.

<sup>69</sup> Условия, сформулированные лордом Бентинком на переговорах с представителями неаполитанского короля, сводились к следующему: «Мюрат объявит войну Бонапарту и тотчас же двинется со всеми имеющимися у него силами на север Италии. Союзники присоединятся к нему в заранее оговоренном месте и в назначенное время. Мюрат откажется в пользу государя Сицилии от Неаполитанского королевства на следующих условиях: 1. Мюрат получит равное ему возмещение. 2. Он сохранит неаполитанский престол до тех пор, пока ему не будет предоставлено такое возмещение» (цит. по: Garnier, Jean-Paul. Murat, roi de Naples. – P., 1959. P. 219).

период англичанами требования были отклонены самим Мюратом, изначально рассчитывавшим на большую уступчивость со стороны Великобритании в вопросе о признании законности его прав на неаполитанский престол.

В итоге, примирение короля Иоахима с коалицией произошло лишь незадолго до полного военного краха империи Наполеона. Причем, в отличие от шведского кронпринца Карла Юхана (Жана-Батиста) Бернадота – француза по происхождению и в прошлом наполеоновского маршала, который в 1813-1814 гг. активно сражался против своих соотечественников во главе одной из союзных армий, Мюрат, объявив войну «узурпатору», к неудовольствию великих держав избегал полноценного участия в боевых действиях.

Кроме Австрии, никто из победителей Наполеона так и не пожелал связать себя какими-либо формальными обязательствами со столь сомнительным в политическом плане партнером. Англичане в итоге ограничились подписанием с правительством Мюрата соглашения 26 января 1814 г. о перемирии. В результате все боевые операции их флота против Неаполитанского королевства были немедленно прекращены, но дипломатические отношения между обоими государствами не были установлены. Власти Великобритании в свое время гарантировали военную защиту укрывшемуся на Сицилии королю Фердинанду IV Бурбону. К тому же они рассматривали созданный французами в материковой Италии политический режим как серьезное препятствие на пути расширения британского влияния в Средиземноморье. Поэтому неудивительно, что уже в мае 1814 г., накануне заключения первого Парижского мира, тогдашний глава Лондонского кабинета лорд Р. Ливерпуль в переписке с собственными подчиненными крайне негативно отзывался о личности упомянутого выше «наполеонида». «Моя нынешняя забота состоит в том, чтобы в договоре (первом Парижском мире – *H.B.*) не было признания Мюрата королем Неаполя, отмечал этот государственный деятель в одном из писем британскому министру иностранных дел лорду Р.С. Касли. Он ничего не сделал, чтобы заслужить королевство, один из худших генералов Бонапарта, совершивший в отношении герцога Энгиенского то, в чем, как полагали, был виновен Коленкур. Никакое соглашение, заключенное в его пользу, как короля, не может считаться действительным, и поэтому лучше, чтобы его вообще не было. Если этот вопрос не может быть решен удовлетворительно, я надеюсь, по крайней мере, что в договоре о нем ничего не будет сказано и что его урегулирование будет отложено на будущее»<sup>70</sup>.

---

<sup>70</sup> Webster C.K. The Foreign policy of Castlereagh. Vol. I. – L., 1931. P. 543. Appendix B.

Русское правительство, со своей стороны, также не испытывало большой симпатии к действующему правителю Неаполя. Несмотря на изначально скептическое отношение императора Александра I к идеи реставрации разветвленной династии Бурбонов на всех занимаемых ими ранее тронах и его благосклонность к отдельным членам семьи Наполеона, в частности, к пасынку последнего принцу Евгению Богарне, царские власти тем не менее скептически относились к возможности сохранения королевской короны именно Мюратом. Вот почему, как только союзным державам удалось добиться отречения императора французов от престола, один из наиболее влиятельных отечественных дипломатов того времени К.В. Нессельроде по приказу своего государя отправил русскому представителю в Неаполе А.Д. Балашову следующие инструкции: «...если мирный договор, который должен был быть подписан с королем Иоахимом, еще не заключен, то нет никаких оснований спешить с его заключением, и было бы целесообразно подождать, пока все более или менее установится, прежде чем подписывать акт, не сулящий более никакой выгоды союзникам... Вам надлежит... постараться затянуть дело, дабы ничто в наших отношениях с Неаполем не было решено наспех и дабы подписание окончательного договора было отсрочено»<sup>71</sup>. А полгода спустя, в октябре 1814 г. Нессельроде и вовсе сообщил преемнику Балашова в Неаполитанском королевстве Ф.В. Тейль-фан-Сероскеркену, что русский император «не намерен более иметь дипломатического представителя при этом дворе, но тем не менее считает необходимым избегать пока формального отзыва»<sup>72</sup>.

После разгрома наполеоновской Франции король Иоахим не мог рассчитывать и на благосклонность прусских властей. В ходе различных международных встреч и переговоров представители Берлина неизменно заявляли о том, что «территориально-политическое переустройство внутри Италии не связано с непосредственными интересами северных держав и Пруссии»<sup>73</sup>. Тем не менее в отношении Мюрата они изначально придерживались общей для большинства европейских монархий точки зрения о необоснованности его претензий на сохранение неаполитанской короны. В частности, в сентябре 1814 г. немецкий ученый и дипломат, уполномоченный Пруссии в главной ставке союзников В. фон Гумбольдт от имени своей страны предлагал запретить зятю Наполеона участие в

---

<sup>71</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Том VII. С. 656.

<sup>72</sup> Там же. С. 788.

<sup>73</sup> Из Проекта организации работы Венского конгресса, представленного в сентябре 1814 г. бароном В. фон Гумбольдтом // Webster C.K. The Congress of Vienna 1814-1815. - L., 1937. P. 159. Appendix IV.

работе Венского конгресса, поскольку на этот форум «могут быть допущены только повсеместно признанные государи»<sup>74</sup>.

В довершение жесткую бескомпромиссную позицию по отношению к Мюрату в 1814 г. заняли представители всех без исключения ветвей династии Бурбонов, полагавшие для себя делом чести отстоять законные права своего родственника короля Обеих Сицилий Фердинанда IV на обладание неаполитанской короной. Едва добившись трона, король Франции Людовик XVIII поспешил заявить о том, что он ни при каких обстоятельствах не признает легитимным государем в Неаполе «некоего субъекта из семьи корсиканца»<sup>75</sup>. Кроме династических пристрастий он руководствовался политическими соображениями. По его мнению, только возвращение на трон в Неаполе прямого потомка Людовика XIV могло бы служить залогом сохранения французами влияния в Италии. Ненавистного всем роялистам «выскочку» Мюрата, опиравшегося на Габсбургов, Людовик XVIII рассматривал как ставленника австрийцев.

С позицией французских Бурбонов в отношении еще остававшегося у власти «наполеонида» были созвучны и декларации их родственников на испанском престоле. С точки зрения Мадридского двора, Мюрат, будучи маршалом Империи, являлся не только узурпатором чужого трона, но и одним из главных виновников тех чудовищных военных преступлений, которые были совершены в 1808 г. наполеоновскими войсками во время их вторжения в Испанию. Поэтому король Фердинанд VII, как только вернулся из французского плена, сразу же заявил о своем нежелании участвовать в каком-либо международном соглашении о признании легитимным государем человека, который оставил по себе столь недобрую память среди его подданных. Доводы испанских Бурбонов не оставил без внимания британский премьер-министр лорд Ливерпуль. По его словам, они «справедливо» утверждали, что «случай Мюрата очень отличается от ситуации с Бернадотом – что время, когда последний перешел на сторону союзников, дало ему убедительное право требовать для себя компенсации, тогда как Мюрат продолжал занимать один из наиболее важных командных постов во французской армии вплоть до битвы под Лейпцигом – вдобавок к этому соображению, Бернадот одинаково хорошо вел себя во всех странах, где появлялся в качестве французского генерала, а Мюрат был орудием, если не инициатором, кровавой бойни в Мадриде»<sup>76</sup>.

---

<sup>74</sup>Ibid.

<sup>75</sup>Так король Людовик XVIII охарактеризовал Мюрата в своем письме к Ш.-М. Талейрану от 13 октября 1814 г. //Correspondence inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. – P., 1881. P. 39.

<sup>76</sup>Из письма лорда Ливерпуля британскому министру иностранных дел лорду Каслри от 14 апреля 1814 г. // Webster C.K. The Foreign policy of Castlereagh. Vol. I. P. 534-535. Appendix B.

В июле 1814 г. Фердинанд VII даже заключил с Людовиком XVIII специальное соглашение, предусматривавшее безоговорочную поддержку Мадридским и Парижским дворами легитимных прав всех остальных представителей династии Бурбонов на занимаемые ими прежде в Италии троны. В особенности подчеркивалась необходимость всесторонней помощи именно Фердинанду IV, престарелому королю Обеих Сицилий, который Людовику XVIII приходился кузеном. Последний мечтал поскорее покинуть наскучивший ему захолустный Палермо и перебраться в свою главную резиденцию на материке, искренне полагая, что «Сицилия не стоит всех неприятностей, какие он претерпел из-за нее в последнее время»<sup>77</sup>.

В сложившейся ситуации у короля Мюрата оставалось не так много возможностей, чтобы добиться признания монархическими кругами постнаполеоновской Европы. Помимо той относительной защиты, которую ему до поры до времени обеспечивал союзный договор с Габсбургами, этот правитель мог апеллировать, пожалуй, еще только к общественному мнению. Он рассчитывал снискать симпатии к себе тех кругов европейской общественности, которые были недовольны реставрацией Бурбонов и восторжествовавшей с их возвращением реакцией<sup>78</sup>. Уповал он также на собственную популярность среди поборников идеи объединения Италии. Однако и с этой стороны его возможности были ограничены. Итальянские патриоты не скрывали своего разочарования настойчивым желанием Мюрата заручиться поддержкой Австрии, традиционного противника национальных устремлений итальянцев.

Король Иоахим мог воспользоваться серьезными разногласиями, которые обнаружились между великими державами в итальянских делах еще до открытия Венского конгресса и препятствовали скорому решению неаполитанского вопроса. Наряду с ярко выраженным австро-французским противоречием, проявившимися в прямом соперничестве домов Бурбонов и Габсбургов за влияние на Апеннинском полуострове, в рамках вышеназванной проблематики были заметны и различия в подходах других держав к определению будущего как самого Мюрата, так и занимаемого им в тот период трона. В частности, венценосный маршал был достаточно хорошо осведомлен о вынашиваемых отдельными представителями правящих кругов Великобритании планах выгодного для

<sup>77</sup> Эти слова Фердинанда IV были процитированы в письме русского посланника в Сицилии Г.Д. Мочениго министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву от 12(24) мая 1814 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. VII. С. 691.

<sup>78</sup> В частности, известная французская писательница Жермена де Сталь в 1814 г. адресовала Мюрату следующие слова: «Я преклоняюсь перед Вами не потому что Вы король или герой, а потому что Вы являетесь подлинным другом свободы».

их страны разделения территории королевства Обеих Сицилий на две части. Некоторые из этих планов предусматривали сохранение под властью опекаемого англичанами Фердинанда IV только острова Сицилии, где в течение уже достаточно долгого времени размещались британские сухопутные силы и флот. Тогда как материковая часть его прежних владений должна была перейти под управление государя из другой династии. Это позволило бы Великобритании упрочить свои позиции в Средиземноморье, попутно ослабив французское влияние в Южной Италии.

Другой план решения неаполитанского вопроса активно отстаивал лорд Бентинк, формально – британский посол при сицилийском дворе, а фактически – правитель Сицилии. Согласно этому плану, это островное государство и вовсе предполагалось превратить в колонию англичан. При этом королю Фердинанду IV было бы гарантировано возвращение на трон в Неаполе и предоставление ему некой территориальной компенсации в другой части Европы взамен утраченных сицилийских владений.

Вместе с тем, Мюрат был, несомненно, осведомлен о том, что британские предложения по осуществлению мирного «развода» между обеими «Сицилиями» отчасти совпадали с тогдашними чаяниями самих сицилийцев, не скрывавших своих сепаратистских устремлений. По свидетельству русского посланника в Палермо Г.Д. Мочениго, после поражения наполеоновской Франции в сицилийском обществе считали династическую унию с Неаполитанским королевством «чем-то не имеющим никакого значения для политической независимости острова»<sup>79</sup>. И эти «опасные» настроения вызывали обеспокоенность не только у Фердинанда IV и местных его сторонников, но и у представителей союзных держав, не желавших превращения Сицилии в опорный пункт влияния Великобритании в Средиземноморье. Так, например, еще на завершающем этапе борьбы с Наполеоном в мае 1813 г. видный русский дипломат Д.П. Татищев, представляя в послании к Александру I «картину насилий,чинимых англичанами в этой стране» (Сицилии – *H.B.*), советовал императору «подумать и о том, не будет ли обладание Сицилией,которого англичане явно хотят добиться, проблемой чрезвычайно трудно разрешимой при переговорах об общем мире». Ибо, утверждал он, «как только английское владычество утвердится в Сицилии, Ваше влияние на Грецию встретит серьезные помехи»<sup>80</sup>. Таким образом, при удачном для себя стечении обстоятельств король Мюрат мог надеяться на затягивание международных переговоров по неаполитанскому вопросу

<sup>79</sup> Из письма Г.Д. Мочениго министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву от 12 (24 мая) 1814 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Том VII. С. 692.

<sup>80</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Том VII. С. 210.

на неопределенный срок, что позволило бы ему выиграть время и расширить пространство для политического маневра.

Вскоре после первого отречения своего шурина, Мюрат, стремившийся любым способом добиться расположения великих держав, отправил личных представителей – герцога Кампокьяро, князя Кариати и В. Анчилотти – в крупнейшие европейские столицы. Им было поручено обсудить там условия признания его прав на трон. Одновременно Мюрат попытался установить контакты с вернувшимся в мае 1814 г. в Рим понтификом Пием VII. В обмен на официальное признание со стороны Святого Престола он пообещал вывести неаполитанские войска с территории Папской области.

Неаполитанский король открыто заявил также о своем желании наладить отношения с преисполненными к нему ненависти Бурбонами. В мае 1814 г., несмотря на всю нелепость сложившейся ситуации, он решился отправить Людовику XVIII полное неприкрытоей лести поздравительное послание по случаю его восшествия на французский престол<sup>81</sup>. В нем говорилось: «Провидение призвало Вас на трон Людовика Святого и Генриха IV. Рожденный французом, я храню в сердце чувства почтения и любви к благородной крови Генриха IV и Святого Людовика»<sup>82</sup>. Между тем еще за месяц до указанных событий Мюрат в разговоре с австрийским послом в Неаполе упрекал великие державы в том, что они совершили серьезную ошибку, отказавшись от провозглашения регентом императрицы Марии-Луизы и наставив на реставрации французских Бурбонов. Он заявил тогда, что, «как только войска союзников эвакуируются из Франции, эта страна вновь станет местом массовых убийств и ужасов»<sup>83</sup>.

Несколько позднее Мюрат даже обратился к одному из министров Людовика XVIII маркизу Ф. де Жокуру с предложением о заключении между роялистской Францией и подвластным ему королевством оборонительного союза против Австрии в обмен на признание правительством Бурбонов его прав на неаполитанский престол. Однако никакого ответа на эту инициативу со стороны французских властей так и не последовало. В условиях, когда в опасной близости от берегов как самой Франции, так и Неаполя в почетной ссылке на острове Эльба находился поверженный император Наполеон, ненависть Людовика XVIII к зятю «узурпатора» только усиливалась.

<sup>81</sup> Аналогичные поздравления от «доброго брата» короля Иоахима были отправлены также испанским Бурбонам по случаю возвращения легитимного государя Фердинанда VII в Мадрид. Однако власти Испании отказались их принять.

<sup>82</sup> Цит. по: Тюлар Ж. Мюрат / пер. с фр. – М., 1993. С. 322.

<sup>83</sup> Цит. по: Lucas-Dubreton J. Murat. – Р., 1944. Р. 247.

Не увенчались успехом и другие дипломатические демарши короля Иоахима, нацеленные на укрепление его собственных позиций в международной политике. Правительства европейских государств не желали вступать в официальные переговоры с «полномочными представителями» этого монарха. Даже Пий VII решил прекратить едва начавшийся с ним политический диалог. И хотя, как отмечал впоследствии Ф. Генц, под давлением Австрии ее протеже в Неаполе был готов тогда пойти на достаточно серьезные территориальные уступки Святому Престолу, «папа, направляемый партией Бурбонов, заявил, что не может его признать как короля раньше, чем получит представление о намерениях других держав»<sup>84</sup>.

Вместе с тем от дипломатов и агентов секретных служб из различных частей Италии поступала информация, на основании которой в европейских столицах возникли подозрения о тайных контактах Мюраты с Наполеоном, сосланным на Эльбу. Настрожало то радушие, с которым неаполитанский король принимал в своих владениях офицеров наполеоновской армии, расспрашивая у них о здоровье, досуге, и, что особенно щекотало нервы, о состоянии и количестве находящихся при нем войск. Они не могли исключать попытки Наполеона вернуться во Францию и восстановить империю и должны были считаться с возможностью прямого участия в ней Мюраты. В случае успеха, как полагали его оппоненты, неаполитанскому королю могла быть уготована роль общепитальянского лидера, способного объединить под своей властью все государства Апеннинского полуострова. В сентябре 1814 г. уже упоминавшийся выше генерал-майор русской службы барон Тейль-фон-Сероскеркен, находившийся тогда по поручению Александра I в Неаполе, писал Нессельроде: «Я нисколько не сомневаюсь, что он (Мюрат – *H.B.*) поддерживает опасные сношения с многочисленными недовольными в Италии, чьи взгляды постоянно устремлены на него; что он подает им надежды, льстящие их честолюбию и тому своеобразному общественному мнению, которое он сам создал, в частности в Ломбардии; что при первом же удобном случае он постарается вызвать беспорядки и извлечь из них все возможные выводы; что узы родства, дружбы, признательности и преданности, связывающие с Наполеоном семью короля Иоахима, рано или поздно могут увлечь последнего на такой путь, о котором он сейчас, возможно, и не помышляет»<sup>85</sup>.

<sup>84</sup> Metternich, R.D. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich:Tome 2 / publiés par son fils le prince Richard de Metterrich, classés et réunis par M.A. de Klinkowstroem. P. 500.

<sup>85</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая. Т. VIII. – М., 1972. С. 100.

Правда, должностные лица союзной Мюрату Австрии считали подобные опасения сильно преувеличенными. Австрийские власти относились к зятю Наполеона как к своему сателлиту и помощнику в борьбе с французским влиянием на Апеннинском полуострове. Во многом поэтому Вена стремилась поддержать политическую репутацию неаполитанского короля, настаивая на его непричастности к каким-либо планам или заговорам, связанным с именем низложенного императора французов. Так, например, Ф. Генц утверждал, что Мюрат якобы желал перемещения своего «беспроконного соседа» (Наполеона – *H.B.*) с Эльбы, но «не потому, что он считает его опасным, а для того чтобы положить конец тем подозрениям и сплетням, для которых его близость к Неаполю всегда дает повод»<sup>86</sup>. Однако переломить скептическое отношение большинства европейских правительств к неаполитанскому королю австрийцы так и не смогли.

С началом работы Венского конгресса осенью 1814 г. положение Мюраты как государя еще больше осложнилось. Официального приглашения на этот международный форум он не получил. И к тому же полномочия его официальных представителей в Вене герцога Кампокьяро и князя Кариати – признали только австрийцы, тогда как делегаты других держав согласились общаться с ними исключительно как с частными лицами. Более того, многие венценосные особы, которые лично присутствовали на Венском конгрессе, открыто высказывались за лишение Мюраты королевских регалий, продолжая рассматривать его лишь в качестве ставленника «наполеонида». Даже король Баварии Максимилиан I, явившийся тестем другого «наполеонида» – принца Евгения Богарне, отзывался о зяте Наполеона крайне враждебно. «Разумеется, мы должны прогнать этого негодяя..., говорил он о Мюрате одному из сыновей Фердинанда IV принцу Леопольду, Его следует повесить. Кто заслуживает виселицы больше его? Мир еще не знал такого подлеца, как он»<sup>87</sup>.

Что же касается ключевых участников Венского конгресса, то наиболее благосклонное отношение к королю Мюрату в первые месяцы наблюдалось со стороны Австрии. По мнению ее тогдашнего министра иностранных дел князя К. фон Меттерниха, выдворение из Неаполя союзного австрийцам государя неизбежно повлекло бы за собой реставрацию Бурбонов и, следовательно, привело бы к усилению французского влияния в Южной Италии, что представляло серьезную угрозу для позиций державы Габсбургов на Апеннинском полуострове. В то же время этот государственный деятель и дипломат, разумеется, не мог не учитывать возможности присоединения Мюраты к «опасному» делу

<sup>86</sup> Цит. по: Garnier, Jean-Paul. Op. cit. P. 266.

<sup>87</sup> Цит. по: Cole H. The Betrayers. Joachim and Caroline Murat. A dual biography of Napoleon's sister and her husband. □ N.Y., 1972. P. 216.

итальянских патриотов, выступавших за объединение своей родины и изгнание с ее территории австрийских захватчиков. Именно поэтому в первые месяцы работы Венского конгресса Меттерних предпочел занять в неаполитанском вопросе выжидательную позицию, сознательно избегая какой-либо конкретизации своих взглядов в отношении политического будущего зятя Наполеона. Причем, по словам ганноверского представителя графа Э.-Ф. Мюнстера, этого же он хотел добиться и от остальных участников переговоров, советуя «державам, признавшим и не признавшим Мюрату, остерегаться публичных высказываний по этому поводу»<sup>88</sup>.

Вместе с тем, австрийцы не желали заниматься на Венском конгрессе судьбой королевского трона в Неаполе до урегулирования других, более важных, с их точки зрения, европейских проблем, прежде всего германской. По свидетельству главы французской делегации князя Ш.-М. Талейрана, он даже убеждал своих оппонентов в том, что «спокойствие Италии и, как следствие, всей остальной Европы настоятельно требовало, чтобы неаполитанский вопрос не был решен на Конгрессе, а был отложен на более позднее время»<sup>89</sup>.

Впрочем, Меттерних не исключал дипломатического торга по этому вопросу, явно рассчитывая на поддержку французами своей позиции в германских делах. В частности, он допускал, что «сила обстоятельств обязательно вернет династии Бурбонов на трон в Неаполе»<sup>90</sup>. Однако он не уточнил, когда и каким образом это могло произойти.

Представители же Франции на Венском конгрессе, ведомые искусным политиком и дипломатом Талейраном, подобно испанским делегатам во главе с маркизом П.-Г. Лабрадором, с самого начала заняли откровенно враждебную позицию в отношении зятя Наполеона, призывая остальные державы поддержать «законные» претензии своего протеже Фердинанда IV. Признав королевские титулы правителей Саксонии, Баварии и Вюртемберга, которые последние когда-то также получили при содействии «узурпатора», они тем не менее полагали абсолютно неприемлемым сохранение монаршего статуса за Мюратом. Причем, по свидетельству многих других участников Венского конгресса, вопрос об изгнании наполеоновского родственника из Неаполя был единственным в повестке дня этого форума, на немедленном решении которого французские дипломаты настаивали, отвергая любые предложения о переносе его рассмотрения на более позднее время.

<sup>88</sup> Из письма графа Мюнстера британскому принцу-регенту Георгу от 30 ноября 1814 г. // Webster C.K. The Foreign policy of Castlereagh. Vol. I. P. 559. Appendix D.

<sup>89</sup> Из письма Талейрана королю Людовику XVIII от 6 ноября 1814 г. // Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P. 101.

<sup>90</sup> Ibid.

Когда кто-либо из иностранных дипломатов пытался представить неаполитанскую проблему в качестве исключительно французского «дела», Талейран, являвшийся не менее ревностным поборником легитимистской идеологии, чем его государь Людовик XVIII, отвечал своим оппонентам: «Для меня это всего лишь дело принципа; я требую, чтобы тот, кто имеет право быть в Неаполе, находился бы в Неаполе, и ничего более. Все остальные должны желать этого не меньше меня»<sup>91</sup>.

Представители Франции не скрывали своего раздражения по поводу оказания австрийцами Мюрату не только политической, но и военной поддержки (выражавшейся, например, в продаже оружия для его армии)<sup>92</sup>. Они настаивали на том, чтобы те немедленно прервали с ним все контакты и в случае невозможности восстановления власти Фердинанда IV в его владениях на материке мирным путем – согласились бы на вооруженное вмешательство держав (в этой связи упоминались Франция и Великобритания). Более того, они намекали Меттерниху, что французские и испанские Бурбоны были готовы даже поступиться в пользу Габсбургов некоторыми своими интересами в других частях Италии в обмен на содействие австрийских властей в деле изгнания с престола последнего «наполеонида». Наряду с вероятным отказом родственников испанского короля от прав на корону Тосканы (бывшего королевства Эtruria), они также допускали возможность передачи Пармского герцогства в пожизненное владение супруге Наполеона экс-императрице Марии-Луизе, дочери австрийского императора. В случае благоприятного для французов решения неаполитанского вопроса делегаты Людовика XVIII на Венском конгрессе также обещали Меттерниху поддержать австрийские планы в отношении Саксонии и Польши.

Представители Франции аргументировали необходимость изгнания Мюрата из Неаполя еще и тем, что в противном случае пришлось бы предоставить Фердинанду IV территориальную компенсацию за безвозвратную утрату им своих владений на материке. По мнению Талейрана, предложить ему можно было только Ионические острова. Но они издавна находились на стыке политических интересов многих держав Старого Света, включая Великобританию, Россию и Францию. А поскольку в 1809 г. Ионические острова были оккупированы

<sup>91</sup> Из письма Талейрана королю Людовику XVIII от 9 октября 1814 г. // Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P. 33.

<sup>92</sup> В письме Талейрана королю Людовику XVIII от 30 ноября 1814 г. упоминалось о том, что с территории Венеции, оккупированной в тот период австрийцами, Мюрату было продано 25 тысяч ружей. // См.: Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P. 155.

англичанами<sup>93</sup>, их возможная передача под власть государя из династии Бурбонов грозила привести к серьезным трениям между Лондоном и Парижем, а также вызвать недовольство некоторых других крупных акторов европейских политики, не желавших подобного развития событий.

Со своей стороны, делегаты Великобритании на Венском конгрессе занимали выжидательную позицию. Они стремились во чтобы то ни стало обеспечить преобладание британского влияния на Сицилии. Вместе с тем их настораживала та решительность, с которой французы отстаивали идею низложения Мюрата, даже ценой войны. Поэтому англичане, подобно австрийцам, не желали спешить с решением неаполитанского вопроса, предпочитая использовать фигуру короля Мюрата в качестве инструмента давления на Бурбонов и их сторонников. По словам одного из ближайших соратников Меттерниха на конгрессе Ф. Генца, каждый раз, когда в Вене заходила речь об этом вопросе, «lord Каслри... казался человеком, шагающим по раскаленным углям, он не хотел высказываться ни за, ни против, опасаясь себя скомпрометировать и в том, и в другом случае»<sup>94</sup>.

По признанию самого руководителя британской делегации, англичане с беспокойством восприняли завуалированные угрозы герцога Кампокьяро о том, что неаполитанский король мог бы прибегнуть к «ужасным средствам», если из-за недружественной политики великих держав ему пришлось бы обратиться к «итальянскому духу»<sup>95</sup>. В конце концов они сообщили Талейрану о согласии правительства Великобритании на возвращение Фердинанду IV его неаполитанских владений. Но дали понять, что решение этого вопроса практически будет возможно только после урегулирования Венским конгрессом проблем, связанных с политико-территориальным устройством Германии.

Не последнюю роль в переговорах о судьбе Мюрата и его трона, разумеется, играли и представители двух других союзных держав – России и Пруссии. Поскольку итальянские «дела» не являлись для них приоритетными на Венском конгрессе<sup>96</sup> (их интересы были связаны, в

<sup>93</sup> Входивший в состав этого архипелага о. Корфу был передан англичанам в 1814 г., в соответствии с положениями первого Парижского мира.

<sup>94</sup> Metternich, R.D. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich; Tome 2 / publiés par son fils le prince Richard de Metternich, classés et réunis par M.A. de Klinkowstroem. P. 500-501.

<sup>95</sup> Castlereagh R.S. Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh. Vol. X. – L., 1853. P. 145.

<sup>96</sup> В частности, в докладных записках графа К.В. Нессельроде и барона К. фон Штейна все вопросы, обсуждавшиеся на Венском конгрессе, подразделялись на две группы. К первой из них относились «дела, связанные с непосредственными интересами России», а ко второй – «те, которые связаны с ними лишь косвенно». В соответствии с этим подходом итальянская проблематика относилась ко второй группе. См. подробнее, например, записку «Статьи, по которым русские уполномоченные должны получить

первую очередь, с Германией и Великим герцогством Варшавским), они стремились использовать Мюрута в качестве «разменной монеты» при реализации своих собственных интересов. Как вспоминал Талейран, один из русских уполномоченных на Венском конгрессе прямо заявил ему о том, что позиция царского правительства в неаполитанском вопросе могла стать предметом торга в ходе переговоров России с остальными державами. «В политических делах все является сделкой, — говорил он, — вы заинтересованы главным образом в Неаполе; уступите в отношении Саксонии, и Россия поддержит Вас касательно Неаполя»<sup>97</sup>.

Стоит же отметить, что российские делегаты на Венском конгрессе не испытывали большой симпатии к королю Фердинанду IV, стороннику реакции. Они полагали, что человек с таким взглядами является не самой подходящей альтернативой Мюроту. Кроме того, они сдержанно относились к идеи повсеместной реставрации Бурбонов, обеспечивавшей французам усиление их влияния в Южной Европе. Поэтому представители России допускали возможность правления в Неаполе на определенных условиях государей из других династий, включая Мюрута. Такой позиции придерживался прежде всего сам император Александр I. По свидетельству Талейрана, царь, беседуя с ним, «крайне презрительно» отзывался о зяте Наполеона, называя его «негодяем, который нас всех предал», обещая правительству Людовика XVIII помочь в деле восстановления легитимного монарха в Неаполе. Однако в разговорах с людьми из своего ближайшего окружения Александр I не был столь категоричен, делая порой заявления, которые фактически противоречили сути данных им Парижу обещаний. В частности, он высказывался в пользу существования в Италии «сильного государства, не находившегося бы ни под французским, ни под австрийским влиянием». Таковым, по мнению русского императора, могло стать Неаполитанское королевство. Именно поэтому он предпочитал, «чтобы Неаполь не принадлежал династии Бурбонов», одновременно обещая «поддержать Мюрута»<sup>98</sup>.

Колебания Александра I в неаполитанском вопросе передались и другим членам русской делегации на Венском конгрессе. Царские дипломаты и сановники остерегались высказываться в отношении

---

инструкции» от 9 февраля 1815 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Том VIII. С.185-190.

<sup>97</sup> Талейран Ш.-М. Мемуары. – М., 1959. С. 310-311.

<sup>98</sup> Эти слова российского монарха были процитированы в письме Талейрана королю Людовику XVIII от 15 февраля 1815 г. // Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P. 287.

<sup>99</sup> Эти слова Александра I были процитированы в послании Талейрана от 27 февраля 1815 г., адресованном в Департамент иностранных дел Франции // Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P. 288.

политических перспектив Мюраты, не имея ясного представления о взглядах своего государя. В самом начале 1815 г. Нессельроде просил императора сформулировать для них более четкие указания по поводу российской линии поведения в неаполитанских «делах». В одной из записок, адресованных Александру I, он отмечал: «Позиция которую займет в этом вопросе е.и. в-во, не может не иметь решающего значения. Поэтому необходимо, чтобы его представители получили весьма точные инструкции на сей счет»<sup>100</sup>. Вместе с тем Нессельроде признавал, что личность сицилийского короля внушает императорскому двору большие сомнения: «Постоянные тесные отношения России с прежним неаполитанским двором (т.е. двором короля Обеих Сицилий Фердинандом IV. – *H.B.*), официальные обязательства, взятые ею почти в момент его изгнания, налагаются на нас моральный долг оказать ему поддержку в этих условиях, хотя все политические соображения говорят против энергичных выступлений в защиту дела легитимизма»<sup>101</sup>.

Поиски решения неаполитанского вопроса, способного удовлетворить все заинтересованные стороны, не представлялись легкими, рискуя затянуться на долгие месяцы. Подобная проволочка с определением политического будущего Неаполя, безусловно, играла на руку Мюрату, который в разгар переговоров на Венском конгрессе решительно заявил о намерении защищать занимаемый им трон «до самой смерти». Желая припугнуть своих недругов, он демонстративно начал осуществлять военные приготовления. Одновременно его представители попытались убедить правительства Австрии и Франции в том, что жаждущая объединения Италия якобы стояла на пороге полномасштабной революции. Они утверждали, что справиться с этой угрозой великие державы могли бы только при поддержке действующего неаполитанского государя, сохранявшего верность союзу с Австрией и личную «прданность» королю Франции<sup>102</sup>.

Но в марте 1815 г. побег Наполеона с Эльбы и его триумфальное возвращение в Париж поставили крест на этих усилиях. Король Иоахим, воодушевленный решительными действиями шурина, пренебреж мнением министров и супруги Каролины, призывающих к сдержанности, и бросил вызов державам. Он объявил себя «освободителем» Италии от чужеземного владычества и призвал итальянцев объединиться под своими знаменами. Мюрат объявил войну своей недавней заступнице Австрии, его

---

<sup>100</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия первая. Том VIII. С. 183.

<sup>101</sup> Там же.

<sup>102</sup> Об этом в частности, шла речь в письме маркиза де Жокура от 27 ноября 1814 г., адресованном Талейрану // Correspondance inédite d'uprince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P. 297.

войска заняли Рим, а также ряд других крупных городов в центральной части Апеннинского полуострова.

Эти действия в конечном итоге стоили Мюрату не только королевской короны, но и жизни. По меткому выражению Талейрана, «падение нового государя Неаполя было предопределено, и в этом уже не могло быть сомнения, когда он сам ускорил его своим выступлением»<sup>103</sup>. Европейские державы, невзирая на прежние разногласия, быстро решили заботившую их в течение многих месяцев неаполитанскую дилемму в пользу легитимного короля Фердинанда IV Бурбона. Последний «наполеонид» Иоахим Мюрат был расстрелян по приказу новых властей Неаполя в октябре 1815 г. Его имя подверглось глумлению в монархических кругах Европы. Его тело, по сведениям одного из биографов, было расчленено и «смешано с останками тысячи человек в подземельях церкви Святого Георгия Мученика в Пиццо, чтобы невозможно было их опознать»<sup>104</sup>.

---

<sup>103</sup> Талейран Ш.-М. Указ. соч. С. 326.

<sup>104</sup> Тюлар Ж. Указ. соч. С. 344.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС  
В ГОДЫ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ  
ОТНОШЕНИЙ

EASTERN QUESTION DURING THE YEARS  
OF VIENNA SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

**Ключевые слова:** Венская система, Восточный вопрос, Черноморские проливы, история внешней политики России, история международных отношений

**Keywords:** Vienna system, Easter question, Black see straits, history of Russian foreign policy, history of international relations

**Аннотация:** На протяжении всего периода ближневосточный регион, включая Константинополь и Черноморские проливы, представлял собой сферу непосредственных интересов «морских» держав – Англии и Франции, с одной стороны, и России, заинтересованной в решении своих оборонительных, политических и экономически проблем, с другой. Противоречия между Россией и другими великими державами в Восточном вопросе напрямую отражались на общеевропейских международных отношениях и зачастую вели к открытым столкновениям в Европе. И напротив, заключение соглашений по ближневосточному региону предопределяло создание новых союзов и коалиций, призванных поддерживать достигнутое державами «европейское равновесие». Таким образом, отношения европейских держав с Турцией во многом определяли ход европейской истории. Отдельные аспекты Восточного вопроса решались европейскими соглашениями – это были Лондонский и Петербургский протоколы в годы Восточного кризиса 20-х гг., Мюнхенгрецкая конвенция 1833 г., Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. Двусторонние русско-турецкие соглашения, каковыми являлись Адрианопольский и Ункар-Искелессийский договоры, вызывали резко негативную реакцию европейских держав, усилия которых были направлены на их скорейшую отмену.

**Abstract:** During the period covered in the article, the Near East, including Constantinople and the Black See straits, was the region where immediate interests of the maritime powers like Great Britain and France as well as of Russia, struggling to resolve her problems in the fields of defense, foreign policy and economy, opposed significantly. The contradictions between Russia and the other Great Powers concerning the Eastern Question had direct impact on their relations outside the region and led often to conflicts between them in Europe. On the contrary, by reaching agreement on the disputed issues of the Near East

*policy they laid down conditions for organizing new alliances and coalitions in order to maintain the “European equilibrium”. Therefor the relations between the European Great Powers and Turkey influenced to an important extant the history of the whole of Europe. A number of contradictions concerning the Eastern Question were resolved by agreements between European Powers only. One can mention the London and Saint-Petersburg Protocols during the Eastern Crisis of the 1820-s, the Münchengrätz Convention of 1833, the London Conventions of 1840 and 1841. But the Western Powers were usually very critical about the bilateral agreements between Russia and Turkey, like Adrianople and Unkiar Skelessi treaties, and took effort to have them denounced.*

На протяжении всего периода, который мы называем годами Венской системы международных отношений, весь ближневосточный регион, включая Константинополь и Проливы, являлся сферой непосредственных геополитических интересов ведущих европейских держав, включая и Российской империю. Вплоть до начала Крымской войны, внимание европейских правительств неизменно было обращено к событиям на Балканах, Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Европейская политика зачастую являлась заложницей тех процессов, которые происходили во владениях Османской империи. Таким образом, на берегах Босфора дипломатические представители великих держав порой вершили европейскую, а по тем временам – мировую политику.

Противоречия между Россией и великими державами в Восточном вопросе напрямую отражались на общеевропейских международных отношениях и зачастую вели к открытым столкновениям в Европе. И напротив, заключение соглашений по ближневосточному региону предопределяло создание новых союзов и коалиций, призванных поддерживать достигнутое державами «европейское равновесие», определяющим центром которого являлась Османская империя. Таким образом, отношения европейских держав с Турцией, которой принадлежали обширные территории Леванта и Черноморские проливы, во многом определяли ход европейской истории.

Именно во владениях турецкого султана сталкивались интересы ведущих европейских государств как в политическом, так и в экономическом отношении. Практически все европейские провинции Османской империи были «поделены» великими державами на сферы влияния, в которых они стремились установить свое доминирующее положение. В первую очередь, следует отметить непреходящий интерес Великобритании к проблемам Балкан и Средиземноморья. Она сумела укрепиться на Мальте и Ионических островах, ее посланники в Константинополе оказывали значительное влияние, а порой и открытое давление на турецкое правительство. Англия стремилась сохранить в

Турции *status quo*, т.е. такой расклад политических сил вокруг Османской империи, который позволил бы предотвратить какие-либо нежелательные для Великобритании изменения как внутри самой империи, так и в отношениях великих держав по Восточному вопросу в целом. Австрию, в свою очередь, интересовали граничащие с ней территории Черногории, Сербии и Боснии. Она вслед за Великобританией готова была поддерживать принцип сохранения Османской империи, означавший для нее, прежде всего, сохранение подвластного Порте положения славянских народов и недопущение расширения влияния России во владениях султана. Кроме того, Австрия, так же как и Англия, успешно завоевывала торговые рынки на Балканах – в регионе ее традиционных экономических интересов. Что касается Франции, то она хотя и не отказывалась от своих политических притязаний в Средиземноморье, не сразу смогла включиться в равноправную борьбу великих держав после поражения в наполеоновских войнах. Ее участие в решении Восточного вопроса стало более заметным лишь к концу 30-х гг. Традиционной сферой ее влияния оставался Египет. Наиболее заинтересованной стороной в решении Восточного вопроса являлась Россия. Ее политико-стратегическое преобладание в православных провинциях Турции и Проливах должно было, по мнению российских правящих кругов, напрямую способствовать успеху ее общеевропейской политики, остававшейся, без сомнения, приоритетной для российского правительства на протяжении исследуемого периода.

Заинтересованность России в решении проблем, связанных с Ближневосточным регионом, обусловливалась рядом задач, стоявших перед Российской государством, а именно: политico-стратегического присутствия в Черноморском и Средиземноморском бассейнах и обороны южных рубежей государства; заинтересованности в торгово-экономическом развитии Новороссийского края и свободной торговле через Черноморское проливы, а также конфессиональной поддержки православных подданных султана, подчиненных Константинопольскому, Иерусалимскому, Антиохийскому и Александрийскому патриархатам и населявших территории Османской империи. Будучи ближайшей соседкой Турции, Россия, имевшая с ней протяженную как сухопутную, так и морскую границу, стремилась решить все возникавшие русско-турецкие проблемы без участия «третьих» сторон, каковыми выступали европейские державы, ревниво отслеживавшие внешнеполитические успехи России в Ближневосточном регионе.

Восточный вопрос, проигнорированный на Венском конгрессе, сразу же после его завершения вышел на первый план русско-европейских разногласий. Вскоре после принятия Венских соглашений относительно нового европейского мироустройства со всей очевидностью заявили о себе

международные проблемы, не нашедшие своего решения в ходе конгресса. Греческое восстание 1821 г., русско-турецкая война 1828-1829 гг., заключение Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., турецко-египетский кризис конца 30-х гг., Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. и, наконец, Крымская война 1853-1856 гг. – все это вехи нерешенного Восточного вопроса, который вышел на первый план после Венского урегулирования и острота которого уже зримо просматривалась в период Венских заседаний.

В решении всех названных кризисных ситуаций Россия принимала самое непосредственное и активное участие. Восточный кризис 20-х гг. XIX в., связанный с началом Греческого восстания, вовлек в его разрешение все заинтересованные великие державы. Основной целью европейской политики стало сохранение *status quo* в Турции, которое должно было обеспечить стабильность власти османов на территории обширной империи. Самой заинтересованной стороной в сохранении неизменного положения Турции была Великобритания. Англия сумела сохранить с Портой дружественные отношения и выступала за скорейшее подавление греческого движения. Правда, уже с 1823 г. в правящих кругах Великобритании наметилась тенденция к поддержке греческого освободительного движения – долгие колебания Петербурга использовались для того, чтобы представить русскую политику в невыгодном свете и выступить единственной посредницей в урегулировании турецко-греческих отношений. Английский министр иностранных дел Дж. Каннинг заявил: «Россия покинула свое передовое место, Англия должна воспользоваться этим и занять его»<sup>1</sup>.

Во время Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. Россия поддержала восставших греков и стремилась решить турецко-греческий конфликт в пользу восставших. Эта роль не соответствовала тем обязательствам, которые были взяты российским правительством в ходе создания Священного союза, и которые оно пыталось выполнять на всем протяжении греко-турецкого конфликта вопреки собственным политическим интересам на Балканах. Несмотря на то, что российское руководство вынуждено было делать заявления в духе общих антиреволюционных настроений своих союзников, оно не могло полностью отказаться от признанной роли России в качестве державы-покровительницы православного населения Османской империи. Официальные документы российского МИД содержали настойчивые протесты против жестокого обращения турок с греческим населением. После направления Порте целого ряда дипломатических нот, Россия разорвала отношения с Турцией. Представителям в Вене, Берлине, Париже и Лондоне предлагалось запросить соответствующие кабинеты об их

---

<sup>1</sup> Цит. по: Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. СПб. 1887. С. 154.

отношении к возможной посылке русских войск в европейские провинции Османской империи.

В 1825 г. российский император Александр I заявил, что впредь Россия считает бесполезным вступать в новые объяснения со своими союзниками о турецких делах» и «будет исключительно следовать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами». Английский кабинет вынужден был напомнить, что союзнические узы налагаются обязательства на российское правительство, и удерживал российского императора от самостоятельных шагов: «Потребовалось четыре года тяжелой борьбы, - писала в декабре 1825 г. лондонская «Таймс», – чтобы помешать Александру I пройти маршем от Дуная и уничтожить турецкий деспотизм»<sup>2</sup>. Смерть российского монарха помешала реализации этих намерений, но они остались неизменными и при новом императоре.

Подписав в 1826 г. Петербургский протокол, условия которого предполагали возможность единоличного вмешательства России в греческие дела, российское правительство планировало воспользоваться этим уже в ближайшее время. 24 июня (6 июля) 1827 г. между Россией, Англией и Францией была подписана Лондонская конвенция о совместных действиях по «умиротворению» в Греции. По настоянию российских представителей конвенция предусматривала принятие державами «крайних мер» для прекращения военных действий Турции, включая блокаду объединенной эскадрой Морейского побережья. В случае несговорчивости Порты державы должны были отзывать своих дипломатов из Константинополя и направить консулов в Грецию<sup>3</sup>. Однако Порта в очередной раз отказалась от посредничества держав. «Посмотрим, как далеко пойдут меры наших врагов, – говорил турецкий реис-эфенди. – Греция, свобода, прекращение кровопролития – все это одни предлоги. Нас хотят выгнать из Европы»<sup>4</sup>. Несговорчивость Порты привела к тому, что объединенная союзная эскадра блокировала турецко-египетский флот и 8(20) октября 1827 г. одержала победу над ним при Наварине. Сообщалось о гибели более 60 турецких кораблей<sup>5</sup>.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. была следующим этапом разрешения межгосударственных противоречий и должна была, по требованию российской стороны, привести Порту к исполнению ее обязательств, взятых в результате подписания в 1826 г. Аккерманской

<sup>2</sup> Цит. по: Гуткина И.Г. Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость (1823-1826 гг.) // УЗ ЛГПИ. Л. 1966. Т. 288. С. 168.

<sup>3</sup> История Европы. Т. 5. М. 2000. С. 147.

<sup>4</sup> Цит. по: Соловьев С.М. Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 годах // Древняя и новая Россия. 1876. № 1. С. 105.

<sup>5</sup> Санкт-Петербургские ведомости. № 101. 1827. 20 декабря.

конвенции<sup>6</sup>. Адрианопольский мирный договор 1829 г., несмотря на умеренность российских требований к Порте, вызвал недовольство европейских держав, главы которых находили, что в результате войны международное равновесие было серьезно нарушено в пользу России. В Англии заявили, что «Османская империя более не существует», обозначив этими словами не реально сложившееся положение, а свои давнишние опасения. Английская сторона выступала против присоединения к России кавказского побережья и предоставления Греции прав автономии, усматривала вобретении Грецией и Сербией автономного статуса реальное «расчленение европейской Турции» под русской эгидой<sup>7</sup>. О том, насколько далеки были опасения европейских держав от истинных намерений России, свидетельствует заседание Особого комитета по Восточному вопросу, состоявшееся 4 сентября 1829 г., формально уже после заключения мирного договора. Члены комитета – граф В.П. Кочубей, граф А.И. Чернышев, князь А.Н. Голицын, граф П.А. Толстой, К.В. Нессельроде и Д.В. Дацков – рассматривали перспективы русско-турецких отношений еще в свете продолжавшихся военных действий.

Центральным вопросом стало обсуждение «записки» Д.В. Дацкова, составленной еще в 1828 г. – уже тогда автор принимал участие в выработке условий будущего мира. Оппонируя принимавшим участие в обсуждении вопроса И. Каподистрии и К.О. Поццо ди Борго, Дацков выступал против объявления Константинополя вольным городом, что, по его мнению, могло бы усилить влияние Англии в Леванте и со временем предоставить ей «удобный случай овладеть онymi местами, столь важными для благосостояния всей полуденной России». Но занятие Босфора и Дарданелл также не должно было входить в планы России, равно как и овладение другими новыми территориями и уничтожение самой Османской империи. Россия нуждалась в укреплении своего влияния в регионе, чего она могла бы достигнуть, продлив существование Турции на условиях предоставления России «двух каменистых уголков» на берегах Босфора<sup>8</sup>. Этот пассаж о «двух каменистых уголках» является квинтэссенцией многовековой дискуссии о роли Черноморских проливов для русской политики и экономики. Константинополь не может принадлежать никакой иностранной державе, кроме самой Турции, а для этого России нужно, чтобы Османская империя продолжила свое существование.

<sup>6</sup> Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб. 1869. С. 61-62.

<sup>7</sup> Valsecchi F. Questione d'Oriente dalle origini alla pace di Parigi (1718-1856). Milano. 1955-1956. Р. 89.

<sup>8</sup> Кудрявцева Е.П., Пономарев В.Н. Дипломатия и МИД России во второй четверти XIX в. // Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. М. 2002. С. 298.

Таковы основные положения «записки» Дашкова, рассмотренные и одобренные на заседаниях Особого комитета. Этот документ, содерявший подробный анализ ситуации в европейской Турции, лег в основу решений Особого комитета и послужил своеобразным теоретическим обоснованием русской политики на Востоке на многие годы вперед.

В начале 30-х гг. Восточный вопрос вышел на новый виток своего развития в связи с политическим кризисом, возникшим во владениях турецкого султана. Его противостояние с египетским правителем Мухаммедом Али затрагивало интересы основных европейских держав, но лишь российское руководство решилось оказать Турции практическую военную помощь: Великобритания в помощи отказалась, а Франция негласно поддерживала египетского пашу, имея в Египте свои собственные политические и экономические интересы. Расчет французского правительства был понятен – ведь в случае отложения Египта от центральной султанской власти Франция имела бы в новом независимом государстве, занимавшем наиболее выигрышное географическое положение на пути к странам Южной и Юго-Восточной Азии, преобладающее влияние. Российское правительство поспешило воспользоваться возможностью занять в Турции то место, от которого отказались Англия и Франция. Роль единственной союзницы Османской империи в таком важном регионе, каким являлись Проливы, давно было заветным желанием российского руководства. Наконец-то намерение создать для себя режим наибольшего благоприятствования в регионе, за которым с особым внимание следили все ведущие европейские державы, было близко к осуществлению.

Выступление мятежного паша было приравнено в России к революционному движению, подъем которого наблюдался в Европе начала 30-х гг.; борьба с ним укладывалась в общее русло контрреволюционных действий, поддержанных российским правительством. Опасаясь нежелательного ослабления Османской империи, российский император принял решение выслать к берегам Константинополя морскую эскадру с десантом на борту, а также предложить свои посреднические услуги в переговорах Махмуда II с Мухаммедом Али. При этом российское правительство уделяло достаточное внимание тому впечатлению, которое должен был произвести этот шаг «доброй воли» на западноевропейские правительства. Благожелательную позицию заняла только Австрия. Венский кабинет рассматривал миссию России как «эффективное средство поддержать на Востоке мир и существующее территориальное положение»<sup>9</sup>. Меттерних предлагал правительствам Англии и Франции «не

<sup>9</sup> Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 211. Л. 119 об. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде. 7(19) января 1833 г.

бросать тени» на действия российского флота в Проливах. В особенности австрийский канцлер порицал претензии Франции, пытавшейся отделить Восточный вопрос от других европейских дел под предлогом того, что она является «неизменной покровительницей» Османской империи<sup>10</sup>. Взяв на себя роль союзника, австрийский канцлер подробно информировал российского посла в Вене Д.П. Татищева о готовящемся выступлении Англии и Франции с целью «противодействовать вмешательству России в восточные дела», что предполагалось осуществить путем «немедленной отправки объединенной эскадры в воды Леванта»<sup>11</sup>.

Вскоре французский флот действительно прибыл в Смирну, а из Англии были направлены для соединения с ним восемь линейных кораблей. Объединенная эскадра должна была направиться к Дарданеллам и противостоять русскому флоту. Заслугу в том, что противостояние флотов удалось предотвратить и даже наметилось сближение с Англией, Татищев приписывает дипломатическим усилиям Меттерниха<sup>12</sup>. Поддержка Вены простиралась до того, что австрийский канцлер полностью одобрил действия русской эскадры, намеревавшейся защищать Константинополь<sup>13</sup>. Австрийский интернунций в турецкой столице Б. Штюрмер выразил реис-эфенди полную поддержку России, ее «благородной и незаинтересованной политике, которая... заслуживает высокого доверия»<sup>14</sup>.

Высшей точкой русского влияния в Турции явился Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., заключенный по итогам морского визита российского флота к берегам Босфора. Его условия представлялись Петербургу настолько выгодными, что российский вице-канцлер К.В. Нессельроде позволил себе объявить Восточный вопрос закрытым. Россия и Османская империя заключили оборонительный союз, подразумевавший в случае войны с третьими державами со стороны России оказание военной помощи, а со стороны Турции – закрытие Дарданелл для вражеского флота<sup>15</sup>.

Реакция европейских держав на заключение договора была бурной. Англичане назвали его «бесстыжим», а французский министр иностранных дел заявил о том, что Россия превратила Черное море в русское озеро, обладая при этом возможностью перебросить в Средиземное море свои

<sup>10</sup> АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 211. Л. 119 об. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде. 7(19) января 1833 г.

<sup>11</sup> Там же. Л. 1175. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде. 16 января (7 февраля) 1833 г.

<sup>12</sup> Там же. Л. 204. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде 1(13) февраля 1833 г.

<sup>13</sup> Там же. Л. 2290230. Д.П. Татищев К.В. Нессельроде 3(15) февраля 1833 г.

<sup>14</sup> Там же. Д. 13. Л. 157.

10. Юзефович Т. Указ. соч. С. 92.

войска и суда<sup>16</sup>. «Большой испуг» 1833 г. заставил Великобританию бросить все ресурсы на вытеснение России из Юго-Восточной Европы<sup>17</sup>. Английское правительство восприняло договор как поражение британской политики в Турции и даже пыталось объявить его «несуществующим»<sup>18</sup>. Однако Россия не намерена была уступать в столь важном для себя вопросе и в своем официальном ответе предложила считать «несуществующим» демарш лондонского кабинета. Годы, последовавшие за подписанием договора, русская дипломатия посвятила отстаиванию оговоренных в нем прав перед западными правительствами, недовольными тем, что Россия сделала важный шаг на пути к превращению в «морскую державу», а русский военный флот вернулся в Проливы. Но эти достижения вскоре были уничтожены слаженными действиями европейских кабинетов, заинтересованных в том, чтобы как можно быстрее восстановить *status quo* в регионе.

Восточный кризис конца 30-х гг., возникший в связи с очередным конфликтом султана с египетским пашой, не мог обойтись без вмешательства европейских держав, непосредственно заинтересованных в росте своего политического и экономического влияния в регионе. Одновременно их объединяло стремление устранить Россию от участия в разрешении кризиса, хотя по формально действовавшему русско-турецкому договору 1833 г. ей принадлежало право оказать поддержку своей союзнице. Если Россия придет на помощь Османской империи и займет Константинополь, то уже не уйдет оттуда – подобные опасения высказывались правительствами Англии и Франции. К тому же Англия опасалась сближения между Россией и Францией, считая их союз «величайшей опасностью для Европы». Действительно, цели этих держав выглядели близкими – и та, и другая имели в турецких владениях точки опоры своего влияния и, формально выступая за сохранения целостности Османской империи, могли содействовать образованию на ее руинах новых государств, полностью обязанных своей независимостью покровительствующим державам – России и Франции. Уже на этом этапе восточного кризиса основной задачей сент-джеймского кабинета было не позволить России выполнить свои обязательства по Унцияр-Искелессийскому договору, устранив ее от участия в разрешении конфликта, дезавуировать действующий договор, заменив его общим, «коллективным» актом, гарантировавшим *status quo* в Османской империи. Заинтересованность всех европейских держав в решении

<sup>16</sup> Гагарин С. Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4. С. 106.

<sup>17</sup> Виноградов В.Н. Восточный вопрос и англо-руssкие отношения в 30-е годы XIX века // Советское славяноведение. 1982. № 3. С. 12.

<sup>18</sup> АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д.14. Л. 39 об. Copie d'une note adressée de la part de la Porte aux ambassadeurs de la France et d'Angleterre, le 20 septembre 1833.

ближневосточного конфликта объяснил в своих беседах с Мухаммедом Али российский консул в Александррии А.М. Медем. Он отмечал: «...существование Османской империи является жизненным делом для всей Европы, и, дабы избежать опасности всеобщего конфликта, который последовал бы за потрясением на Востоке, великие дворы не побоятся никаких жертв и не остановятся даже перед необходимостью вооруженного вмешательства»<sup>19</sup>. Стремление к совместному решению проблем, возникающих на обширных территориях Османской империи и грозящих пошатнуть позиции держав в регионах их политического преобладания, подтолкнуло их к мысли о необходимости предоставить коллективную гарантию существования Османской империи на основе совместного европейского соглашения.

Поначалу российские власти не хотели и слушать о совместном выступлении держав по вопросу, обсуждение которого, по мнению российских властей, относилось к исключительной компетенции России и Турции. Предложение о созыве конференции в Вене, исходившее от Меттерниха, русской стороной принято не было. Таким образом, Петербург был заинтересован в скорейшем урегулировании турецко-египетского конфликта без вмешательства европейских держав. Однако, вскоре при российском дворе возобладали силы, трезво оценившие ситуацию. Нессельроде докладывал российскому императору 31 мая 1839 г.: «... кажется очевидным, что мы не сможем прийти на помощь султану, заранее не приготовившись к столкновению с Англией на театре событий, центром и целью коих станет Константинополь»<sup>20</sup>. Действительно, английские представители в Турции проявили большую активность, чтобы перехватить инициативу у России, пренебрегая при этом интересами Порты и грубо вмешавшись во внутренние дела Османской империи. В сложившихся обстоятельствах в российском МИД возобладали настроения, согласно которым договор 1833 г. признавался невыгодным, поскольку вызывал сильное противодействие европейских держав. Нессельроде считал более предпочтительным заключение коллективной гарантии целостности Османской империи.

Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг., предполагавшие принятие коллективных мер в целях урегулирования кризиса и дальнейшего контроля над ситуацией в регионе, были весьма неоднозначно оценены уже современниками. Сама ситуация была неожиданной, поскольку подразумевала добровольный отказ России от преимуществ в Османской империи. Прибыв в Лондон со специальным поручением, барон Ф.И. Бруннов предложил свой вариант европейского соглашения по турецко-египетскому урегулированию. В соответствии с предложениями,

<sup>19</sup> Sehiemann Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. III. Berlin. 1913. P. 509.

<sup>20</sup> АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. Д. 229. Л. 100.

выработанными в российском МИД, «морские державы» должны были отказатьаться от общего ручательства за целостность Османской империи, поскольку этот вопрос по-прежнему должен оставаться в компетенции двух причерноморских империй. Державы должны были признать закрытие Проливов как в мирное, так и в военное время, что в целом отвечало интересам России. Российское правительство также требовало не вводить англо-французский флот в Мраморное море одновременно с появлением русского флота в Босфоре, где Россия выполняла бы миссию от имени всех европейских держав – лишь на такие «коллективные» действия давал свое согласие петербургский кабинет. На таких условиях Россия была готова отказаться от русско-турецкого договора 1833 г. в обмен на совместное выступление держав перед Портой. Западные дипломаты были изумлены подобным предложением, поскольку, по мнению министра иностранных дел Франции Ф. Гизо, российские представители «собственными руками обратили их (условия договора. – Е.К.) в общее дело Европы»<sup>21</sup>.

В ходе обсуждения совместных мер российская делегация не смогла защитить позиции своей страны в Ближневосточном регионе. Инструкции МИД остались невыполненными – Бруннов во всем соглашался с предложениями английского кабинета, успокаивая российского императора тем, что Франция не примет участия в соглашении. Эту победу дипломат приписывал себе, хотя изоляция Франции была заслугой англичан, преследовавших свои интересы.

Вопреки указаниям императора, конвенция была принята на таких условиях, которые, устанавливая новые принципы решения Ближневосточной проблемы, оказались совершенно не выгодны России. Вместо двустороннего русско-турецкого соглашения в международное право вводилось понятие коллективной гарантии держав по сохранению Турции. Проливы закрывались для флотов всех стран только в мирное время, что не отвечало интересам России, проявлявшей большую заинтересованность в свободном выходе из Черного моря. Кроме того, закрытие Проливов в мирное время не гарантировало России безопасность ее южных границ во время войны. По существу, благодаря уступкам Бруннова англичане добились, что, согласно конвенциям 1840 и 1841 гг., закрытие Проливов превращалось в ловушку для русского флота<sup>22</sup>. В ближайшей исторической перспективе это привело к ослаблению русского влияния в Турции.

Заметим, что вопрос о значении Лондонских конвенций до сих пор является предметом дискуссий среди исследователей. В современной отечественной и западной историографии высказывается точка зрения о выгодности для России принципа закрытия Проливов. Оправдывать это

<sup>21</sup> Цит. по: Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. М. 1996. Т. 1. С. 448.

<sup>22</sup> Дранов Б.А. Черноморские проливы. М., 1948. С. 102.

мнение можно, лишь изучив последствия достигнутых договоренностей для российской политики, а также их влияние на всю ситуацию в ближневосточном регионе. Конкретный анализ, на наш взгляд, и является высшим критерием обоснованности исторической оценки.

Непосредственная и глубокая заинтересованность России в решении Восточного вопроса объяснялась, прежде всего, желанием обеспечить свободное мореплавание своему торговому флоту через Босфор и Дарданеллы. Владение Проливами давало Османской империи возможность манипулировать симпатиями великих держав, зависевших от установленного ею режима прохода иностранных судов. Совершенно очевидно, что в силу своего географического положения Россия в наибольшей степени зависела от режима Проливов и была заинтересована в создании благоприятных условиях для своего торгового судоходства. Возможность свободного выхода в Средиземное море представлялась важной не только для развития русской торговли, но и для обеспечения обороны побережья Новороссии. Геополитические и геостратегические интересы России в данном случае были крепко связаны друг с другом и постоянно находились в поле зрения российского руководства. К тому же политическое присутствие в Средиземноморье поднимало престиж России и предоставляло ей возможность стать участницей важнейших событий, связанных с действиями «морских» держав – Англии и Франции. Напомним, что в конце XVIII в. Россия благодаря своему политическому присутствию на Адриатическом побережье и Ионических островах была их равноправным партнером в решении ряда международных проблем. Наиболее успешно свои внешнеполитические планы российское государство сумело реализовать в ходе двусторонних соглашений с Портой в 1799, 1805 и 1833 гг., по которым Россия приобретала право провода через Проливы своих военных судов<sup>23</sup>.

Все эти обстоятельства предопределили ту важную роль, которую играл Восточный вопрос в первой половине XIX в. Согласимся с утверждением известного исследователя балканской истории И.С. Достян о том, что он становится в это время «одним из главных в европейской политике». Это направление возникло и получило свое развитие благодаря тем политико-стратегическим задачам, которые стояли тогда перед Российским государством. Россия, связанная с Балканским регионом Османской империи через прилегающие к ней Бессарабию, Молдавию и Валахию, имела намерение упрочить свое влияние среди православных подданных Порты и усилить политическое присутствие в Турции. После подписания Лондонских конвенций позиции России на Востоке были

<sup>23</sup> Кудрявцева Е.П. Военно-политические союзы России и Турции в конце XVIII-первой трети XIX столетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). М. 1999. С. 81-121.

сильно подорваны, что не могло не сказаться на ее взаимоотношениях с православными подданными Турции. «Не менее важным результатом европейского вмешательства было ослабление нашего политического влияния на Балканах» – писал С. Жигарев<sup>24</sup>.

Заметим, что Петербургский кабинет никогда не преследовал освободительных задач на Балканах. Однако ему приходилось считаться с теми надеждами, которые питали народы, населявшие европейскую часть Турции, на содействие северной «покровительницы» в их освободительной борьбе. Уже немало сказано о своеобразном союзе субъективного и объективного факторов в этом вопросе. Согласимся с тем, что объективно Россия выступала в качестве ускорителя тех национально-освободительных процессов, которые вызревали внутри православного мира Балкан, к тому же намного более развитого в социально-экономическом отношении, чем собственно турецкая часть империи, субъективно при этом преследуя собственные политические цели. Россия не могла остаться в стороне от происходившего еще и потому, что целый ряд событий на Балканах был вызван внешнеполитическими шагами самого российского правительства. Известно, что национально-освободительные движения в южнославянских землях всякий раз получали новый импульс к развитию после русско-турецких войн. Соображаясь со своими геополитическими интересами, Россия на всем протяжении данного периода всегда старалась учесть интересы балканских народов, не противоречащие ее собственным, неизменно включая условия об их политическим статусе в статьи русско-турецких договоров. В мирный период отношений с Османской империей вопрос о судьбах Дунайских княжеств, Сербии, Черногории и Греции постоянно входил в перечень проблем, которые требовали, по мнению российской дипломатии, незамедлительного решения турецких властей.

Развивая свои связи с христианскими подданными Порты, российский МИД принимал во внимание, в первую очередь, «политическую целесообразность» поддержки тех или иных национально-освободительных движений православных народов Балкан. Так, в начале XIX в. наибольшую помощь России получали Черногория, Бока Которская и Ионические острова, что напрямую было связано с планами России укрепиться в районе Средиземноморья. После начала Первого сербского восстания в 1804 г. «центр тяжести» политических приоритетов России переместился в Сербию, и с этих пор все происходившее в этой турецкой провинции привлекало пристальное внимание российского правительства, временами ослабляемое внешними обстоятельствами. Непосредственно перед началом Крымской войны особое внимание российского

---

<sup>24</sup> Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. С. 446.

правительства было обращено к вопросу о Святых местах в Палестине и помочи православным престолам в Антиохии, Иерусалиме и Александрии.

Крупнейший конфликт в Ближневосточном регионе – Крымская война – возник из-за противоречий европейских держав, неразрешимых мирным путем. Англия и Франция стремились не допустить упрочения позиций России на Балканах и сохранить сложившуюся к тому времени тенденцию к укреплению своего влияния на Ближнем Востоке. Политика этих стран была направлена на то, чтобы лишить Россию ее авторитета, приобретенного среди православного населения Османской империи, а также ее влияния на европейские события, возросшего после подавления революционного движения в Австрии<sup>25</sup>. Начиная военный конфликт, Англия и Франция пытались решить многочисленные проблемы европейских международных отношений своего времени. Таким образом, Ближневосточный конфликт был призван изменить расклад политических сил прежде всего на европейской арене. В ходе многочисленных конференций, которые собирались в Вене в годы войны, ставилась задача покончить с «русским преобладанием на Черном море», добиться сокращения численности флота и ограничения возможности прохода русских судов через Проливы. Австрийский министр иностранных дел К.Ф. Буоль-Шаузенштейн заявлял о необходимости накрепко связать вопрос о существовании Османской империи с принципом европейского равновесия<sup>26</sup>. При этом западные державы уже не устраивал принцип закрытия Проливов в мирное время, что было продекларировано Лондонской конвенцией 1841 г.; встал вопрос онейтрализации Черного моря, что и было позже подтверждено условиями Парижского мирного договора 1856 г.

Весьма примечательно, что российское руководство перед угрозой военного поражения пришло к мысли о необходимости прибегнуть к поддержке славянского населения Турции, правда, в том случае, если восстание угнетенных Портой славян будет «самопроизвольным», а не вызванным призывами российского императора<sup>27</sup>. К этим выводам главнокомандующий И.Ф. Паскевич, канцлер К.В. Нессельроде и Николай I пришли практически одновременно – уже когда России угрожало поражение. Соблюдая приверженность принципам к тому времени уже разрушенного Священного союза, российский император оставался верен себе и подчеркивал, что Россия сможет лишь «воспользоваться» самостоятельным движением славян, в то время, как Нессельроде прямо

<sup>25</sup> Пономарев В.Н. Крымская война // История внешней политики России. Первая половина XIX века. М. 1995. С. 375.

<sup>26</sup> Пономарев В.Н. Крымская война и Парижский конгресс. 1853-1856 гг. // Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). С. 152.

<sup>27</sup> Тарле Е.В. Крымская война. М-Л. 1950. Т. 1. С. 276.

говорил о том, что Россия не откажется от своего влияния на православных подданных Турции, даже в случае выдвижения противниками подобного требования<sup>28</sup>. Отношение царизма к национально-освободительным движениям было по-прежнему непоследовательным и противоречивым: с одной стороны российские власти предупреждали о недопустимости революционных методов преобразования политической системы Османской империи, а с другой – лелеяли тайную надежду на то, что весь запутанный узел противоречий разрешится сам собой, без прямого вмешательства России, которой останется лишь «поддержать» православных христиан и «не допустить» возвращения прежнего политического порядка<sup>29</sup>.

Крымская война значительно ослабила позиции России в Европе и на Востоке. В результате принятия принципа коллективной гарантии в отношении положения христиан в Османской империи Россия была лишена своего векового преимущества – покровительства православным подданным Порты. Поражение в Крымской войне привело к устраниению России от активной деятельности в регионе ее традиционно высоких политико-стратегических интересов, ограничению ее торговой деятельности и потере влияния на православное население Турции. Подобное положение не могло продлится долгое время, поскольку не соответствовало требованиям внешнеполитических задач российского государства, и было преодолено уже через пятнадцать лет.

Таким образом, регион Черноморских проливов, Леванта, Балкан, Северной Африки и Ближнего Востока представлял собой сферу непосредственных интересов «морских» держав – Англии и Франции, с одной стороны, и России, заинтересованной в решении своих оборонительных, политических и экономически проблем, с другой. Отдельные аспекты Восточного вопроса решались европейскими соглашениями – это были Лондонский и Петербургский протоколы в годы Восточного кризиса 20-х гг., Мюнхенгрецкая конвенция 1833 г., Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. Двусторонние русско-турецкие соглашения, каковыми являлись Адрианопольский и Ункяр-Искелесийский договоры, вызывали резко негативную реакцию европейских держав, усилия которых были направлены на скорейшую отмену нежелательных решений. Проблемы, нерешенные в полном объеме в период Венской системы международных отношений, были унаследованы Крымской системой, которая в свою очередь передала эту своеобразную эстафету спорных международных вопросов дальше.

<sup>28</sup> Богданович М.И. Венские совещания и Парижский трактат 1854-1856 // Русская старина. Т. 17. 1876. С. 381.

<sup>29</sup> Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856. Т. II. Приложения. С. 276. Собственноручная записка императора Николая I о войне с Турцией.

COSMOPOLITANISM AND RUSSIAN NEAR EASTERN POLICY,  
1821-41: DEBUNKING A HISTORICAL CANARD\*

КОСМОПОЛИТИЗМ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА  
РОССИИ, 1821-1841 ГГ.:  
ОПРОВЕРЖЕНИЕ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ УТКИ

**Ключевые слова:** космополитизм, история внешней политики России, история дипломатии, Венская система, Восточный вопрос, Николай I, Нессельроде

**Keywords:** cosmopolitanism, history of Russian foreign policy, history of diplomacy, Vienna system, Eastern question, Nicolas I, Nesselrode

**Аннотация:** Как оценить влияние, которое дипломаты иностранного происхождения, якобы преданные космополитическим идеалам и европейскому концерту, оказывали на русскую дипломатию периода после Наполеоновских войн? Вот уже более столетия историки националистического толка обвиняют «иностранцев» в том, что они пренебрегали интересами страны. Автор статьи предпринял попытку выяснить обоснованность этих претензий на примере ближневосточной политики России 1820–1830-х годов. Он не нашел подтверждения тезису о том, что космополитические убеждения или приверженность многосторонней дипломатии существенно повлияли на выполнение должностными лицами их служебных обязанностей, за исключением разве только самого Александра I и, возможно, Нессельроде. Некоторые из дипломатов действительно питали пристрастие к отдельным странам, например, к Австрии или Великобритании, но эту слабость наряду с «иностранцами» разделяли и этнические русские.

**Abstract:** Did Russian diplomacy after the Napoleonic Wars come under the sway of officials of foreign extraction, committed to cosmopolitan ideals and the Concert of Europe? For more than a century, nationalist historians have charged that “foreigners” in the Russian service gave away the store. This paper takes a close look at Russian Near Eastern policy in the 1820s and 1830s—a focus of the nationalists’ complaints—and finds little evidence that

---

\*This is a revised and adapted version of a paper of the same name originally published in: Das europäische Mächtekonzert: Friedens- und Sicherheitspolitik vom Wiener Kongress 1815 bis zum Krimkrieg 1853 / W. Pyta (ed.). Cologne: Böhlau, 2009. P. 237–255. The author thanks Catherine Gegout, Steven Rendall and Aleksandr Reviakin for advice, and the Department of Political Science, the Harriman Institute and the Institute of War and Peace Studies of Columbia University and the International Research and Exchanges Board (IREX) for financial support.

*cosmopolitan or multilateralist sympathies influenced the policies of any Russian officials, with the exceptions of Tsar Alexander I and perhaps Count Nesselrode. While some officials showed proclivities to co-operate with particular countries—Austria or Britain—this tendency was at least as common among ethnic Russians.*

A number of scholars have pointed to the importance of a pan-European aristocratic culture in the Vienna system<sup>1</sup>. Some suggest that it created a sense of transnational solidarity among the ruling elite<sup>2</sup>. Such arguments are particularly important in the case of Russia. Patricia Grimsted observes that Tsar Alexander I “was much more an eighteenth-century cosmopolitan than a nineteenth century nationalist in his view of international relations” and among Russian rulers of his century “was personally the most deeply committed to Russia's community with Europe”. Karl Nesselrode, an ethnic German who served as foreign minister under Alexander and his successor Nicholas I, was equally cosmopolitan in his background and sympathies. Harold Ingle describes him as the leader of a “German faction” in the Russian government who played a key role in promoting international co-operation<sup>3</sup>.

One man's enlightened statesman is another man's “reactionary cosmopolitan”<sup>4</sup>. For a century and a half nationalist critics have lambasted Nesselrode as the man who gave away the store to the Austrians<sup>5</sup>. There is a certain irony in Soviet historians criticizing him on the ground that, like Marx's and Engels' workers, “he had no fatherland”<sup>6</sup>, but the attacks began well before the revolution. The *locus classicus* is S.S. Tatischev's 1890 essay “Russian Diplomacy, Old and New”<sup>7</sup>. Already under the Empress Anna (r. 1730-40), Tatischev charged, the foreign bacillus had infected Russian diplomacy, and

<sup>1</sup> Garrett S.A. Nixonian Foreign Policy: A New Balance of Power — or a Revived Concert? // Polity. 1976. N. 8. P. 406; Gulick E.V. Europe's Classical Balance of Power: A Case History of the Theory and Practice of One of the Great Concepts of European Statecraft. N.Y. 1967. P. 23, 184-185; Lauren P.G. Crisis Prevention in Nineteenth-Century Diplomacy // George A.L. et al. Managing U.S.-Soviet Rivalry: Problems of Crisis Prevention. Boulder. 1983. P. 53; Miller B. When Opponents Cooperate: Great Power Conflict and Collaboration in World Politics. Ann Arbor. 1995. P. 99.

<sup>2</sup> Garrett S.A. Nixonian Foreign Policy... P. 406; Grimsted P.K. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825. Berkeley/Los Angeles. 1969. P. 14-15.

<sup>3</sup> Grimsted P.K. Op. cit. P. 45; Ingle H.N. Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836-1844. Berkeley/Los Angeles. 1976. P. 5. Cf. Gritzbach H. Der russische Reichskanzler Graf Nesselrode (1780-1862). Ph.D. dissertation. Erlangen/Nürnberg. 1974. P. 465.

<sup>4</sup> Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. – М, 1958. – С. 63.

<sup>5</sup> Grimsted P.K. Op. cit. P. 201; Ingle H.N. Op. cit. P. 1-4.

<sup>6</sup> Фадеев А.В. Указ. соч. – С. 63.

<sup>7</sup> Татищев С.С. Русская дипломатия старая и новая // Из прошлого русской дипломатии; исторические исследования и полемические статьи. – СПб, 1890. – С. 5-71.

under Paul I (r. 1796-1801) "...For the first time Russia acted in Europe as the defender not of her own interests, but of abstract ideas of law and justice. State egoism, that cornerstone of a healthy policy, gave way to the magnanimity and selflessness guiding Paul's actions". Worse was to come. Alexander I, Paul's cosmopolitan successor, embraced doctrines of humanitarianism and self-determination, leading to an exodus of Russian diplomats from the government. Foreigners took their place, and the official language of Russian diplomacy became French, further depriving Russian diplomacy of its national character, "a more painful blow for our foreign policy than the simultaneous loss of the battle of Austerlitz". By the time of the Congress of Vienna, Russia's diplomatic corps was dominated by "foreign-borns and those of a foreign faith: Pozzo di Borgo in Paris, Lieven in London, Stackelberg in Vienna, Alopeus in Berlin"<sup>8</sup>.

Most of all, it was an influx of Germans. Accepting a moderate version of Tatishchev's thesis, Ingle and Henning Gritzbach agree that there were a "Russian party" and a "German party" in Petersburg, the latter of which wanted policy to be based not on solidarity with Europe but on the Russian national interest, though Gritzbach notes that "beyond that, we know... remarkably little about either group"<sup>9</sup>. According to Tatishchev, Nesselrode was the spokesman in the government for European interests, whereas the other of Alexander's dual foreign ministers, Ioannis Capodistrias, who was a foreigner but an Orthodox Christian, emphasized Russian's interests in the Near East. "Capodistrias became genuinely attached to his new fatherland and served it truly and faithfully",<sup>10</sup> but most Germans in the Russian service sided with Nesselrode. When revolution broke out in Greece in 1821, the ethnic Russian heavyweights who remained — Iurii Golovkin in Vienna and Grigorii Stroganov in Constantinople — both supported intervention in Turkey, but the majority of Russian ministers abroad, "even if tacitly [хотяибезгласн(o)]" supported Metternich's efforts to prevent Petersburg from acting<sup>11</sup>.

Set aside how the question of how we can know diplomats' *tacit* preferences. This paper argues that on Near Eastern policy—the central issue for Tatishchev and all nationalist historians since—the numbers just don't add

<sup>8</sup>«Впервые Россия выступила в Европе защитницей не своих интересов, а отвлеченных идей права и справедливости. Государственный эгоизм, этот краеугольный камень здравой политики, уступил место великодушию и безкорыстию руководившими поступками Павла» (с. 14-15); «более чувствительный уда[р], чем одновременная потеря Аустерлицкого сражения» (с. 17); «инородцы и иноверцы: Пощо-ди-Борго в Париже, Ливен в Лондоне, Стакельберг в Вене, Алопеус в Берлине» (с. 46). Там же. С. 10-17, 45-46.

<sup>9</sup>“...Darüber hinaus wissen wir von beiden Gruppierungen...bemerkenswert wenig” (Gritzbach H. Op. cit. P. 767-69, note 877); Ingle H.N. Op. cit. P. 26-27.

<sup>10</sup> «Каподистрия искренно привязался к новому своему отечеству и служил ему верой и правдой». Татищев С.С. – Русская дипломатия... – С. 46.

<sup>11</sup>Там же. С. 46-48, 52.

up. I examine several key decisions between 1821 and 1841, comparing the positions of ethnic Russian and non-Russian officials on each. Where possible I use biographical data to determine ethnicity; otherwise, I judge by names. “Of course it is unsatisfactory,” as Henning Gritzbach remarks, “to rely simply on *names*; however, this is obviously just how Nesselrode’s contemporary critics proceeded...”<sup>12</sup> My analysis includes ministers, senior diplomats at the major allied courts or in the Near East, and other actors who demonstrably played a role in Near Eastern policy making. In classifying officials I distinguish between “hardliners” and “softliners”. While these terms are anachronistic, they seem preferable to “patriots” and “pro-Europeans,” or “nationalists” and “cosmopolitans”. The disagreement was about which policies would promote the interests of Russia and its monarchy, not whether these interests were worth pursuing. We shall see that there were hardliners and softliners among both ethnic Russians and “foreigners”, but that, if anything, the latter tended to take a harder line.

### **1821-28: To play along with the Concert or go solo?**

In 1821 revolution broke out in Greece, evoking considerable sympathy within Russia<sup>13</sup>. As Tatischev notes, Capodistrias and the leading ethnic Russian ministers abroad — Golovkin and Stroganov — pushed for intervention against Turkey<sup>14</sup>. But Pozzo di Borgo, Russia’s Corsican ambassador in Paris, also held that the Greeks’ defeat would seriously harm Russian power and prestige, and warned against getting bogged down in the “diplomacy of congresses”<sup>15</sup>. Golovkin, in turn, was a Protestant born in Lausanne who never learned to speak good Russian<sup>16</sup>. The “German” Nesselrode evidently opposed war. But so did the ethnic Russian finance minister, Dmitrii Gur’ev<sup>17</sup>, and, it

---

<sup>12</sup> “Selbstverständlich bleibt es unbefriedigend, nur von den *Namen* auszugehen; andererseits sind die zeitgenössischen Kritikern Nesselrodes offenbar ebenso verfahren....” Gritzbach H. Op. cit. P. 763 n. 850. Emphasis in original.

<sup>13</sup> Prousis Th.C. Russian Society and the Greek Revolution. DeKalb. 1994.

<sup>14</sup> Martens F. Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères / reprint/. Nendeln/Liechtenstein. 1969. Vol. 4/1. P. 307-308; Schroeder P.W. Metternich’s Diplomacy at Its Zenith, 1820-1823. Austin. 1962. P. 186; cf. Alexander I to Nesselrode, 12(24) September 1821 // Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760-1850 / A. de Nesselrode (ed.). P. 1904-1912 (далее – NLP), vol. 6. P. 124.

<sup>15</sup> Михайлов В.Б. К.О. Пощо ди Борго: Дипломат Реставрации на службе Российской империи // Портреты российских дипломатов. –М. 1991. – С. 55; см. также: К.О. Пощо ди Борго – К.В. Нессельроде, 12(24) июля и 26 июля (7 августа) 1821 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел (далее – ВПР). – М. 1960-2005. – Т. 12. – С. 217-218, 239-40.

<sup>16</sup> Русские портреты XVIII и XIX столетий. –СПб. 1905-1909. – Т. 3. – С. 167.

<sup>17</sup> Донесения А. де Лаферронэ. 10 июля и 26 ноября 1821 г. // Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I: Опыт исторического исследования. – СПб, 1912. – Т. 2. – С. 370, 406; Lebzeltern to Metternich, 17/29 April 1822, private // Les rapports

would seem, the interior minister, Count Kochubei<sup>18</sup>. Historians have placed Interior Minister Aleksandr Chernyshev and Russia's ambassador to London, Kristofor Lieven, among the hardliners, and Grand Duke Constantine Pavlovich and Alexander's advisor Aleksei Arakcheev among the softliners, but without presenting documentary evidence<sup>19</sup>.

Frustrated with the tsar's unwillingness to intervene unilaterally, Capodistrias left the Russian service in 1822. Thereafter, Tatishchev claims, the preference for appointing foreigners to Foreign Ministry posts grew still stronger, and soon Dmitrii Tatishchev was the only ethnic Russian ambassador at a major court. The problem with the argument is that Tatishchev's namesake, as the historian himself admits, was a supporter of Metternich<sup>20</sup>. While on arriving in Vienna in 1822, he reported that the Austrian chancellor "distorts the facts in the most agreeable manner one can imagine", and that commitments were needed in writing, "for with a man of his character, the Scriptum is more reassuring than the Verbum", he was soon won over. By 1825 Nesselrode was rebuking the Russian envoy for being too sympathetic to Metternich<sup>21</sup>. Where Greece was concerned, Tatishchev seems to have sat on the fence<sup>22</sup>. He opposed Capodistrias' campaign for unilateral intervention in 1822, urging that he himself be named to conduct negotiations in Vienna<sup>23</sup>. Though the following year Tatishchev reportedly took a tougher line, he continued to insist that "Metternich...sincerely desires to resolve this important affair to our satisfaction"<sup>24</sup>.

---

diplomatiques de Lebzeltern, ministre d'Autriche à la cour de Russie (1816-1826)/Grand-Duc Nicolas Mikhaïlovich (ed.) St. Petersburg. 1913. P. 92.

<sup>18</sup> Ingle H.N. Op. cit. P. 30; ср.: История внешней политики России: Первая половина XIX века / О.В. Орлик и др. – М. 1995. – С. 192.

<sup>19</sup> Достян И.С. Россия и балканский вопрос. – М. 1972. – С. 214-215; История внешней политики России: Первая половина XIX века. – С. 192; Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements 1806-1914. Cambridge UK. 1991. P. 62; Prousis Th.C. Op. cit. P. 30.

<sup>20</sup> Татищев С.С. – Русская дипломатия... – С. 53; см. также: Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. – М. 1975. – С. 28. – Прим. 26.

<sup>21</sup> "...Denature les faits le plus agréablement du monde"; "car avec un homme de sa moralité, le Scriptum est plus rassurant que le Verbum". Tatishchev to Nesselrode, 10/22 and 11 (new style) March 1822 // Schiemann Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. B. 1904-1919. Vol. 1. P. 573, 574; same to same, 10 September 1825 // Ibid. P. 610; см. также: Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде, 28 февраля (12 марта) 1822 г., конфиденциально // ВПР. – Т. 12. – С. 449; cf. Schütz E. Die europäische Allianzpolitik Alexanders I. und der griechische Unabhängigkeitskampf 1820-1830. Wiesbaden. 1975. P. 122.

<sup>22</sup> Grimsted P.K. Op. cit. P. 283.

<sup>23</sup> Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности // Сборник русского исторического общества – 1868. – т. 3. – С. 280-81; ВПР. –Т. 12. – С. 696. – Прим. 222; Schroeder P.W. Metternich's Diplomacy... P. 186.

<sup>24</sup> "Metternich...désire sincèrement terminer cette importante affaire à notre satisfaction" (Tatishchev to Nesselrode, 5 May 1823 // Schiemann Th. Op. cit. Vol. 1. P. 579); Донесение

By the mid-1820s Petersburg had still not gained its allies' consent to intervene in Turkey, and began to consider unilateral action. Stroganov, now withdrawn from Constantinople, advised "a strictly *national and religious* policy" toward Turkey, but the "foreigners" Pozzo di Borgo and Lieven also favoured war if progress did not come soon<sup>25</sup>. Tatishchev, in contrast, recommended putting pressure on Turkey, but warned that Britain might intervene if Russia attacked. He urged Petersburg not to seek an entente with Britain at the expense of the continental alliance<sup>26</sup>. Other leading softliners were ethnic Russians. Grand Duke Constantine Pavlovich argued against a war, and Governor General of Finland Arsenii Zakrevskii, who had backed war in 1821, now opposed it<sup>27</sup>.

<b>"Foreigners"</b>	<b>Stance</b>
Ioannis Capodistrias	Hardliner
Khristofor Lieven	Hardliner
Karl Robert Nesselrode	Softliner
Charles-André Pozzo di Borgo	Hardliner
<b>Ethnic Russians</b>	
Grand Duke Constantine Pavlovich	Softliner
Iurii Golovkin	Hardliner
Dmitrii Gur'ev	Softliner
Viktor Kochubei	Softliner
Grigorii Stroganov	Hardliner
Dmitrii Tatishchev	Softliner
Arsenii Zakrevskii	Mixed

**Figure 1: Russian officials' stance on unilateral intervention by ethnicity, 1821-28**

### 1828-29: A soft peace or a hard one?

---

А. де Лаферронэ. 1 October 1823 // Николай Михайлович. – Указ. соч. – Т. 2. – С. 474-75; ВПР. – Т. 14. – С. 763. – Прим. 149.

<sup>25</sup> "...Une politique strictement *nationale et religieuse*" (Г.А. Строганов – Николаю I, 18(30) января 1826 г. // ВПР. – Т. 14. – С. 350 [подчеркнуто в документе]); Pozzo di Borgo dispatch, 4/16 October 1825, reserved // Recueil de documents relatifs à la Russie. Paris. 1854. Р. 4-47; Lieven dispatch, 18/30 October 1825, secret and confidential // Ibid. Р. 56.

<sup>26</sup> Tatishchev to Nesselrode, 10 September 1825 // Schiemann Th. Op. cit. Vol. 1. P. 611.

<sup>27</sup> Киняпина Н.С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов // Ученые записки Московского государственного университета. – 1952. – № 156. – С. 211; Шильдер Н.К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование. – СПб, 1903. – Т. 1. – С. 539-540. – Прим. 484; Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П.Д. Киселев и его время. – СПб, 1882. – Т. 1. – С. 151, 272.

Once Russia declared war on Turkey, the question became how far to go. Again, “foreigners” in the Russian service were at least as aggressive as ethnic Russians. Predictably, Pozzo di Borgo insisted that Russia should retain a free hand<sup>28</sup>. Russia’s ambassador in Berlin, David Alopeus, of German or Finnish background,<sup>29</sup> expressed the hope that Nicholas could “decide the future destiny of Greece on his own and without the participation of his allies”<sup>30</sup>. Tatishchev, in turn, recommended reaching an understanding with Austria<sup>31</sup>.

In London, Prince Lieven had wavered between advocating co-operation between Britain and France, and suggesting that Russia might need to act on its own. He and his Polish deputy, Count Matuszewic, emphasized the need to buy time by working with the Western powers, but following Russian victories in 1829, both urged Petersburg to impose what terms it liked. By the beginning of September, however, Matuszewic was advocating concluding peace “as soon as an honourable and solid one can be obtained”, and a rebuke from Nesselrode brought Lieven to heel<sup>32</sup>.

General Diebitsch, who had proposed in 1821 to capture Constantinople, presented a war plan in accordance with the tsar’s limited aims.<sup>33</sup> “Your Majesty knows”, he asserted, perhaps not entirely truthfully, “that I have never considered further expansion of Russia worthwhile”<sup>34</sup>. Once his troops neared Constantinople, however, the commander of the European campaign speculated

<sup>28</sup> Достян И.С. – Указ. соч. – С. 305-307.

<sup>29</sup> «Русский биографический словарь» lists his birthplace as Berlin. См. Русский биографический словарь (reprint). N.Y. 1962-1991 (далее – РБС). – Т. 2. – С. 60; other encyclopedic works give it as Vyborg. См.: Русские портреты... – Т. 3. – С. 52; Энциклопедический лексикон. –СПб. 1835-1841. – Т. 2 – С. 11. According to John LeDonne, Alopeus was Finnish (LeDonne J.P. The Russian Empire and the World, 1700-1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y. 1997. P. 252).

<sup>30</sup> ...Fixer seul et sans la participation de Ses Alliés le sort future de la Grèce.” Д.М. Аlopeус – К.В. Нессельроде, 24 июля (5 августа) 1829 г. // Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. 1829 г. Д. 798. Лл. 177-177 об.

<sup>31</sup> Д.П. Татищев – Николаю I, 10(22) мая 1829 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. 1829 г. Д. 11881. Лл. 287-88; ср.: ВПР. – Т. 16. – 590. – Прим. 133.

<sup>32</sup> “...Dès que nous pourrons l’obtenir honorable & solide” (Доклад А.Ф. Матушевича, 20 августа (1 сентября) 1829 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. 1829 г. Д. 7015. Л. 88); копия письма А.Ф. Матушевича (недатированное, частное) // Там же. 1829 г. Лл. 16 об. – 18 об.; Х.А. Ливен – К.В. Нессельроде, 4(16) ноября 1827 г. (частное) // ВПР. – Т. 15. – С. 285; Международные отношения на Балканах, 1815-1830 гг. / В.Н. Виноградов и др. – М, 1983. – С. 211, 246-247; ВПР. – Т. 15. – С. 662. – Прим. 75; там же. – С. 668. – Прим. 98; там же. – С. 696. – Прим. 205; там же. – Т. 16 – С. 577. – Прим. 77; Martens F. Op. cit. Vol. 11. P. 367-68, 389-90, 410-13.

<sup>33</sup> Schiemann Th. Op. cit. Vol. 2. P. 224-26.

<sup>34</sup> “Euere Majestät wissen, daß ich eine weitere Vergrößerung Rußlands niemals für nützlich gehalten habe”. Ibid. P. 226.

about making major annexations if Turkey could not pay reparations<sup>35</sup>. According to Harold Ingle, nationalists blamed Diebitsch's failure to take Constantinople on his German background<sup>36</sup>, but he may have been restrained by orders from home<sup>37</sup>.

In Petersburg a blue ribbon committee led by Count Viktor Kochubei assembled in early September 1829 to deliberate on peace terms. Its other members were Nesselrode, Aleksandr Chernyshev, Dmitrii Dashkov, Aleksandr Golitsyn and Petr Tolstoi. While it is likely that the tsar had already resolved on a moderate peace and picked softliners to rubber stamp his decision<sup>38</sup>, it is still noteworthy that all but one member were ethnic Russians. Both Nesselrode and Dashkov presented memoranda advising against overthrowing the Ottoman empire. The committee concluded in a decision which according to Chernyshev was unanimous, "that the advantages of preserving the Ottoman empire in Europe exceed the disadvantages that it presents; that its fall would be therefore contrary to Russia's true interests; that in consequence it would be wise to seek to prevent it by taking any opportunity that may yet arise to conclude an honourable peace"<sup>39</sup>.

Diebitsch later praised the committee's memorandum, and both he and Alopeus applauded the terms of the peace of Adrianople<sup>40</sup>, but by the time Alopeus wrote the decision had been made, and his comments should be discounted.

In October, Lieven and Matuszewic agreed at their own initiative to a compromise declaring Greece fully independent, but within narrower

<sup>35</sup> И.И. Дибич – Николаю I, 13(25) августа 1829 г. // Шильдер Н.К. Адрианопольский мир 1829 года. Из переписки графа Дибича // Древняя и новая Россия. – 1879. – т. 15. – С. 541-42; Schiemann Th. Op. cit. Vol. 2. P. 359.

<sup>36</sup>Ingle H.N. Op. cit. P.29.

<sup>37</sup> ВПР – т. 16. – С. 599. – Прим. 165.

<sup>38</sup> Достян И. С. – Указ. соч. – С. 314; cf. IngleH.N. Op. cit. P.30.

<sup>39</sup> "...Que les avantages du maintien de l'Empire Ottoman en Europe sont supérieurs aux inconvénients qu'il présente; que sa chute serait dès lors contraire aux vrais intérêts de la Russie; que par conséquent il serait prudent de chercher à la prévenir, en profitant de toutes les chances qui peuvent encore se présenter pour conclure une paix honorable" (Протокол 1-го заседания Особого комитета по восточным делам, 4(16) сентября 1829 г. // ВПР. – Т. 16. – С. 278); см. также: Записка вице-канцлера К.В. Нессельроде, представленная Особому комитету по восточным делам, 4(16) сентября 1829 г. // Там же. – С. 282-283; Записка статс-секретаря Д.В. Дацкова, не позднее 4(16) сентября 1829 г. // Там же. – С. 291-292; А. И. Чернышев – Дибичу, 7(19) сентября 1829 г. // Шильдер Н.К. Император Николай Первый... – Т. 2. – С. 549.

<sup>40</sup> И.И. Дибич – Николаю I, 3(15) сентября 1829 г. // Шильдер Н.К. Адрианопольский мир... – С. 557, 559; И. И. Дибич А. И. Чернышеву, 23 сентября (5 октября) 1829 г. // Шильдер Н. К. – Император Николай Первый... – Т. 2. – С. 550; Д.М. Алопеус – К.В. Нессельроде, 29 сентября (11 октября) 1829 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. 1829 г. Д. 798. Л. 243.

borders<sup>41</sup>. This was not, however, because either diplomat suffered from naïve illusions about his foreign counterparts. Lieven and Matuszewic observed that the British and Austrian governments, "which had dared to predict our ruin and humiliation solely because they desired them", had been caught off balance<sup>42</sup>. Matuszewic referred to Russia's "*adversaires*"—including Austria—and "*ennemis*" among the other great powers<sup>43</sup>. The mutual dislike between Lieven and the British prime minister, the Duke of Wellington, restricted their relations to official business. Matuszewic got on better with Wellington, but considered him hostile to Russia. Both criticized France's representative at the London conference on Greece, Prince Polignac,<sup>44</sup> of whom Matuszewic wrote, "I know no one who has prevented more good and done more harm in less time"<sup>45</sup>.

<b>“Foreigners”</b>	<b>Stance</b>
David Alopeus	Mixed
Johann Diebitsch	Mixed
Khristofor Lieven	Mixed
Adam Matuszewic	Mixed
Karl Robert Nesselrode	Softliner
Charles-André Pozzo di Borgo	Hardliner
<b>Ethnic Russians</b>	
Aleksandr Chernyshev	Softliner
Dmitrii Dashkov	Softliner
Aleksandr Golitsyn	Softliner
Viktor Kochubei	Softliner
Petr Tol'stoi	Softliner

**Figure 2: Russian officials’ stance on war prosecution and peace terms by ethnicity, 1828-29**

### The first Syrian crisis of 1832-33

<sup>41</sup> Martens F. Op. cit. Vol. 11. P. 420-421.

<sup>42</sup> "...Qui avaient osé prédire notre ruine et notre honte uniquement parce qu'ils les désiraient" (Vinogradov V.N. Les discussions sur la Grèce à Londres durant la guerre de 1828-1829 // Les relations gréco-russes pendant la domination turque et la guerre d'indépendance grecque. Thessaloniki. 1983. P. 150).

<sup>43</sup> Копия письма А.Ф. Матушевича, 1829 г., недатированная, частная переписка // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. 1829 г. Д. 7015. Л. 18; Доклад А.Ф. Матушевича, 20 августа (1 сентября) 1829 г. // Там же. Л. 87 об.

<sup>44</sup> Martens F. Op. cit. Vol. 11. P. 354, 394-99.

<sup>45</sup> "Je ne connais personne qui ait empêché plus de bien et fait plus de mal en moins de temps". Ibid. Vol. 11. P. 399.

Already the peace of Adrianople, in the eyes of Tatishchev's follower M.A. Taube, sacrificed the national interest to the Austrians<sup>46</sup>. After France's 1830 revolution, Tatishchev claims, "Nesselrode and his diplomatic staff" succeeded in reorienting Russian policy toward an alignment with Austria and Prussia, subordinating national interest to the Holy Alliance and the cause of counterrevolution<sup>47</sup>. How does this thesis hold up in the first Syrian crisis of 1832-33, during which Muhammed Ali Pasha of Egypt threatened the Ottoman empire and Russia sent troops to the Sultan's rescue, antagonizing Britain and France?

Throughout the crisis Nesselrode was a force for restraint, but he was hardly in Austria's pocket. "Austria wants the preservation of the Turkish government, as do we," he commented in January 1833. "...But on this very point, there is a nuance in our views [vues] and desires.

"Austria would like the Turkish government to be strong; it is important to us, on the contrary, that it be weak and exist only, so to speak, at Russia's pleasure"<sup>48</sup>. While Nesselrode praised Austria's support for Russia, he also saw the Convention of Münchenergrätz between the two powers as a means of binding Vienna,<sup>49</sup> so that in a future Near Eastern crisis it would "act *with us* and not *against us*".<sup>50</sup> Pozzo di Borgo noted the importance that the Sultan not be overthrown, but also urged that Russia be ready to occupy the Straits [*le détroit*], should he fall, before other states could reach them. He urged that Petersburg pursue a Near Eastern entente with Austria—which shared Russia's conservative principles—but avoid co-operation with Britain and France.<sup>51</sup> "The maritime powers are alone our enemies," the ambassador observed, "and that

---

<sup>46</sup> Таубе М.А. Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX столетия. – Пг. 1916. – С. 22-29.

<sup>47</sup> Татищев С.С. – Русская дипломатия... – С. 56-57.

<sup>48</sup> "L'Autriche veut, comme nous le voulons, la conservation du Gouvt. Turc... Mais ici même, il se présente une nuance dans nos vues et dans nos désirs.

"L'Autriche voudroit que le Gouvt. Turc fût fort; ils nous importe au contraire qu'il soit foible et ne subsiste pour ainsi dire, que sous le bon plaisir de la Russie." К.В. Нессельроде – Николаю I , 7/19 January 1833// АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1833 г. Д. 56. Лл. 383-383об. On Nesselrode's overall position during the crisis, see: Rendall M. Restraint or Self-Restraint of Russia: Nicholas I, the Treaty of Unkiar Skelessi, and the Vienna System, 1832-1841 // International History Review. 2002. N. 24. Р. 37-63.

<sup>49</sup> К.В. Нессельроде – Николаю, ежегодный отчет за 1831-1832 годы // АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. 1831-1832 гг. Д. 2. Лл. 187 об. – 188 об.; тот же тому же, ежегодный отчет за 1833 г. // АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД России). Оп. 475. 1833 г. Д. 3. Лл. 33 об. – 35 об.

<sup>50</sup> ...Agir *avec nous* et non *contre nous*." Тот же – тому же// Там же. 1833 г. Л. 45 об. Подчеркнуто в оригинале.

<sup>51</sup> К.О. Поззо ди Борго – К.В. Нессельроде, 3(15) мая и 11(23) ноября 1832 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1832 г. Д. 214. Лл. 179 об. – 181 об., 229 об. – 230 об.

tendency is strengthened further by their anarchic and revolutionary maxims”<sup>52</sup>. When Metternich proposed holding a conference on Eastern affairs, Pozzo warned that “any European gathering at Vienna concerning the affairs of Turkey will be a union against Russia”<sup>53</sup>. Tatishchev also opposed a conference at Vienna, but suggested talks on Near Eastern policy among Austria, Britain, Turkey and Russia through their regular representatives. At the same time, Petersburg and Vienna could negotiate a secret bilateral entente on the future of the Ottoman empire<sup>54</sup>. When Russia and Austria reached such an entente at Münchenergrätz later that year, Tatishchev praised it.<sup>55</sup>

In July 1833, just before withdrawing its troops, Russia concluded a defensive alliance with Turkey. The Treaty of Unkiar Skelessi prompted protests from Britain and France. Palmerston objected both to the secrecy with which the treaty had been concluded and the influence it gave St Petersburg over Turkey<sup>56</sup>. In London, Lieven told the Austrian ambassador he was sorry that Turkey and Russia had kept their negotiations for the treaty secret<sup>57</sup>. Matuszewic, in contrast, criticised Britain's failure to specify what it objected to in the treaty. He urged Petersburg not to give in before British pressure, and to be ready to occupy the Straits before its enemies could do so<sup>58</sup>.

Since the war of 1828-29, Russian troops had occupied Turkey's provinces of Moldavia and Wallachia pending reparations payments. Now Petersburg decided to withdraw. In letters to the tsar's close advisor Aleksei Orlov, the commander of the Russian forces in the principalities, General Kiselev, argued against their evacuation<sup>59</sup>. Earlier in the crisis, Orlov had favoured an assertive Russian policy in Turkey that delayed evacuation of the principalities,<sup>60</sup> and he

<sup>52</sup> “Les Puissances maritimes seules sont nos ennemis & cette tendance est encore fortifiée par leurs maximes anarchiques et révolutionnaires.” Тот же – тому же.// Там же. 1832 г. Л. 181 об.

<sup>53</sup> “Toute réunion Européenne à Vienne concernant les affaires de Turquie, sera une union contre la Russie.” К.О. Пощо ди Борго – К.В. Нессельроде, 2(14) апреля 1833 г., шифрованное // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1833 г. Д. 161. Лл. 371-371 об.

<sup>54</sup> Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде, 13(25) мая 1833 г., №№. 97 и 98 // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1833 г. Д. 211. Лл. 557 об. – 559, 561-561 об.

<sup>55</sup> Киняпина Н.С. Мюнхенгрецкие и берлинские конвенции 1833 г. // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. – 1960. – № 1. – С. 82.

<sup>56</sup> Martens F. Op. cit. Vol. 12. P. 44-45.

<sup>57</sup> Puryear V.J. L'opposition de l'Angleterre et de la France au traité d'Unkiar-Iskelessi en 1833 // Revue historique. 1938. N. 182. P. 298.

<sup>58</sup> Martens F. Op. cit. Vol. 12. P. 46-47.

<sup>59</sup> П. Д. Киселев – А. Ф. Орлову, 8(20) июня (частная переписка), 13(25) июля, 27 июля (8 августа) 1833 г. (частная переписка)// Заблоцкий-Десятовский А.П. – Указ. соч. – Т. 4. – С. 110, 112-116; Florescu R.R. The Struggle Against Russia in the Romanian Principalities: A Problem in Anglo-Turkish Diplomacy, 1821-1854. Jassy. 1997. Р. 171-172.

<sup>60</sup> А. Ф. Орлов – Д. П. Киселеву, 15(27) марта, 25 мая (6 июня) 1833 г., частная переписка // Заблоцкий-Десятовский А.П. – Указ. соч. – Т. 4. – С. 98-99, 109.

now promised to press Kiselev's case in Petersburg. He doubted, however, "that in view of our tight alliance with Austria I can succeed." He did not, and one suspects he did not try hard.<sup>61</sup> "...Given the situation of our policy in general, we could not and we should not have acted otherwise," Orlov wrote the following year. "...The Emperor himself took an interest in the affair...and everything was resolved according to his wishes".

During the first Syrian crisis of 1832-33, then, the "foreigners" Nesselrode and Lieven at times supported co-operation with Europe, but so did the ethnic Russian Tatishchev. The ethnic Russians Kiselev—and perhaps Orlov—pushed for hardline policies, but so did the "foreigners" Matuszewic and Pozzo di Borgo.

<b>"Foreigners"</b>	<b>Stance</b>
Khristofor Lieven	Softliner?
Karl Robert Nesselrode	Softliner
Adam Matuszewic	Hardliner
Charles-André Pozzo-di-Borgo	Hardliner
<b>Ethnic Russians</b>	
Pavel Kiselev	Hardliner
Aleksei Orlov	Hardliner?
Dmitrii Tatishchev	Softliner

**Figure 3: Russian officials' stance on intervention and territorial expansion by ethnicity, 1833-34**

### The second Syrian crisis, 1839-41

While the Russian intervention checked Mehemet Ali, it did not put an end to his expansionist ambitions. Nor did Petersburg lose its aversion to Western influence in the region. When Petersburg learned in early 1839 that Turkey planned to go to war, Russia's minister in Constantinople, Apollinarii Butenev, was told to discourage it from doing so, and to warn his colleagues. However, he was not to take part in joint action with the other ministers in Constantinople. Turkey attacked all the same, and soon suffered disastrous losses. To top it off, the sultan died and the Turkish fleet went over to the Egyptians. When the

---

<sup>61</sup> "...Qu'à cause de notre alliance étroite avec l'Autriche, je puisse y réussir"; "vu la situation de notre politique en général, nous ne pouvions et nous ne devions agir autrement....L'Empereur s'est occupé de l'affaire lui-même...et tout a été terminé selon sa décision." Тот же – тому же, 19(31) июня 1833 г., 26 января (7 февраля) 1834 г., частная переписка // Там же. – С. 111, 118.

ministers of the other powers agreed on 27 July to submit a note asking Turkey to let the European powers find a solution, Butenev signed it<sup>62</sup>.

This marked a significant step to multilateralize the crisis. “Once the Porte accepted the mediation offered to it by the powers,” Nesselrode wrote the following year, “...a common deliberation became inevitable”.<sup>63</sup> In signing the note, Butenev violated his orders, and Petersburg was displeased, though V.A. Georgiev maintains the tsar later decided it was for the best<sup>64</sup>. Why did Butenev do it? Historians have proposed different explanations<sup>65</sup>, but in his report to Petersburg the envoy stressed the need to avoid a public disagreement,<sup>66</sup> “at so decisive a moment, between the representatives of the two Imperial Courts (Austria and Russia. — M.R.), that attach so much importance to demonstrating a perfect identity of objectives [vues] and political principles, to the Porte and to all of Europe, in all matters of general interest”<sup>67</sup>. Nesselrode later acknowledged that the risk of a breach with Austria had confronted Butenev with a real dilemma<sup>68</sup>. But Russia’s ties with Austria did not prevent it from sending the senior Foreign Ministry official E. P. Brunnow to Britain to seek a separate entente.

Historians have depicted Brunnow as a committed European and Anglophilic who enthusiastically supported the rapprochement with Britain. Tatishchev paints him as an Austrophile who turned equally pro-British once he went to Britain<sup>69</sup>. V.A. Georgiev, in the main Soviet-era account of the mission, takes a similar view: “Brunnow supported many fashionable political doctrines

<sup>62</sup> Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1975. – С. 73, 90, 93; Mosely Ph.E. Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839. Cambridge MA. 1934. Р. 118-119.

<sup>63</sup> “La Porte ayant accepté la médiation que lui offraient les Puissances....Une délibération commune était désormais inévitable.” К.В. Нессельроде – Николаю I, ежегодный отчет за 1839 г. // АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД). Оп. 475. 1839 г. Д. 6. Л. 44 об.

<sup>64</sup> Тот же – тому же.// Там же. 1839 г. Лл. 37-37 об., 44; Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х-начале 40-х годов XIX века. – М. 1970. – С. 138.

<sup>65</sup> Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1970. – С. 137; Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого: Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. – СПб. 1887. – С. 454-57; Hasenclever A. Die Orientalische Frage in den Jahren 1838-1841. Ursprung des Meerengenvertrages vom 13. Juli 1841. Leipzig. 1914. Р. 56-57.

<sup>66</sup> А.П. Бутенев – К.В. Нессельроде, 18(30) июля 1839 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1839 г. Д. 46. Лл. 521 – 525.

<sup>67</sup> “...Dans un moment aussi décisif, entre les Représentants des deux Cours Impériales, qui attachent tant de prix à constater, aux yeux de la Porte et à ceux de l’Europe entière, une parfaite identité de vues et de principes politiques, dans toutes les questions d’un intérêt général.” Тот же – тому же.// Там же. 1839 г. Лл. 524 об.-525.

<sup>68</sup> К.В. Нессельроде – Николаю I, ежегодный отчет за 1839 г. // АВПРИ. Ф. 137 (Отчеты МИД). Оп. 475. 1839 г. Д. 6. Лл. 40 об. – 41 об.

<sup>69</sup> Татищев С.С. – Русская дипломатия... – С. 66.

of the 19th century. In particular, he was a supporter of the ideas of ‘European equilibrium’, political stability and the principles of legitimism. Support of these cosmopolitan doctrines truly deprived Brunnow’s views of national content. He did not know or love Russia, in which he spent all in all about ten years... Cosmopolitan in his convictions, a lover of conferences and congresses, Brunnow saw no need to regulate Russia’s relations with Turkey through bilateral agreements. And not only did he see no necessity, but he considered it incorrect from the standpoint of international law<sup>70</sup>.

Western assessments are similar, though less critical. According to Matthew Anderson, “Brunnow believed firmly that Russian policy should foster general rather than merely national interests, those of the European family of states. These interests were perpetually threatened by war and revolution and could be secured only by the unity of the great powers”<sup>71</sup>. For Ingle, Brunnow was a “protagonist of the European system” who “automatically viewed Russia in the context of European and world affairs, and reacted instinctively against the nationalistic drive for independence and autonomy”<sup>72</sup>.

Certainly Brunnow rejected the old power politics *on paper*. In a long memorandum composed shortly before the crisis began<sup>73</sup>, he drew a sharp contrast between the diplomatic practices of the 18th and 19th centuries, and criticized Catherine II’s intervention in Polish and Turkish affairs. In words that could have been written by Paul W. Schroeder<sup>74</sup>, he noted that in expanding at

<sup>70</sup> «Бруннов поддерживал многие модные политические доктрины XIX в. В частности, он был сторонником идей «европейского равновесия», политической стабильности, принципов легитимизма. Поддержка этих космополитических доктрин действительно лишала политические взгляды Бруннова национального содержания. Он не знал и не любил Россию, в которой он в общей сложности провел около 10 лет... Космополит по убеждениям, любитель конференций и конгрессов, Бруннов не видел необходимости регламентировать отношения России с Турцией при помощи двухсторонних соглашений. И не только не видел необходимости, но и считал неправильным с точки зрения международного права». Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1975. – С. 104-5.

<sup>71</sup> Anderson M. Russia and the Eastern Question, 1821-41 // Europe's Balance of Power, 1815-1848 / A. Sked (ed.). L. 1979. P. 95.

<sup>72</sup> Ingle H.N. Op. cit. P.122-23.

<sup>73</sup> Partly published in: Брунов Ф.И. Aperçu des principales transactions du Cabinet de Russie sous les règnes de Catherine II, Paul I et Alexandre I // Сборник императорского русского исторического общества. – 1880. – Т. 31. – С. 197-416; Aperçu de la politique du cabinet de Russie sous le règne actuel. Considérations générales sur les principes qui servent de base à notre politique // Заиончковский, А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: Приложения. – Т. 1. – СПб, 1908. – С. 26-110. While Zaionchkovskii does not date his selection, that it comes from the same document can be confirmed by comparing it with extracts from the manuscript in: Татищев С.С. – Внешняя политика...

<sup>74</sup> See: Schroeder P.W. The Transformation of Political Thinking, 1787-1848 // Coping with Complexity in the International System / J. Snyder and R. Jervis (eds.). Boulder. 1993, 47-70; *idem*. The Transformation of European Politics 1763-1848. Oxford. 1994.

these countries' expense, the empress had resorted to "means that the circumstances of those days and, if I may put it so, the political mores (*mœurs politiques*) of that period tended to justify under the name of cleverness, but which today would be sharply condemned by our cabinet as contrary to the dignity of Russia.

"These means of success, of which the diplomacy of the 18<sup>th</sup> century did not scruple to make use, and which, alas, all too soon rebounded in Europe against most of the governments that employed them, by discrediting their power and reducing their moral stature in the eyes of the world, these combinations...were essential to realising [Catherine's] aims both in Poland and in Turkey".

In both countries, Russia had sought "a kind of protectorate which, in the last analysis, was meant to serve the exclusive advantage of the Russian cabinet". The 1774 Treaty of Kuchuk-Kainarji between Russia and Turkey had opened a running sore. Its clauses concerning Moldavia and Wallachia could be interpreted very broadly, allowing Petersburg to provoke disputes with Turkey whenever it seemed useful. As a result, Brunnow wrote, Russia had been drawn into repeated quarrels to defend its treaty rights. "It is thus that the Imperial Cabinet has willy-nilly inherited this protectorate over the Principalities, which has proved a source of great difficulties, but which it cannot renounce, because it is keen to preserve the transactions that today form the basis of our relations with the Ottoman Porte"<sup>75</sup>.

Professing such views, Brunnow should have been a strong supporter of abandoning the Treaty of Unkiar Skelessi, and both Georgiev and Tatishchev claim he was. "Brunnow's belief in the necessity of a "European equilibrium" had a decisive [довлеющее] influence over his views on the Eastern Question", charges Georgiev. "Following in Nesselrode's footsteps, Brunnow considered the Treaty of Unkiar Skelessi an annoying hindrance preventing European

---

<sup>75</sup> "...Moyens que les circonstances d'alors et, si j'ose m'exprimer ainsi, les mœurs politiques de cette époque, tendaient à justifier, en les colorant du nom d'habileté, mais qui de nos jours seraient hautement réprouvés par notre Cabinet, comme contraires à la dignité de la Russie.

"Ces moyens de succès, dont la diplomatie du 18-me siècle ne dédaignait pas de faire usage, et qui malheureusement n'ont servi que trop tôt à réagir en Europe contre la plupart des Gouvernements eux-mêmes, en discréditant leur pouvoir et en affaiblissant aux yeux du monde leur ascendant moral, ces combinaisons...contribuèrent essentiellement à réaliser ses [Catherine's] vues tant en Pologne qu'en Turquie"; "une espèce de protectorat qui, en dernière analyse, devait tourner à l'avantage de l'influence exclusive du Cabinet de Russie"; "C'est ainsi que le Cabinet Impérial a hérité, malgré lui, de ce protectorat sur les Principautés, qui est devenu pour lui une source de grandes difficultés, mais dont il ne peut pas récuser l'héritage, parcequ'il tient intimement aux transactions qui font aujourd'hui la base de nos relations avec la Porte Ottomane". Брунов Ф.И. Указ. соч. С. 198-99, 210.

diplomats from reaching general agreement on the fate of Turkey”<sup>76</sup>. Tatishchev even claims that Brunnow proposed the deal he was sent to London to seek<sup>77</sup>.

Yet in his 1838 memorandum Brunnow described the treaty of Unkiar Skelessi as useful, since the threat of Russian intervention in the Near East kept Britain and France in check<sup>78</sup>. There is reason to think that the Russian emissary was initially less eager to replace it than were his masters in St Petersburg. In October, already in London, he remarked that the very eagerness of the Austrian ambassador to help Russia reach a multilateral deal including Britain and France was disturbing, and raised the question of whether it would not be better for Russia to continue its unilateralist policy toward Turkey.<sup>79</sup> “This doubt, it must be said, has been the crudest I have experienced in all my life”<sup>80</sup>. Later he hinted that failing to reach agreement with Britain in the Near East would not be a tragedy. Often during talks, he wrote to Nesselrode: “I thought I saw before me the spectacles and long Oriental nose of our good General Fonton. He seemed to tell me: ‘Brunnow, my friend, you are taking too much trouble....We shall gain nothing *in the eyes of the Turks*, if we succeed in giving England a preponderant role. What suits us the best is to show the Porte that it has nothing to hope from the fine words of England, or France, or Austria. The less the other do for the Porte, the more it will turn its eyes toward the Emperor’... I must say I found this reasoning singularly sound and insightful. It consoles me for the inaction of the English....”<sup>81</sup>

---

<sup>76</sup> «Убеждение Бруннова в необходимости «европейского равновесия» оказывало довлеющее влияние на его взгляды в восточном вопросе. Бруннов вслед за Нессельроде считал Ункиар-Искелесский договор досадной помехой, мешающей европейским дипломатам прийти к общей договоренности о судьбе Турции». Георгиев. В. А. – Внешняя политика.. . 1975. С. 104.

<sup>77</sup> Татищев С.С. Русская дипломатия... – С. 66.

<sup>78</sup> Aperçu de la politique du cabinet de Russie sous le règne actuel. Р. 58.

<sup>79</sup> Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 26 сентября (8 октября) 1839 г., весьма доверительно // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1839 г. Д. 122. Лл. 145-146; cf. MartensF. Op. cit. Vol. 12. P. 117.

<sup>80</sup> “Ce doute, je dois le dire, a été pour moi le plus cruel que j'ai éprouvé de ma vie entière”. Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 26 сентября (8 октября) 1839 г., весьма доверительно // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1839 г. Д. 122. Л. 145 об.

<sup>81</sup> “...J'ai cru voir devant moi les lunettes et le long nez oriental de notre brave général Fonton. Il a semblé me dire: ”Brunnow, mon ami, tu te donnes trop de peine....Nous n'avons rien à gagner aux yeux des Turcs, si nous parvenons à faire jouer à l'Angleterre un rôle prépondérant. Ce qui nous convient à nous, c'est de prouver à la Porte qu'elle n'a rien à espérer des belles paroles ni de l'Angleterre, ni de la France, ni de l'Autriche. Moins les autres feront pour la Porte, plus celle-ci tournera les yeux vers l'Empereur....Je vous avoue que ce raisonnement m'a singulièrement paru juste et profond. Cela me console de l'inaction des Anglais....” Quoted in: Martens F. Op. cit. Vol. 12. P. 120. Emphasis in original.

Still, by the following year Brunnow was arguing that the Straits Convention was a favourable exchange for a treaty soon due to lapse<sup>82</sup>. The deal he wanted, however, was designed to divide rather than unite the other European powers. In his 1838 memorandum, to be sure, Brunnow had deplored the separate alliances of the 18<sup>th</sup> century. When one considered Catherine II's expansionist policies, "so detrimental to the traditional interests of the European equilibrium," he observed, "it is somewhat hard nowadays to understand how such a shift in power could have occurred without resulting in a general war. Today, any modification to the state of territorial possession established by treaty becomes an object of common concern for all the great powers". At the time of Catherine's conquests, however, Britain and France had been too distracted — and Austria and Prussia too suspicious of each other — to resist. Similarly, European leaders had failed to unite against the French revolution: "They were all conscious of having tricked each other so often that they were, alas, no longer able to inspire confidence in anyone, or feel that sentiment themselves....That is why no one dared to trust his allies entirely, so likely it was that each, in spite of his promises, would settle things on his own terms, sacrificing the common cause to his own interests at the first convenient occasion. ...It remained for the reign of the Emperor Alexander to erase the last trace of disunity among the cabinets and to establish the system of the great European alliance on the basis of a perfect *solidarity*. So exalted a conception was alien to the isolated combinations and distrustful jealousy of 18<sup>th</sup> century politics"<sup>83</sup>.

Yet in practice Brunnow showed the same distrust and willingness to strike separate deals that his memorandum had deplored. For all his talk of "common concern" and criticism of "isolated combinations", he drew a sharp distinction between the eastern autocratic powers and the Western constitutional states, and

<sup>82</sup> Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1970. – С. 228; Martens F. Op. cit. Vol. 12. P. 148.

<sup>83</sup> "En voyant s'accomplir un pareil agrandissement, si préjudiciable aux anciens intérêts de l'équilibre Européen, on éprouve aujourd'hui quelque difficulté à concevoir comment un semblable déplacement de pouvoir a pu s'effectuer sans entraîner une guerre générale. De nos jours, chaque modification apportée à l'état de possession territoriale basée sur les traités, devient un objet de sollicitude commune pour toutes les grandes Puissances"; "Ils avaient tous la conscience de s'être trompés si souvent les uns les autres, qu'il ne leur était malheureusement plus permis d'inspirer de la confiance à personne, ni d'éprouver ce sentiment eux-mêmes....Voilà pourquoi nul n'osait se fier entièrement à ses Alliés, tant il y avait lieu de craindre que chacun, malgré ses promesses, ne finît par stipuler pour lui seul, en sacrifiant, à la première occasion favorable, la cause commune à ses propres intérêts... Il était réservé au règne de l'Empereur Alexandre d'effacer la dernière trace de la désunion des Cabinets et de fonder sur la base d'une parfaite *solidarité* le système de la grande alliance Européenne. Une si haute conception ne s'accordait pas avec les combinaisons isolées, ni avec la méfiaante jalouse de la politique du 18-me siècle". Брунов Ф.И. Указ. соч. С. 217-218, 231-232. Emphasis in original.

in turn between Britain and France. After the Whigs came to power in Britain, he wrote in his 1838 report, “the entire political system of Europe was thrown completely out of kilter.... Europe was divided into two camps....” Only the triple alliance among Austria, Prussia and Russia had preserved the peace in Europe for the last eight years. So long as it remained united, Britain and France could be kept in check. But if the sea powers saw the alliance weakening, ”the two sea powers, released from the restraint which the solidarity of the continental alliance now places on their subversive schemes... would intimidate Austria and Prussia, would dominate states of the second and third rank, and would end by realising Napoleon’s dream of universal monarchy, to the advantage of revolutionary doctrines”.

Though Nicholas had tried very hard to keep Britain in the alliance, Brunnow observed, he had found that concessions went unrewarded. Britain might, however, someday renew its ties with the alliance in response to aggressive behaviour by France. Russia should do nothing to unite the two sea powers, but wait for a rift to emerge between them. “Then England will return to her former allies and agreements”<sup>84</sup>.

The chance came sooner than Brunnow probably expected. On arriving in London in 1839, Brunnow announced that the tsar drew a distinction between Britain and France. “The first is not an ordinary reliable power; the latter is a power with which it is possible to have dealings, inasmuch as having a legitimate basis, it can always fulfil and respect the agreements it has reached”<sup>85</sup>. At the outset Brunnow seems to have thought it might be good if Britain could get France to join an intervention against Egypt.<sup>86</sup> At the same time, he considered it part of his mission to bring about a rupture between London and Paris<sup>87</sup>. By the following year he was writing that “no secondary consideration” should be allowed to interfere with destroying the Anglo-French

<sup>84</sup> “...Tout le système politique de l’Europe s’est trouvé complètement dérangé... l’Europe s’est divisée en deux camps...”, “les deux puissances maritimes, délivrées du frein que la solidarité de l’alliance continentale met aujourd’hui à leurs projets subversifs...intimideraient l’Autriche et la Prusse; domineraient les Etats du second et troisième ordre et finiraient par réaliser au profit des doctrines révolutionnaires, le rêve de la monarchie universelle de Napoléon”; “Alors l’Angleterre reviendra à ses anciens alliés et à ses anciens engagements.” Aperçu de la politique du cabinet de Russie... P. 27-29, 36.

<sup>85</sup> “L’une n'est pas un pouvoir régulier sur lequel on puisse compter; l'autre est une puissance avec laquelle on peut traiter, parce que fondée sur des bases légitimes elle saura toujours remplir et respecter les engagements qu'elle aura contractée [sic]”. Quoted in Martens. Op. cit. Vol. 12, p. 112 ; см. также: Международные отношения на Балканах, 1830-1856 гг. – М, 1990. – С. 42.

<sup>86</sup> Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 26 сентября (8 октября) 1839 г., весьма доверительно // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1839 г. Д. 122. Лл. 142 об.–143; тот же – тому же, 26 сентября (8 октября) 1839 г. // Там же. Лл. 514 об.–515 об.

<sup>87</sup> Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 12(24) сентября, 1839 г., весьма доверительно // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1839 г. Д. 122. Лл. 48 об.-49.

entente. “I know the justified importance that His Majesty [Nicholas I] deigns to attach to the weakening of the ties which, to the woe of the world, have so long bound England and France,” he observed. “The agreement we shall conclude will be a notable setback for the Anglo-French alliance”. Soon thereafter Austria, Britain, Prussia and Russia concluded the convention of 15 July 1840, closing the Bosphorus and Dardanelles to the warships of all the European powers. “The Emperor’s orders have been fulfilled”, exulted the Russian envoy. “The convention on the Egyptian affair has been signed. The France of July (i.e., the July Monarchy— M.R.) has been excluded from [*est restée en dehors de*] this European transaction”<sup>88</sup>.

France, now under the nationalist ministry of Adolphe Thiers, was outraged at the convention and began military preparations. In response, Austria and Prussia proposed a new treaty including France<sup>89</sup>. Petersburg opposed Metternich’s proposal<sup>90</sup>. “Metternich is truly beyond mediocre”, Nesselrode complained on 26 November. “...On the one hand, he wants to carry out the treaty; on the other, he wants to bring France back into the negotiations at any price....”<sup>91</sup> Nevertheless, British and French representatives in St. Petersburg believed that the Russian vice-chancellor also wanted France readmitted to the Concert<sup>92</sup>. Brunnow resolutely opposed this<sup>93</sup>. “Your father-in-law fears that I

---

<sup>88</sup> “...Aucune considération secondaire”; “Je connais la juste importance que Sa Majesté daigne attacher à l’affaiblissement des liens qui, pour le malheur du monde, unissent depuis si longtems l’Angleterre & la France. L’acte que nous allons conclure sera un échec notable qu’essuyera l’alliance anglo-française”; “...Les ordres de l’Empereur sont remplis. La Convention sur l’affaire d’Egypte est signée. La France de Juillet est restée en dehors de cette transaction Européenne.” Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 2(14) и 5(17) июля 1840 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1840 г. Д. 99. Лл. 204 об. – 205, 244; тот же – тому же, 5(17) июля 1840 г., весьма секретно // Там же. Л. 221.

<sup>89</sup> Schroeder P.W. The Transformation of European Politics. P. 743-746.

<sup>90</sup> Nesselrode to Meyendorff, 8/20 August, 10/22 October, 3/15, 14/26 and 18/30 November 1840 // NLP. Vol. 8. P. 35-36, 48-50, 61-62, 68, 79-80; Nicholas I to Nesselrode, 18/30 August 1840 // Ibid. Vol. 11. P. 173-174; Nesselrode to Nicholas I, with gloss by Nicholas, 8/20 October 1840 // Ibid. Vol. 11. P. 188-189; Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1975. – С. 142; Татищев С.С. – Внешняя политика... – С. 535; Martens F. Op. cit. Vol. 4/1. P. 495-496, vol. 12, 149-151; vol. 15. P. 178-179.

<sup>91</sup> “Metternich est vraiment au-dessous du mediocre... D’une part, il veut exécuter le traité; de l’autre, il veut, coûte que coûte, faire rentrer la France dans la négociation....” Nesselrode to Meyendorff, 14/26 November 1840 // NLP. Vol. 8. P. 68.

<sup>92</sup> Barante to Thiers, 17 October 1840 // Souvenirs du baron de Barante...1782-1866 / C. de Barante (ed.). [далее: SB] P. 1890-1901. Vol. 6. P. 522-523; Barante to Guizot, 11 November 1840 // Ibid. P. 538-39; excerpt from Bloomfield to Palmerston, 17 November 1840 // Correspondence Relative to the Affairs of the Levant. L. 1841. Vol. 3. P. 53-54; Ingle H.N. Op. cit. P.134; Webster Ch. The Foreign Policy of Palmerston, 1830-1841. L. 1951. Vol. 2. P. 715.

am too hard on the French, but it doesn't matter," he allegedly told Nesselrode's son-in-law in 1840: "I shall persist, because the moment I make a single concession, all our fair-weather friends will abandon us to accommodate France, and I shall take the blame. Besides, in acting as I have up to now, *I know I have the Emperor behind me and you can well understand that I am not going to break my neck to please your father-in-law*"<sup>94</sup>.

Indeed, Nesselrode had already remarked to the tsar that Brunnow "may be pushing a little too far the idea of freezing out France completely, which could have real drawbacks, considering our allies' weakness and the lack of unity in the English cabinet." Nicholas responded that "it appears to me that Brunnow has done well"<sup>95</sup>. Drawing on Nesselrode's published correspondence with Nicholas, Ingle has argued that the foreign minister talked the tsar into readmitting France to the Concert.<sup>96</sup> While this may be the case, the evidence he presents is ambiguous. It is true that Nesselrode argued that France, Austria and Prussia were all seeking to resolve the crisis peacefully. But Ingle is wrong to infer from this that the foreign minister favoured concessions; his contention that Louis-Philippe would not go to war might as easily be seen as an argument for holding firm. Nesselrode's attitude toward Austria's and Prussia's efforts comes through clearly in one of the very documents Ingle cites: "Insofar as the courts of Vienna and Berlin depart from a simple and clear policy and seek means of preventing war in diplomatic expedients, I fear that they may muddle affairs to the point of bringing about the very result that they want to avoid. It would have been a thousand times better for them never to have taken part at all in the London convention....Be that as it may, I dare to advise Your Majesty to respond to this overture by Austria [in an accompanying dispatch] only when we know what is thought of it in London."<sup>97</sup>

<sup>93</sup> Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 23 декабря 1840 г. (4 января 1841 г.) // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1841 г. Д. 111. Лл. 36 об. – 37; Hasenclever A. Op. cit. P. 221, 257 n. 61, 284-286.

<sup>94</sup> "Votre beau-père craint que je ne maltraite trop les Français, mais n'importe, je persisterai parce que du jour où je leur céderai un pas, tous nos amis d'aujourd'hui nous abandonneront pour aller au-devant de la France; et, alors, ce sera sur moi que retombera cette faute. D'ailleurs, en persistant comme je l'ai fait jusqu'à présent, *je sais que j'ai l'Empereur pour moi et vous sentez bien que je n'irai pas me casser le cou pour faire plaisir à votre beau-père*". Khereptovich to Nesselrode, 17 November 1840 // NLP. Vol. 8. P. 73, reporting on a conversation with Brunnow. Emphasis in original.

<sup>95</sup> "...Pousse peut-être un peu trop loin l'idée de fermer toute porte à la France, ce qui peut avoir des inconvenients réels, vu la faiblesse de nos alliés et le peu d'unité qui règne dans le Cabinet anglois"; "Il me paroît que Brunof [sic] a bien agi". К.В. Нессельроде – Николаю I, с пометами последнего, 16(28) [или 10(22) — неразборчиво] октября 1840 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1840 г. Д. 55. Л. 46.

<sup>96</sup> Ingle H. N. Op. cit. P. 137-38, 143-44.

<sup>97</sup> "A mesure que les cours de Vienne et de Berlin s'écartent d'une marche simple et claire et cherchent dans des expédients diplomatiques les moyens d'empêcher la guerre, je crains

In early 1841, Nesselrode indicated in a conversation with the French ambassador that he favored holding a congress or conference.<sup>98</sup> But writing to Meyendorff the following month, he expressed doubt that France would ever agree to take part in a collective Near Eastern settlement.<sup>99</sup> The prospect clearly did not break his heart.<sup>100</sup> He praised Brunnow for holding back from efforts to bring France into the agreement, and was said to have told the British ambassador that no more talks were needed.<sup>101</sup> Half a year after the crisis ended, he noted that it had “rendered conservative Europe the important service of widening the breach that was beginning to open between France and England.”<sup>102</sup>

Petersburg eventually agreed to a new convention in which France took part. It has been argued that it did so out of fear of diplomatic isolation<sup>103</sup>. In Brunnow’s case, this was clearly true. As late as the beginning of February 1841 he was arguing to Petersburg that no new agreement including France was needed<sup>104</sup>. By the middle of the month, however, he bowed to the inevitable. Since the Austrian and Prussian ministers in London had been informed that he was authorized to conclude a new agreement, Brunnow reported, he would have appeared to be a stumbling block and aroused suspicions about Russia’s intentions if he had refused to co-operate with them.<sup>105</sup> He thus joined “a debate

---

qu’elles n’embrouillent les affaires au point d’amener tout juste le dénouement qu’elles désirent éviter. Il eût mille fois mieux valu qu’elles n’eussent pas pris part du tout à la convention de Londres....Quoi qu’il en soit, j’oserai proposer à Votre Majesté de ne répondre à cette ouverture de l’Autriche que lorsque nous saurons ce qu’on en pense à Londres.” Nesselrode to Nicholas I, 8 October, 1840// NLP. Vol. 11. P. 188.

<sup>98</sup> Barante to Guizot, 28 January, 1841// SB. Vol. 6. P. 569.

<sup>99</sup> Nesselrode to Meyendorff, 13 February, 1841//NLP. Vol. 8. P. 124.

<sup>100</sup> Nesselrode to Meyendorff, 4 February, 1841//NLP. Vol. 8. P. 117-18. Citing this letter, Ingle maintains that Nesselrode “did not expect complete agreement from France right away” (Ingle, H. N. Op. cit. P. 141). This is an understatement. Nothing in the letter indicates that he wanted an agreement with France at all.

<sup>101</sup> Barante to Guizot, 8 February, 1841//SB. Vol. 6. P. 571; Nesselrode to Meyendorff, 13 February 1841//NLP. Vol. 8. P. 124.

<sup>102</sup> “...La question d’Orient a rendu à la Europe conservatrice l’important service d’élargir la brèche qui commençait à s’ouvrir entre la France et l’Angleterre....” Nesselrode to Meyendorff, 10 November, 1841//NLP. Vol. 8. P. 149.

<sup>103</sup> Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1975. – С. 160-61, 169-71; Hasenclever A. Op. cit. P. 279.

<sup>104</sup> Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 21 января (2 февраля) 1841 г., доверительно // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1841 г. Д. 111. Лл. 273-77; см. также: Татищев С.С. – Внешняя политика... – С. 540.

<sup>105</sup> Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, зашифровано, 11(23) февраля 1841 // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1841 г. Д. 111, лл. 365 об. – 367 об.; тот же – тому же, 17 февраля (1 марта) 1841 г. // Там же, лл. 379-381; тот же – тому же // 28 февраля (12 марта) 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1841 г. Д. 112. Лл. 16 об. – 17; ср.: Георгиев В.А. – Внешняя политика... 1975. – С. 161.

I should no doubt have preferred to avoid, if circumstances had left me the choice.

“Nevertheless, even if I had wanted to defer it further, this debate would have begun now in spite of me”<sup>106</sup>.

Thus in the Syrian crisis of 1839-41, the first step toward multilateral diplomacy was taken out of concern to avoid a breach with Austria — but by Buteney, an ethnic Russian. Nesselrode consistently supported exchanging the bilateral treaty for a multilateral agreement, but apparently wavered over whether France should be included in the deal. Brunnow, another German, hardly showed himself the nineteenth-century new thinker he has sometimes been thought. At first he had doubts about the wisdom of giving up the Treaty of Unkiar Skelessi at all. By 1840 he supported a multilateral convention, but chiefly out of the desire to smash the Franco-British entente. Once Britain and the Holy Alliance powers concluded the convention of 15 July, Brunnow was determined to freeze France out. This does not disprove Russian nationalists’ criticism that he was too Anglophilic, but these were hardly the actions of a man preoccupied with maintaining a “European equilibrium”, or committed to the “unity of the great powers”.

<b>“Foreigners”</b>	<b>Stance</b>
Ernst Philipp von Brunnow	Mixed
Karl Robert Nesselrode	Softliner
<b>Ethnic Russians</b>	
Apollinarii Buteney	Softliner

**Figure 3: Russian officials’ stance on co-operation with Europe in the Near East, 1839-1841**

### A One-Man Band

Russia’s foreign policy changed between the late eighteenth and early nineteenth centuries, but the notion that this was due to a “German party” and its cosmopolitan ideas is bunk. This paper has examined only Near Eastern policy from 1821 to 1841. The region and period, however, are central to the “cosmopolitanism” thesis. Tatishchev maintains that Nicholas departed from his policy of solidarity with Austria and Prussia after 1848<sup>107</sup>. If the thesis does not hold up for the earlier period, it is unlikely to explain policy later on. Alexander I was deeply European in outlook, and Nesselrode was a force for restraint. As

<sup>106</sup> “...Un débat que j’aurais sans doute mieux aimé éviter, si les circonstances m’en avoient laissé le choix. Cependant, quand même j’aurais voulu le différer encore, ce débat se seroit engagé aujourd’hui malgré moi”. Ф.И. Бруннов – К.В. Нессельроде, 17 февраля (1 марта) 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1841 г. Д. 111, л. 381.

<sup>107</sup> Татищев С.С. – Русская дипломатия... – С. 61.

tsar and foreign minister, they played crucial roles. But if there was a “German party” in Russia, where foreign policy was concerned it seems to have been largely a one-man band.

Leading “foreigners” such as Capodistrias, Pozzo di Borgo and Diebitsch were as unilateralist as most of their ethnic Russian counterparts, and more so than many. The most Austrophile diplomat was an ethnic Russian, Dmitrii Tatishchev. Russia’s first step to multilateralize the Eastern Question in 1839 was made by an ethnic Russian, Buteney, and Brunnow, while he came to support a deal with Britain and the Eastern powers, hardly showed the commitment to European unity that historical accounts suggest. To a large extent, historians have taken a single foreigner — Nesselrode — and turned him into a movement. The Russian vice-chancellor, S.S. Tatishchev observes, was “the most complete embodiment of the type we have sketched”<sup>108</sup>. Indeed he was — and he is the main evidence for the cosmopolitanism thesis.

---

<sup>108</sup> “...Самое полное воплощение очерченного нами типа». Там же. С. 59.

**ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ В ВЕНСКОЙ СИСТЕМЕ  
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1830-1848 ГГ.):  
ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА**

**JULY MONARCHY AS PART OF THE VIENNA SYSTEM  
OF INTERNATIONAL RELATIONS (1830-1848):  
IDEOLOGY AND POLITICS**

**Ключевые слова:** Венская система международных отношений, Франция, Июльская монархия, Восточный кризис, интервенция, А. Тьер, Ф. Гизо, Луи-Филипп.

**Keywords:** The Vienna system of international relations, France, the Restoration, the July monarchy, the Eastern crisis, intervention, A. Thiers, F. Guizot, Louis-Philippe.

**Аннотация:** Венская система международных отношений, оформленная на Венском конгрессе в 1814-1815 гг., стала настоящим вызовом для французской политической элиты в последующие десятилетия. Франция оказалась побежденной стороной и была таким образом морально унижена. Задачей для всех французских правительств после 1815 г. было улучшить положение Франции в сложившейся новой системе международных отношений, даже посредством ее дестабилизации и взлома. После Июльской революции 1830 г. внешняя политика Франции стала более активной. Ведущие французские политики довольно четко определили исключительные сферы влияния Франции, и в 1832 г. французские войска вторглись в Центральную Италию, захватив город Анкону. В 1840 г. в ходе второго Восточного кризиса французское правительство впервые с наполеоновских войн противопоставило себя остальной Европе. В конечном итоге, стратегические позиции Франции на Ближнем Востоке оказались ослаблены. Но международный кризис способствовал усилению французской армии и флота. Дальнейшие успехи французской дипломатии были связаны с периодом Второй империи, когда Франция сумела значительно повысить свой международный статус, в частности, благодаря победе в Крымской войне и активной роли в объединении Италии.

**Abstract:** The Vienna system of international relations established at the Congress of Vienna in 1814-1815, was a challenge for the French political elite during subsequent decades. France was a defeated party and was thus morally humiliated. The objective of all the French governments since 1815

*was to improve the position of France in this new system of international relations, if necessary even by means of its destabilization and destruction. After the July revolution 1830 the foreign policy of France became more active. Leading French politicians strongly defended the idea of exclusive spheres of influence of France, and in 1832 French troops invaded Central Italy, occupying the city of Ancona. In 1840, during the second Oriental crisis, the French government stood in opposition to the rest of Europe for the first time since the Napoleonic wars. Ultimately, France gave up some of its strategic positions in the Middle East. Still, the international crisis contributed much to the improvement of the French Army and Navy. It was the later period of the Second Empire, which proved to be happier for the French diplomacy. By winning, in particular, the Crimean war and by taking an active part in the Italian unification France raised significantly its international status.*

Венская система международных отношений, оформленная на Венском конгрессе в 1814-1815 гг., стала настоящим вызовом для французского политического класса на последующие десятилетия. Получив место в пентархии «великих держав», Франция в качестве побежденной стороны, тем не менее, лишилась прежде завоеванных Наполеоном I территорий и была, таким образом, морально унижена. Поэтому задачей для всех французских правительств после 1815 г. было улучшить положение Франции в сложившейся новой системе международных отношений, в том числе за счет ее дестабилизации и взлома. Но каким образом это можно было сделать? Какие рецепты предлагала французская политическая элита? И была ли она едина в поисках путей выхода из сложившейся ситуации?

В годы Реставрации (1814-1830 гг.) французское политическое руководство не было особенно активно на внешнеполитической арене, фокусируясь преимущественно на проблемах внутриполитического развития. В качестве своих стратегических союзников Францией были избраны «северные дворы» (Австрия, Пруссия, Россия) по причине идеологической идентичности (абсолютистской сущности реставрированной монархии).

После Июльской революции новое руководство Франции активизировало внешнюю политику. В результате прошедшей в Европе череды революций международное положение самой Франции оказалось сложным. В 1830 г. возникла реальная угроза нарушения статус-кво в Европе. Под воздействием Июльской революции произошли национальная революция в Бельгии, восстание в Польше, началась революция в Центральной Италии. Правящие круги Франции

разделились, образовавшиеся группировки выдвигали совершенно противоположные внешнеполитические программы.

Если правительство Июльской монархии делало все возможное, чтобы избежать войны, то левые устраивали шумные кампании в парламенте и в прессе, возбуждая национальные чувства французов. Они доказывали, что война с континентальными европейскими монархиями в любом случае неизбежна, и что восставшие народы Европы воспримут Францию как освободительницу от рабства. Ведь по мнению французских левых, Июльская революция должна была обязательно закончиться войной, которая уничтожила бы остатки реакции внутри страны и похоронила бы абсолютистские монархии. В прессе эта кампания подогревалась острыми статьями газеты «Насьональ» и ее новым главным редактором А. Каррелем, сменившим в этой должности А. Тьера.

Несмотря на то, что некоторые предлагали повторить опыт революционных войн конца XVIII в., большинство же правящего класса Франции благоразумно склонялось к поиску мирного разрешения ситуации.

Однако пацифизм французских либералов, пришедших к власти после 1830 г., носил временный тактический характер. Почти сразу после Июльской революции ведущие французские политики довольно четко определили сферу национальных интересов своей страны. Так, видный либерал и государственный деятель того времени Адольф Тьер утверждал: «Мы должны быть готовы ввязаться в войну только за Бельгию; все, что заключено между Рейном, Альпами и Пиренеями... мы должны защищать всю эту часть континента как саму Францию»<sup>1</sup>. Эти территории Тьер (а вместе за ним и все прочие французские либералы) определил как сферу исключительного влияния Франции. Причем она представлялась столь важной, что ее следовало защищать «как саму Францию».

Проблема независимости Бельгии в 1831 г. была острой международной проблемой. Почти сразу после Июльской революции, в августе 1830 г., вспыхнула революция в Бельгии, имевшая целью свержение голландского правительства, которое Венский конгресс признал законным. На Лондонской конференции 1830 г. «великие державы» признали появление нового независимого государства на карте Европы и определили границы Бельгии. «Нам кажется, что такие результаты без войны, — отмечал Тьер, — это одно из самых главных новшеств дипломатии»<sup>2</sup>. Поэтому неправы те, кто считал Францию

<sup>1</sup> Thiers A. La monarchie de 1830. P. 1831. P. 64.

<sup>2</sup> Ibid. P. 72.

бездейственной в вопросе о помощи революции за рубежом, писал Тьер в своей работе «Монархии 1830 года». Он считал, что Франция оказала серьезную дипломатическую поддержку Бельгии и способствовала появлению в Европе нового независимого государства.

В то же время А. Тьер не считал возможным присоединение Бельгии к Франции, на чем настаивали многие политики как во Франции, так и в Бельгии. Тьер был убежден, что у Франции еще недостаточно сил, чтобы ввязываться в такую авантюру: «Восстание в Бельгии – революция в недрах Священного Союза»<sup>3</sup>. События в Бельгии задевали интересы всех европейских держав, поскольку грозили опасностью подрыва устоев Священного Союза. Именно поэтому Тьер предлагал вести осторожную политику, не предъявляя чрезмерных претензий европейским дворам<sup>4</sup>.

Однако уже в 1832 г. французские войска вторглись в Центральную Италию, оккупировав город Анкону. Сделано это было для того, чтобы австрийская армия, подавлявшая в Италии мятежи, не установила свой полный контроль над этими территориями. Такая дерзкая акция французского правительства, предварительно не поставившего никого в известность, горячо обсуждалась при европейских дворах. Меттерних заявил: «Все кабинеты одинаково заинтересованы в вопросах, возбужденных таким дерзким нарушением международного права»<sup>5</sup>. Казимир Перье, возглавлявший на тот момент правительство Франции, так объяснил свою позицию: «Международное европейское право защищают я; вы думаете легко поддерживать договоры и мир? Но нужно поддерживать в тоже время и честь Франции; ради этого я обязан был сделать то, что я сделал». Франция на практике стала бороться за очерченные ее лидерами сферы влияния. Ф. Гизо так говорил: «Необходимо, чтобы каждый занял свои места: Австрия заняла свои, сделаем то же и мы». Франция держала в Анконе свой гарнизон вплоть до 1839 г.

Для того чтобы добиться более высокого статуса Франции на международной арене, французские дипломаты делали ставку на раскол Европы на два военно-политических блока, разделенных по идеологическому принципу: с одной стороны, блок государств, основанных на либерально-конституционных принципах (Франция, Англия, Испания и Португалия), с другой, абсолютистские государства,

---

<sup>3</sup> Ibid.

<sup>4</sup> Ibid. P. 73.

<sup>5</sup> Грегуар Л. История Франции в XIX веке. М. 1894. Т. 1. С. 525

входящие в Священный Союз – Россия, Австрия и Пруссия<sup>6</sup>. Таким образом, сразу после Июльской революции главной составляющей французской внешней политики стал поиск союза с Англией.

Следует отметить, что все либеральные династические группировки во французском парламенте считали, что союз с Великобританией явился бы гарантией стабильности и даже рассматривали его как средство установления англо-французского доминирования в Европе. Так как Великобритания располагала самым сильным флотом в мире, а Франция, возможно, лучшей сухопутной армией, как считал автор статьи во французской либеральной газете «Конститюсьонель», то, значит, этот союз должен был сделать обе страны непобедимыми<sup>7</sup>. Французские доктринеры были убеждены, что союз с Великобританией полностью отвечает национальным интересам Франции. «Союз с Англией – это и есть вся наша внешняя политика», – писал орган доктринеров «Журналь де Деба»<sup>8</sup>.

Наиболее тесным франко-английское сотрудничество было в делах, касавшихся Испании. К середине 30-х годов XIX в. испанский вопрос стал крупной международной проблемой. 29 сентября 1833 г. умер король Испании Фердинанд VII. Специально созданные кортесы присягнули на верность трехлетней дочери короля Изабелле, а до совершеннолетия Изабеллы регентшей была объявлена ее мать Мария Кристина. Недовольный решением кортесов брат покойного короля Дон Карлос объявил себя законным королем Испании под именем Карла V и поднял восстание. Консервативные силы в Испании поддержали Дона Карлоса, а опорой Марии Кристины стали испанские либералы.

Разгоревшаяся борьба привлекла внимание и затронула интересы европейских держав. 22 апреля 1834 г. между Великобританией, Францией, Испанией и Португалией был заключен Четверной союз. Задачами союза явилась вооруженная борьба с карлистами – сторонниками Дона Карлоса в Испании. Такие державы, как Австрия, Пруссия и Россия, напротив, поддерживали карлистов.

В 1835 г. французское правительство во главе с герцогом В. де Бройлем отправило часть своего Иностранных легиона на помощь Марии Кристине. В военном отношении не играло большой роли. Но в 1836 г. со сменой правительства во Франции французская политика в Испании получила новый импульс.

<sup>6</sup> Федосова Е.И. Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М. 2001. С. 110.

<sup>7</sup> Le Constitutionnel. 10.III.1836.

<sup>8</sup> Le Journal des Débats. 29.II.1836.

Это объяснялось тем, что новый глава правительства Тьери считал, что Июльская монархия остро нуждается в повышении своего престижа внутри страны посредством крупных внешнеполитических успехов. «В любой стране необходимо всегда поддерживать, культивировать дух величия... Когда нет величия от войны, надо, по крайней мере, дать стране величие мира», – заявлял Тьери еще в 1833 г. Для Тьера важно было, чтобы новый режим ассоциировался с триумфами во внешней политике, как это было в годы Первой империи, но без развязывания крупномасштабной войны. Так, 8 июня 1833 г. Тьери уточнил: «Мы хотим величия, но возможного».

По мнению Тьера, такие страны как Бельгия, Швейцария и Испания являлись «естественными границами» Франции<sup>9</sup>. «Франция обеспечила свободу не во всем мире, но от Альп до моря, от Пиренеев до Рейна. Не все это пространство занимает Франция, но везде есть французские интересы», – утверждал Тьери в одной из своих парламентских речей<sup>10</sup>.

Поэтому в испанском вопросе, обострившемся в 1836 г., Тьери увидел отличный шанс повысить международный авторитет Франции. Обосновывая необходимость поддержки либералов в Испании, Тьери указывал на схожесть политических режимов обеих стран. Во время одного из своих выступлений в палате пэров 6 января 1836 г. он заметил: «Таким образом, спрашивать нас, почему мы предпочитаем Изабеллу II восставшему Дону Карлосу, это то же самое, что спросить нас, почему мы есть те, кто мы есть, почему мы служим правительству, которому служим, почему мы настойчиво придерживаемся одной политики все время. Да, мы предпочитаем Изабеллу II Дону Карлосу по той же причине, которая заставляет нас предпочитать режим, который существует сегодня во Франции королевству эмигрантов, которых страна выбросила прочь...»<sup>11</sup>.

Правительство Тьера старалось не придавать большого значения тому, что в Испании интересы Франции и Великобритании уже в середине 30-х годов различались. Британское правительство в начале 1836 г. хотело, чтобы Франция в силу договора о Четверном союзе приняла бы участие в интервенции и заняла бы Фонтараби, малозначимую область на севере Испании, тогда как сами англичане заняли бы ключевые порты и города на юге<sup>12</sup>. Британское правительство

<sup>9</sup> Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 2. P. 202.

<sup>10</sup> Ibid. Vol. 1. P. 117.

<sup>11</sup> Ibid. Vol. 3. P. 186.

<sup>12</sup> AAE. Correspondance politique. Angleterre. 1836. Vol. 647. Fol. 45. Sebastiani – Thiers, 14 mars 1836.

отводило Франции второстепенную роль, что осознавали многие французские общественные и политические деятели.

Все главные стратегические пункты в Испании англичане оставляли за собой. Известный либерал 30–40-х годов XIX в. Леон Фоше в переписке с доверенным лицом так объяснял французский отказ от интервенции: «Вы, возможно, знаете, почему интервенция в Испанию провалилась. Лорд Пальмерстон предложил нам занять территорию, прилегающую к Бискайскому заливу, и Наварру. Английский корпус занял бы Каталонию и Балеарские острова. Собственно, поэтому дело ничем и не закончилось. В целом, английское правительство действовало очень эгоистично по отношению к нам»<sup>13</sup>. Французский посол в Мадриде Ф. Райневаль писал: «Следует задаться вопросом, не стремится ли Британия закрепить за собой морские базы?»<sup>14</sup>.

В то время французское правительство отказалось от интервенции. Тьер указал в одной из депеш к своему послу в Лондоне, что французская интервенция, даже ограниченная, может спровоцировать европейскую войну<sup>15</sup>. Действительно, каждый раз, когда во Франции вставал вопрос о мобилизации войск для отправки в Испанию, «северные державы» (Австрия, Пруссия и Россия) выражали свою обеспокоенность<sup>16</sup>. Своим британским коллегам Тьер писал, что следовало вмешаться годом раньше, в 1835 г., как того и просило прежнее испанское правительство, настроенное профранцузски. Именно Англия тогда отвергла французскую инициативу. В начале 1836 г. испанское правительство возглавил англофил Х.А. Мендисабаль, чем, вероятно, и объяснялось стремление англичан использовать французские войска для его поддержки.

Как вспоминал австрийский канцлер К. Меттерних, Великобритания особенно боялась, что в гражданской войне может победить Дон Карлос. Посол Англии в Вене даже сообщил австрийскому канцлеру, что единственной задачей, которую Великобритания решает в Испании, было помешать Франции стать там хозяйкой. Британский посол добавил: «Наша сила находится в королеве

<sup>13</sup> Faucher L. Biographie et Correspondance. P. 1888. T. 1. P. 45-46. Lettre à Henri Reeve du 29 mars 1836.

<sup>14</sup> AAE. Correspondance politique. Espagne. 1836. Vol. 774. Fol. 87. Rayneval – Thiers, 29 juin 1836.

<sup>15</sup> AAE. Correspondance politique. Angleterre. 1836. Vol. 647. Fol. 63. Thiers – Sebastiani, 18 mars 1836.

<sup>16</sup> AAE. Correspondance politique. Prusse. 1836. Vol. 287. Fol. 52. Bresson – Thiers, 9 mai 1836.

Изабелле: нельзя сказать, что она находится под английским влиянием, но Дон Карлос наверняка попадет под французское»<sup>17</sup>.

Приход к власти в Испании профранцузски настроенного правительства Ф. Истуриса, сменившего на посту премьер-министра англофила и левого радикала Х.А. Мендисабала, еще больше осложнил англо-французские отношения. Проиграв парламентские выборы, левые радикалы, опиравшиеся на англичан, подняли восстание в Малаге, которое довольно быстро перекинулось на соседние города юга Испании. Восстания были направлены против центрального правительства в Мадриде, составленного из умеренных либералов и пользовавшегося поддержкой Франции. Французский агент в Мадриде Ш. Буа де Конт в одной из депеш к Тьери охарактеризовал ситуацию следующим образом: «У Англии другие взгляды, другие интересы. Она хочет отстранить регентшу, авторитет которой мешает Англии и французский дух которой Англию стесняет. Англия присматривает за молодой королевой, которая своим присутствием признала бы законными уступки или постановления, продиктованные совету регентов британским кабинетом министров...»<sup>18</sup>.

Действительно, отношение британского посла в Мадриде, не осудившего восстание левых радикалов в Малаге, и нежелание английского экспедиционного корпуса подавлять это восстание, были довольно двусмысленными. Ш. Буа де Конт докладывал Тьери: «Общественное мнение приписывает английской дипломатической миссии активное участие в движении, которое только что прокатилось по Испании. Такое серьезное обвинение требует прямых доказательств, а не только косвенных. Поскольку я не могу этого доказать, я умолкаю»<sup>19</sup>.

С приходом к власти профранцузского правительства Ф. Истуриса Тьер все больше склонялся к идее интервенции. Вместе с тем он опасался ухудшения отношений с Англией, поскольку за несколько месяцев до этого Франция помешала ей заключить торговый договор с Испанией.

В планах Тьера французская интервенция предусматривала борьбу одновременно с Доном Карлосом, левыми радикалами и англичанами с опорой на немногочисленных сторонников Марии Кристины. По этой

<sup>17</sup> Metternich de C. Mémoires et documents divers laissés par le prince de Metternich. P. 1881. P. 154. 30 juillet 1836.

<sup>18</sup> AAE. Correspondance politique. Espagne. 1836. Vol. 774. Fol. 124. Bois le Comte – Thiers, 21 août 1836.

<sup>19</sup> AAE. Correspondance politique. Espagne. 1836. Vol. 776. Fol. 127. Bois le Comte – Thiers, 29 août 1836.

причине британский кабинет выразил резкое недовольство французскими проектами интервенции, направленными одновременно против карлистов и левых радикалов, ориентировавшихся на Англию. Судя по разговорам, которые вел в Мадриде посол Дж. Виллье и другие британские агенты и которые затем повторил Ш. Буа ле Конт в своих донесениях, английское правительство, по-видимому, даже решило противодействовать французской интервенции<sup>20</sup>. Зато руководство Великобритании не усматрело бы никаких препятствий, если бы Франция отправила войска на север Испании, чтобы сражаться там с карлистами. Единственным требованием, выдвинутым британской дипломатией, был отказ Франции от намерения повлиять на работу нового испанского правительства, составленного из радикалов. В таком случае, французская интервенция только поощрялась бы британцами.

Проект французского вмешательства, предложенный Тьером (так и не реализованный по причине отставки, которую ему дал Луи-Филипп, не желавший обострять международную обстановку), в конечном итоге привел бы к открытой конфронтации с Англией. Но план англичан предусматривал военное вмешательство Франции только против войск Дона Карлоса, что обеспечило бы Англии преобладающее влияние в Испании. Позиция Англии не отвечала французским национальным интересам. Чтобы успешно бороться с английским влиянием в Испании, французское правительство не имело иных альтернатив, кроме как поддержать Дона Карлоса. Он опирался на широкую социальную базу (большую, чем у королевы-регентши), его войска добились крупных побед, в том числе и над англичанами. Дона Карлоса поддерживали континентальные европейские державы (Австрия, Пруссия и Россия), а сам он был готов ориентироваться исключительно на Францию.

Но идеологические предубеждения французского правительства в действительности также противоречили национальным интересам Франции. Правительство французских либералов во главе с А. Тьером оказывало поддержку умеренным испанским либералам ввиду схожести либерально-конституционного политического строя обеих стран. Впрочем, позиция короля Луи-Филиппа была не столь однозначна. С одной стороны, он, имея колossalное влияние на внешнюю политику Июльской монархии, согласился подписать договор о Четверном союзе, обязавший Францию вместе с Великобританией помочь правительству Марии Кристины. По этому договору в 1835 г. Франция отправила часть своего Иностранного легиона на помочь испанским либералам. С другой стороны, Луи-Филипп, на которого сильное давление оказывали

<sup>20</sup> AAE. Correspondance politique. Espagne. 1836. Vol. 774. Fol. 127. Bois le Comte – Thiers, 25 août 1836.

послы Австрии и Пруссии, стремился заключить политический союз с Австрией. Неясно, почему французский король воздержался от прямой поддержки Дона Карлоса, на стороне которого выступали все континентальные державы Европы. Возможно, он боялся негативной общественной реакции в своей стране. Но ведь это не помешало ему вынашивать планы союза с Австрией, воспринимавшиеся французским обществом крайне отрицательно. Австрия считалась главной виновницей трактатов 1814-1815 гг., вызывавших у французов чувства позора и унижения. Во всяком случае, двойственная позиция Луи-Филиппа выглядит довольно противоречивой и непоследовательной.

Французская дипломатия оказалась в тупике: Франция могла обеспечить свое влияние в Испании только путем жесткой конфронтации с Англией, которую политические круги Франции в то время рассматривали в качестве главного союзника Июльской монархии. Открытой конфронтации не произошло – Луи-Филипп отказался от интервенции, и Франция полностью потеряла свои некогда прочные позиции в Испании.

Правительство Великобритании, напротив, не боялось идти на конфликт с Францией: оно инициировало бунты, подрывало французское влияние неконституционными методами, путем диверсий. Англия проводила в Испании враждебную, неприкрыtą антифранцузскую политику, что понимали многие французские политические деятели того времени, поддерживавшие Тьера. Таким образом, Великобритания декларировала стремление к партнерским, союзническим отношениям, но фактически основной целью британской дипломатии было вытеснение Франции из Испании любыми способами. Четверной союз 1834 г., заключенный с целью совместной защиты либерального правительства Марии Кристины, на практике обеспечивал одностороннюю поддержку британцами левых радикалов, в сущности, революционеров. Военный мятеж в Ла Гранхе и принятие конституции 1812 г. – эти события означали по существу государственный переворот, санкционированный британским правительством. Левые радикалы пришли к власти нелегитимным, насилиственным путем, а не в результате парламентских выборов. Либеральная Англия фактически поддержала бунтовщиков, так же как ранее подстрекала левых радикалов к восстаниям (восстание в Малаге тому яркое свидетельство).

В 1836 г. правительство А. Тьера впервые предприняло попытку сближения с «северными дворами». До этого единственным и ключевым союзником Франции была и, по мнению французских либералов, находившихся у власти, могла быть только Англия в силу схожести политico-идеологического строя.

Показателем большой заинтересованности правительства Тьера в сближении с этими немецкими государствами была крайне сдержанная позиция, занятая Францией по Краковскому вопросу. В то время Краков был вольным городом с республиканской формой правления, аглавное—единственной независимой областью Польши. Его статус был зафиксирован статьями главного Акта Венского конгресса от 28 мая (9 июня) 1815 г. и в специальном Дополнительном договоре о Кракове от 21 апреля (3 мая) 1815 г., а остальная часть Польши, как известно, была поделена между Австрией, Пруссиеи и Россией. Вполне логично, что именно в Кракове находили убежище все поляки, подвергавшиеся преследованиям властями Австрии и Пруссии за стремление к национальному единению и независимости. Несмотря на большую осторожность Сената, управлявшего Краковской республикой, ее территория превратилась в настоящий рассадник революционеров-заговорщиков. Опасаясь возникновения беспорядков на принадлежащей ей польской территории, Австрия привлекла обе другие державы к совместной интервенции с целью изгнания оппозиционеров-поляков из Кракова.

9 февраля 1836 г. Австрия, Пруссия и Россия потребовали от краковских властей принять меры к наведению порядка. Они потребовали, чтобы в 8-дневневный срок Сенат Кракова принял решение о выдворении польских политических эмигрантов. Поскольку реакции не последовало, 17 февраля 1836 г. австрийские войска, поддержанные прусскими и русскими отрядами, вошли в Краков.

Французское правительство во главе с А. Тьером даже не осудило действия «северных держав», прибегнувших к давней практике Священного союза. Такая сдержанность объяснялась, прежде всего, стремлением Франции наладить отношения с Австрией и Пруссиеи, и таким образом отказаться от ориентации исключительно на союз с Англией. 15 апреля 1836 г. А. Тьер направил письмо французскому послу в Санкт-Петербурге П. де Баранту, которое вполне можно считать его внешнеполитической программой: «Вы говорите мне о союзах... Я являюсь сторонником союза с Англией, но без отдаления от других стран. Не нужно помещать нас между двух лагерей, один из которых состоит из трех северных дворов, другой из двух морских держав, которые из-за вражды словесной или неприязни внешней готовят себя к большей напряженности. Сегодня в Европе единственное, что можно делать, это ждать, и пребывая в ожидании, улучшать наше внутреннее положение, усиливаться, становиться богатыми и могучими. Нужно

делать то, что делал кардинал де Флери<sup>21</sup>. Чуть позднее мы это увидим; когда случится неожиданность, мы будем к этому готовы благодаря покою и длительному миру. В этом заключается моя позиция»<sup>22</sup>.

Более того, А. Тьер признавал законность требований «северных держав» и таким образом оправдывал их действия. «Я Вам скажу только, что краковское дело меня удручет. Я знаю, что действия изгнанников были гнусными, я не сомневаюсь, что Венский договор, на который ссылаются, действительно предоставляет правительствам трех держав такое право, но я сожалею, что срок, предоставленный краковским властям, не продлили на несколько дней, чтобы соблюсти со своей стороны все внешние приличия...», – писал Тьер французскому послу в Вене Л. де Сент–Олеру. Надо отметить, что Франции самой приходилось бороться с европейскими революционерами в Швейцарии, призывавшими к ниспровержению Июльской монархии, и поэтому Тьер хорошо понимал те проблемы, с которыми сталкивались австрийские власти. Возможно, это также сыграло роль в его сдержаных оценках по «краковскому» вопросу.

Оценки французского правительства по ситуации в Кракове полностью противоречили позиции английского правительства, энергично протестовавшего против действий «северных дворов». В частности, Г. Пальмерстон настойчиво предлагал Тьеру выступить с совместной нотой протеста против действий «северных дворов».

Но А. Тьер ограничился только призывом к немедленной эвакуации из Кракова войск Австрии, Пруссии и России. Он не обвинял континентальные державы в том, что их действия нарушали нормы международного права. Соответствующее указание Тьер дал французскому послу в Лондоне генералу Ф. Себастиани: «Лорд Пальмерстон, тем не менее, считает, что нельзя уклониться от демарша, поскольку иначе три двора вообразят, что можно безнаказанно завладеть маленьким государством Краковом, без того чтобы Франция и Англия не вззволновались. Я разделяю его мнение, и вот что я сделал... Представители трех дворов предприняли демарш одновременно, чтобы объявить мне и объяснить вооруженную интервенцию в Краков. Выслушав их заявления, я сказал следующее... Я не даю правовой оценки, потому что противоречия в текстах договоров, когда эти договоры не являются очевидными и неоспоримыми, приводят к чистому крючкотворству и злоупотреблению правом, и никогда никому не идут на пользу. Я ограничиваюсь обсуждением обычаев, имеющих

<sup>21</sup> Андрэ Эркюль Флери – кардинал и государственный деятель Франции (1653–1743 гг.).

<sup>22</sup> Barante baron de A. Souvenirs de baron de Barante. P. 1890. Vol. 5. P. 340-341.

силу закона (*usage de droit*). События в Кракове, к которым привело преступное поведение беженцев, достойно не меньшего сожаления, это очень прискорбно. Кроме того, я потребовал немедленного вывода войск из Кракова.... Теперь я согласен с ними (послами трех держав. – И.И.) по одному пункту, который должен помочь уладить это дело. А именно принять во Франции часть беженцев (имеются в виду польские заговорщики. – И.И.), если их не очень много...».

В целом, во Франции многие либералы осудили эту интервенцию «северных держав». Французские доктринеры отметили, что она была «новым нарушением Венского договора в отношении польской нации и движением к исчезновению одного из независимых государств, которое составляло европейскую Конфедерацию...»<sup>23</sup>.

Левые либералы осуждали не только саму интервенцию, но и требования, предъявленные «северными державами», а также одобряли отказ краковского Сената подчиниться грубому давлению: «Что доказывает несправедливость и резкость этих экстраординарных требований, так это то, что державы не соизволили, как это обычно делается, указать на конкретных людей, против которых добиваются принятия таких суровых мер. Требовали, чтобы Сенат стал доносчиком и сам бы разыскивал изгнанников, чтобы доставить их ненавидящим преследователям. Это была такая степень унижения, с которым Сенат Кракова не мог согласиться, и никакая власть не пошла бы на это в какой-либо стране, не обесчестив себя...», – писала газета Левой династической оппозиции «Курье франсэ»<sup>24</sup>.

Эта же газета выражала разочарование пассивностью французского правительства: «Господин Тьер... не протестует больше против оккупации Кракова...»<sup>25</sup>. Потребовалось некоторое время, чтобы урегулировать польскую проблему. Три «северных двора» согласились существенно сократить число поляков, подлежащих выдворению. Поляки были высланы во Францию, откуда многие позднее перебрались в США. В апреле 1836 г. из Кракова были выведены войска «северных держав».

Одним из наиболее крупных событий, которыми ознаменовалось первое правительство Тьера, была поездка принцев Орлеанского дома в Австрию и Пруссию. К их путешествию в Берлин и в Вену готовились как к важному шагу на пути к сближению с континентальными европейскими дворами. Таким образом, Франция надеялась занять более влиятельное место в пентархии.

<sup>23</sup> Le Journal des Débats. 27.II.1836.

<sup>24</sup> Le Courrier français. 8.III.1836.

<sup>25</sup> Ibid. 11.III.1836.

Эта инициатива Тьера отвечала чаяниям короля Луи-Филиппа. Его давняя мечта заключалась в том, чтобы породниться с королевскими домами континентальной Европы. Помимо прочих выгод это заставило бы европейских государей, обращаясь к нему, называть его в соответствии с традицией «братьем». Еще до 1836 г. вопрос о поездке принцев в Германию ставился несколько раз. В 1834 г. были проведены переговоры с Австрией, которая дала согласие на их приезд в Вену. Но смерть австрийского императора Франца II заставила отказаться от этого проекта.

В отличие от Тьера, предыдущий глава правительства и внешнеполитического ведомства Франции герцог В. де Бройль, не был сторонником франко-австрийского сближения, и поэтому считал невозможной свадьбу Фердинанда-Филиппа герцога Орлеанского и эрцгерцогини Марии-Терезии<sup>26</sup>. Доктринер по своим убеждениям, он не желал компрометировать свой кабинет министров несвоевременным демаршем, не рассчитывая на положительные отклики во французском обществе. Идея союза с Австрией воспринималась французским общественным мнением крайне отрицательно. Австрия считалась одной из главных виновниц унизительных трактатов 1814-1815 гг. Хотя де Бройль позволял своему послу в Вене Л. де Сент-Олеру поддерживать в разговорах с Меттернихом идею поездки принцев, на которую очень рассчитывала королевская семья Франции, сам он проявлял абсолютную незаинтересованность в этом вопросе.

Прохладное отношение де Бройля к возможности «австрийского брака» вызывало раздражение Луи-Филиппа. Поэтому проект был снова реанимирован, как только Тьер стал премьер-министром и министром иностранных дел. Корреспонденция французского посла в Пруссии Ш.-Ж. Бессона позволяет предположить, что французская сторона вступила в контакт с королем Пруссии по поводу возможной поездки принцев в Берлин уже через две недели после назначения Тьера на руководящие должности.

Французское правительство придавало очень большое значение династическому сближению с Австрией. Однако бракосочетание герцога Орлеанского и эрцгерцогини Марии-Терезии не состоялось. Многие члены австрийского императорского дома не считали возможным брак эрцгерцогини Марии-Терезии с сыном «короля баррикад». К тому же в самый разгар франко-австрийских переговоров, 25 июня 1836 г., в

<sup>26</sup>Мария-Терезия Габсбургская, Лотарингская и Тешинская (1816-1867), эрцгерцогиня Австрийская и дочь эрцгерцога Карла-Людовика Австрийского впоследствии стала женой Фердинанда II и королевой-консортом Королевства Обеих Сицилий.

Париже произошло очередное покушение на жизнь Луи-Филиппа. Как отмечал Сент-Олер в письме Тьери, это покушение имело катастрофические последствия для всего переговорного процесса<sup>27</sup>. Таким образом, попытка породнить королевские дома Франции и Австрии была сорвана.

В 1836 г. А. Тьер подверг критике сменившее его правительство Л.-М. Моле за то, что оно заявило о невмешательстве в дела других стран и отказалось от отправки французских войск в Испанию. По мнению Тьера, тем самым правительство поставило под сомнение англо-французский союз, который, по его представлению, существовал в первой половине 30-х годов XIX в.<sup>28</sup> Во второй половине 30-х годов в отношениях между Англией и Францией наступило охлаждение, которое, как считал Тьер, грозило Франции дипломатической изоляцией<sup>29</sup>.

Тьер надеялся, что Июльская монархия будет достойна величия Империи Наполеона. Но, утверждал он, для этого было недостаточно сооружения Триумфальной арки или увенчания Вандомской колонны статуей Наполеона. Тьер полагал, что только активная внешняя политика может объединить, сплотить нацию. В 1836 г. накануне своей отставки, обусловленной разногласиями с Луи-Филиппом по испанскому вопросу, Тьер написал королю весьма эмоциональное письмо: «Нигде в мире нет места для политики слабости. Избегать опасностей любой ценой – это не осторожность, а самообман... Безопасность завоевывается смелостью...»<sup>30</sup>.

В 1836-1839 гг., очевидно, представления А. Тьера о войне и мире претерпели определенную эволюцию. Изменилась и сама Франция: отошла в прошлое революция 1830 г., режим Июльской монархии заметно окреп, за рубежом Луи-Филиппа больше не считали узурпатором, французская армия превратилась во внушительную силу. Тьер был уверен, что теперь Франция должна быть более смелой. 12 января 1838 г. он заявил: «Если вам (имелись в виду члены правительства Моле. – И.И.) было необходимо в течение первых семи лет убеждать весь мир, что вы не желаете войны, то остерегайтесь

<sup>27</sup> BNF. Papiers de Thiers. NAF. № 20063. Fol. 27. Lettre de Sainte Aulaire à Thiers du 4 juillet 1836.

<sup>28</sup> Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 4. P. 356.

<sup>29</sup> Ibid. Vol. 4. P. 357.

<sup>30</sup> BNF. NAF. Papiers de Thiers. №20607. Fol. 275-279. Lettre de Thiers à général Harispe de 3 août 1836 et à comte de Rayneval de 5 août 1836.

другой ситуации, при которой вы позволите миру думать, что вы боитесь войны. Не нужно желать войны, но не нужно ее бояться»<sup>31</sup>.

Развивая эту мысль, 14 января 1839 г. Тьери призывал Л.-М. Моле преодолеть страх перед опасностью войны. Он подверг критике правительство за то, что Франция в 1839 г. вывела войска из Анконы, находившиеся там с 1832 г. По этому поводу Тьери заметил: «Вы провели эвакуацию, потому что вы – слабое правительство. Если бы вы были сильным правительством, вы попросили бы отсрочки в Риме и в Вене»<sup>32</sup>. По мнению Тьера, именно слабость французского правительства помешала сохранить союз с Англией.

Поэтому в Восточном кризисе 1839-1841 гг. А. Тьери усмотрел блестящую возможность для усиления роли Франции на международной арене. Он понял также, что Египетский вопрос может поднять престиж Июльской монархии и сплотить нацию. Тьери решил, что лучшего повода для расширения масштаба внешней политики Франции трудно подыскать.

В 1840 г. в ходе второго Восточного кризиса правительство А. Тьера впервые с наполеоновских войн противопоставило себя остальной Европе. Не выдержав давления, король отправил Тьера в отставку. Войны таким образом удалось избежать, но стратегические позиции Франции на Ближнем Востоке оказались ослаблены. Тем не менее, острый международный кризис способствовал укреплению французской армии и флота, чему активно содействовал Тьери. Именно при правительстве Тьера в 1840 г. французский военный флот был доведен до 19 линейных кораблей – столько же линейных кораблей насчитывалось в британской Средиземноморской эскадре. При этом следует учитывать, что корабли ВМФ Франции превосходили свои британские аналоги по мощности артиллерийского вооружения. Кроме того, Тьери по-настоящему напомнил французам о подзабытом величии Франции. Между прочим, это нашло выражение том, что в ноябре 1840 г. были переименованы несколько строящихся линейных кораблей: «Бусентар» стал «Ваграмом», «Диомед» — «Тильзитом», «Эоль» — «Эйлау», «Аякс» — «Аустерлицем», «Ахиллес» — «Бреслау»<sup>33</sup>.

Интересно проследить общественную реакцию во Франции на подписание европейскими державами Лондонской конвенции 3(15) июля 1840 г., носившей явно враждебный характер. Этот акт, напомнивший французам о трактатах 1814-1815 гг., был ими воспринят как прямое оскорблениие их страны. Префект парижской полиции

<sup>31</sup> Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 4. P. 242.

<sup>32</sup> Ibid. Vol. 4. P. 360.

<sup>33</sup> Hamilton C.I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870. Oxford. 1993. P. 24.

сообщал о «бурном возмущении, даже среди обычно тихих и миролюбивых людей». Парижане били стекла в британском посольстве и устраивали шумные манифестации на бульварах столицы.

Французская пресса, в том числе деловая и консервативная, пестрела вызывающими заголовками<sup>34</sup>. Даже доктринерская газета «Журналь де Деба», ранее выступавшая с примирительных позиций, писала по поводу Лондонской конвенции: «Это соглашение – проявление презрения, которого Франция не потерпит... Необходимо готовиться к войне»<sup>35</sup>. Прессы левого фланга – газеты леволиберального толка «Тан», «Съекль» и демократическая «Насьональ» – были настроены воинственно, как никогда. Вся пресса поддерживала правительство и требовала от Тьера немедленных и решительных действий. «Наш флот и армия находятся в полном распоряжении правительства... Дайте англичанам выбрать время и место... Франция сумеет им ответить как на континенте, так и в Средиземном море», – писала «Съекль»<sup>36</sup>. Газета «Насьональ» также призывала к немедленной войне с Англией<sup>37</sup>.

Немецкий поэт Генрих Гейне, живший в это время в Париже, повсюду ощущал «радостное воинственное воодушевление... За исключением легитимистов, все французы объединились под сенью триколора, и везде слышится их единодушный крик: “Война коварному Альбиону!”»<sup>38</sup>. Известный французский либерал Л. Фоше писал своему британскому адресату: «Никогда после 1830 г. я не видел такого явного и продолжительного энтузиазма... Этот национальный дух проявляется без бравад... Вы можете быть уверены, что если бы правительство не ответило энергично на Лондонскую конвенцию, то оно было бы сброшено революцией»<sup>39</sup>.

В результате Восточного кризиса 1839-1841 гг. Мухаммед Али сохранил за собой лишь Египет и обязался платить ежегодную дань турецкому султану. Новая расстановка сил на Ближнем Востоке была зафиксирована представителями всех «великих держав» (Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Франции) и Турцией в Лондонской конвенции 1(13) июля 1841 г. Новый министр иностранных дел Франции Франсуа Гизо отказался от воинственной риторики, и ему

<sup>34</sup> Tudesq A.-J. *Les grands notables en France (1840-1849): étude historique d'une psychologie sociale*. Vol. 1. P. 1964, p. 493.

<sup>35</sup> Le Journal des Débats. 29.VII.1840.

<sup>36</sup> Le Siècle. 3.X.1840.

<sup>37</sup> Le National. 26.VII.1840.

<sup>38</sup> Thureau-Dangin P. *Histoire de la monarchie de juillet*. Vol. 4. Paris. 1888. P. 232-234.

<sup>39</sup> Lettre de Léon Faucher à Henry Reeve de 2 août 1840. - Faucher L. *Biographie et correspondance*, v. 1 Paris, 1875, p. 93.

удалось постепенно сгладить противоречия с державами. Вскоре Гизо и лорд Абердин, сменивший Пальмерстона на посту главы внешнеполитического ведомства Великобритании<sup>40</sup>, провозгласили «сердечное согласие» в отношениях между обеими странами.

С 1841 по 1844 г. министерство Сульта-Гизо фактически проводило «политику уступок» по отношению к Великобритании. Зачастую Франция просто следовала в русле британской внешней политики. Например, английское правительство выступало против франко-бельгийского таможенного союза и в итоге добилось отказа Франции от его создания. В письме Тьери депутат П. Дювержье де Оран сетовал на «тупость нашей дипломатии». Он писал: «Если такая ситуация сохранится, то с нынешним правлением Франция превратится во второстепенную державу, и это разрушит институты, за которые мы боролись пятнадцать лет»<sup>41</sup>.

Во второй половине 40-х годов XIX в. обострились международные противоречия по вопросу о т.н. «испанских браках». В 1844 г. был отстранен от власти маршал Бальдомеро Эспарtero, управлявший Испанией в течение трех лет в качестве регента. Юную королеву Изабеллу, которой исполнилось 12 лет, кортесы объявили совершенолетней. Она взошла на трон под именем Изабеллы II. Французская и британская дипломатия вплотную занялись решением задача выбора супругов как для самой испанской королевы, так и для ее сестры инфанты Луизы Фернанды.

В Великобритании хотели, чтобы супругом Изабеллы II стал Леопольд Саксен-Кобургский, родственник (по супругу) королевы Великобритания Виктории. Но французы категорически возражали против этого брака. Со своей стороны, они предложили, чтобы мужем младшей сестры Изабеллы II стал герцог Монпансье, сын Луи-Филиппа, – но с тем же успехом. Лорд Пальмерстон, вернувшись на пост руководителя внешнеполитического ведомства Великобритании в 1846 г., не захотел идти на компромиссы с французской стороной. В конце концов Гизо без каких-либо согласований с английским правительством через своего посла в Мадриде договорился о свадьбе королевы Изабеллы II с ее двоюродным братом герцогом Кадисским, а инфанты Луизы Фернанды – с герцогом Монпансье.

Эта новость была встречена в Англии бурным негодованием и протестами. Если кандидатуру в мужья испанской королеве французам и

<sup>40</sup> Абердин возглавлял Форин Офис с 1841 по 1846 год, когда его сменил на этом посту лорд Пальмерстон.

<sup>41</sup> BNF. NAF. №20616. Fol. 16. Lettre de Duvergier de Hauranne à Thiers de 13 octobre 1843.

англичанам удалось согласовать путем взаимных уступок, то согласие британского правительства на брак ее сестры с французским принцем так и не было получено. Тем не менее свадьбы были сыграны, что привело к заметному ухудшению отношений между Англией и Францией.

Правительства обоих стран все больше отдалялись друг от друга. Желая избежать международной изоляции, Гизо обратил взоры на континентальные державы – Австрию Меттерниха и Россию Николая I. Но это было сделано уже тогда, когда многие французские либералы ополчились против союза с абсолютистскими правительствами. Так они отреагировали, в частности, на насильственное присоединение Кракова к Австрийской империи. Захват вольного города Кракова был, между прочим, прямым нарушением главного Акта Венского конгресса от 28 мая (9 июня) 1815 г. и специального Дополнительного договора о Кракове от 21 апреля (3 мая) 1815 г., но правительство Гизо против этого не возражало.

Как министр иностранных дел Июльской монархии Ф. Гизо, подобно А. Тьери, считал, что интересы Франции распространялись на такие страны, как Испания, Северная Италия, Швейцария и Бельгия. По его образному выражению, они образовывали «пояс» Франции<sup>42</sup>. Логично, что защитив французские интересы на Иберийском полуострове путем заключения «испанских браков», Гизо обратил особое внимание на политические процессы в Италии и Швейцарии. Обе страны заняли центральное место во французской внешней политике в последние годы существования Июльской монархии.

В июле 1847 г. в тяжелой политической ситуации оказалось Папское государство. Под предлогом защиты интересов Австрийской империи канцлер Меттерних разместил на границах папских владений войска численностью до 25 тыс. чел. Гарнизон крепости Феррары был усилен до такой степени, что комендант отказался принимать подкрепления за отсутствием для них свободного места. Французский посол П. Росси не исключал того, что этот шаг австрийского правительства мог быть воспринят итальянцами как открытая интервенция<sup>43</sup>.

В августе того же года Пий IX обратился к французскому правительству с просьбой выступить, в случае необходимости, в защиту Святого Престола силами французской эскадры, базировавшейся близ Неаполя. Росси поддержал эту просьбу. По мнению французского посла, присутствие французской эскадры у берегов Италии сдерживало бы

<sup>42</sup> Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. P. 1859. Vol. 2. P. 259.

<sup>43</sup> Guizot F. Op. cit. Vol. 8. P. 383.

экстремистские партии, ободрило бы «умеренных» и явилось бы гарантией безопасности для папского правительства. Кроме того, по словам Росси, «это соответствовало интересам и достоинству Франции». Гизо отдал соответствующий приказ принцу де Жуанвилю, командовавшему военно-морскими силами Франции.

Решение министра иностранных дел вызвало бурную реакцию во французском обществе. В адрес французского правительства вскоре посыпались обвинения в том, что дислоцированная у берегов Италии эскадра используется для защиты абсолютизма, а сам Гизо, как писала французская пресса того времени, якобы ведет секретные переговоры с канцлером К. Меттернихом о том, чтобы породнить французских Орлеанов с австрийскими Габсбургами. Напротив, представители королевского дома Франции, например, принц де Жуанвиль критиковали Гизо за пассивность. Министру даже пришлось оправдываться перед властями. В подтверждение своего усердия он представил принцу официальные депеши и частную переписку с представителями Франции в Риме, Флоренции, Неаполе, Турине и Вене.

Ф. Гизо убеждал принца де Жуанвиля в том, что французское правительство всегда поддерживало умеренные реформы в Италии. «Мы за разумный и постепенный прогресс, за либеральную политику, которая только одна способна принести благо итальянскому народу и народам соседних государств. И пусть политика французского правительства не пользуется поддержкой в Италии. Меня это вовсе не удивляет. Итальянцы хотели бы совсем другого: они хотели бы, чтобы Франция предоставила в их распоряжение материальные и людские ресурсы, чтобы с помощью французского оружия изгнать австрийцев с итальянской земли и учредить представительное правление», — писал министр. Таким образом, Франсуа Гизо считал недопустимым, чтобы Франция взяла на себя ответственность за изгнание австрийцев из Италии.

Гизо не отрицал, что действительно вел переговоры с Меттернихом, но совершенно не для того, чтобы породнить королевскую и императорскую фамилии. Целью переговоров был вывод австрийских войск из Феррары. Гизо считал, что если бы переговоры стали достоянием гласности, то это хотя и вызвало бы бурю восторга у итальянцев, фактически привело бы к разрыву отношений с Австроией. По словам министра, было бы предпочтительно, соблюдая конфиденциальность, объяснить Меттерниху, что пребывание австрийских войск в Италии только вызовет протест итальянского народа и приведет к революционному взрыву. «Я прилагал усилия к

тому, чтобы убедить Меттерниха отозвать войска из Феррары, чтобы искра Феррары не разожгла пожар во всей Италии», – писал Гизо<sup>44</sup>.

Ввод австрийских войск в Феррару Гизо считал опрометчивым шагом канцлера. Меттерних вскоре сам был вынужден признать, что Италия оказалась на грани революционного взрыва. Поддерживая протест папы римского, Франция официально потребовала от австрийского правительства очистить Феррару. В конце декабря 1847 г. австрийские войска покинули этот итальянский город. Одновременно в Риме открылась ассамблея делегатов итальянских провинций. Гизо расценил эти события как двойной успех своей итальянской политики, как несомненную победу французской дипломатии.

Тем временем в Швейцарии разразилась гражданская война, назревавшая с начала 40-х годов XIX в. Луи-Филипп, который несколько лет провел в этой стране, скептически оценивал ее перспективы: «Швейцарским народом правит дух радикализма, он вечно вынашивает планы создания великого государства. В период кризиса швейцарцы неспособны выйти из него самостоятельно и создать свое правительство. Порядок в стране устанавливается только благодаря вмешательству иностранных держав». Тем не менее король советовал своему министру «не вмешиваться во внутренние дела Швейцарии, равно как и не допускать подобного вмешательства со стороны других государств»<sup>45</sup>.

На Венском конгрессе правительства союзных держав гарантировали Швейцарии нейтралитет, а принятый 7 августа 1815 г. Федеральный договор заменил Акт о посредничестве, изданный пожизненным консулом Бонапартом 19 февраля 1803 г. Этим документом и руководствовался Гизо в проведении своей швейцарской политики. Гизо считал, что Швейцария не вправе вносить в него изменения в одностороннем порядке и что для этого необходим созыв общеевропейского конгресса. Вместе с тем, Гизо признавал, что Федеральный договор нуждается в некоторых исправлениях. По мнению французского министра, для более эффективной работы центральной власти конфедерация должна расширить ее полномочия.

В гражданской войне в Швейцарии Гизо встал на сторону католиков, хотя сам исповедовал протестантизм. По его мнению, именно католики представляли собой ту консервативную силу, на которую впоследствии могла бы опереться Франция<sup>46</sup>. В конечном итоге в войне победили протестантские кантоны, но просчеты французской дипломатии заслонила собой революция 1848 г.

<sup>44</sup>Ibidem. P. 386.

<sup>45</sup>Guizot F. Op. cit. Vol. 8. P. 417.

<sup>46</sup>Ibid. P. 431.

Уместный вопрос: как политическая оппозиция во Франции отзывалась о внешней политике Гизо, предлагала ли она какую-либо альтернативу его курсу?

Признанным лидером парламентской оппозиции в 40-е годы XIX в. являлся А. Тьери. Разницу между собой и Гизо он усматривал в том, что для последнего главным было сохранение мира в Европе, причем, любой ценой, тогда как сам он стремился прежде всего вернуть Франции былое величие, утраченное с подписанием трактатов 1814-1815 гг.<sup>47</sup> Путем несложных умозаключений можно прийти к выводу, что, по мысли Тьера, величие Франции не могло быть достигнуто мирным путем и что величие не было равнозначно миру. Но судя по его высказываниям, Тьери затруднялся с ответом на вопрос, могла ли Франция воевать с европейскими державами в 40-е годы XIX в.? А если не могла, то какой особый смысл он вкладывал в понятие величия?

И это не единственный пример непоследовательности Тьера. Разочаровавшись в перспективах союза с Англией, Гизо начиная с 1846 г. стал добиваться сближения с «северными дворами». Казалось бы, Тьери, также убежденный в невозможности поддержания союза с Англией (хотя ему удалось заключить союзный договор во время своего первого министерства), должен был в этом поддержать действующего министра. Тем более что в 1836 г. Тьери сам выступал за сближение с Австрией и Пруссией. Но Тьери министра не поддержал. После 1840 г. Тьери ни разу не высказывался в пользу более тесных отношений с континентальными державами Европы. Вероятно, неудачная попытка подружиться с Австрией, имевшая место в прошлом, заставила его в целом пересмотреть отношение к перспективам франко-австрийских отношений.

Логику Тьера понять трудно. С одной стороны, он убедился, что позиции Франции и Англии по различным проблемам мировой политики расходятся, несмотря на сходство их конституционно-политического строя. С другой стороны, он не раз подчеркивал в своих выступлениях, что «северные дворы» не хотели войны с Францией. Неужели он не понимал, что именно на востоке Европы перед Францией открывается широкий простор для дипломатического маневра? Однако в 40-е годы XIX в. Тьери даже не рассматривал возможность сближения с Австрией, Пруссией и Россией. Представляется, что основной причиной такой позиции являлось неприятие им государственно-политического строя этих стран.

Таким образом, Тьери, по сути, предлагал Франции отказаться от союзов с «великими державами», добровольно уйти в дипломатическую

<sup>47</sup> Thiers A. Discours parlementaires de m. Thiers. Vol. 5. P. 544.

изоляцию. Особенно нелепой и недостижимой выглядит идея Тьера о сотрудничестве с Англией по вопросам политических реформ в Европе в 1846-1848 гг. Представляется, что Тьер был довольно слабым внешнеполитическим аналитиком и слабо разбирался в тонкостях дипломатии. Тьер также плохо понимал, что в условиях Европы 30-40-х годов XIX в. Франция могла бы достичнуть внешнеполитических успехов только благодаря трудной и кропотливой работе, тщательному поиску союзников по тем или иным отдельным вопросам, а не бряцанием оружием и популистскими лозунгами. В годы Июльской монархии Тьер так и не выдвинул никакой реалистической внешнеполитической программы, особенно бесплодными в этом отношении оказались 40-е годы.

Вместо этого в феврале 1847 г. Тьер с трибуны палаты депутатов французского парламента заявил о поддержке швейцарских радикалов, о восхищении папой римским, который туманно обещал провести либеральные реформы в своих владениях. Он даже аплодировал мудрости прусского короля Фридриха Вильгельма IV, вдруг пообещавшего своему народу конституцию, несмотря на явное неудовольствие канцлера К. Меттерниха<sup>48</sup>.

Тьер, как и многие его сторонники, явно поддался обольщению. Он не отдавал себе отчета в том, что этот акт прусского короля был направлен лишь на усиление прусского влияния в Северной Германии и в Рейнских землях, что обещание конституции отнюдь не было равнозначно действительному введению хартии о свободах. Удивительно, но факт: 31 января 1848 г. Тьер, постоянно осуждавший Пальмерстона и британскую внешнюю политику на протяжении первой половины 40-х годов, принял неумеренно восхвалять и превозносить этого деятеля<sup>49</sup>. Около того же времени он с пламенным призывом обратился к итальянским революционерам с трибуны палаты депутатов: «Итальянцы, будьте едины! Народы, принцы – будьте едины! Пьемонтцы, тосканцы, римляне, неаполитанцы, – будьте едины!»<sup>50</sup>.

Однако революционный энтузиазм, который Тьер испытал в начале 1848 г., быстро сменился горьким разочарованием от разразившейся во Франции демократической революции. В период Второй республики (1848-1852 гг.) он возглавил консервативную «партию порядка», выступавшую за подавление демократического движения.

Идеологические предпочтения французского правящего класса оказывали большое влияние на дипломатию Июльской монархии. В

<sup>48</sup> Ibid. P. 423-424.

<sup>49</sup> Ibid. P. 493.

<sup>50</sup> Ibid. P. 513-514.

области внешней политики она ориентировалась на Великобританию, главным образом на основании сходства общественно-политических систем обеих стран и вопреки тому, что это объективно вредило французским национальным интересам. То же можно сказать и об испанской политике Июльской монархии. Тьер и Гизо исходили из убеждения, что Франция должна доминировать на Пиренеях. Но они старались опереться на «идеологически близких» себе умеренных либералов, которые в Испании влиятельной силой отнюдь не являлись. Там доминировали две политические группировки – радикалы, которых поддерживало британское правительство, хотя старалось это не афишировать, а также легитимисты, которым симпатизировали консервативные державы. При таком раскладе политических сил в Испании французская дипломатия, чтобы действительно рассчитывать на успех, должна была бы поддержать легитимистов. Но это претило французской либеральной элите, которая пришла к власти в результате Июльской революции 1830 г., свергнувшей легитимную династию Бурбонов. По сути французские либералы оказались заложниками собственной идеологии.

Мешали французской дипломатии и действия Луи-Филиппа, который часто вмешивался во внешнеполитические дела без согласования с правительством – тайком сносился с послами в других странах, отправлял своих агентов, чрезмерно осторожничал и, что немаловажно, не всегда отделял национальные интересы Франции от интересов королевского дома Орлеанов. Примером тому могут служить «испанские браки» 40-х годов: брак принца из Орлеанского дома на испанской инфанте ничего не принес Франции, кроме ухудшения отношений с Англией. Попытка породниться с Габсбургами в 1836 г. также едва ли сулила какую-либо выгоду самой Франции.

Но в целом нельзя не признать, что в годы Июльской монархии французскому правящему классу удалось улучшить положение Франции в Венской системе международных отношений. Ни с кем не согласованная оккупация французскими войсками Анконы в 1832 г. и роль, взятая на себя Францией в период второго Восточного кризиса, отчетливо показывают, что это страна отказалась служить простым инструментом в руках победителей наполеоновской империи. Напротив, она все активнее выступала на международной арене как самостоятельный актор, как государство, к мнению которого были вынуждены прислушиваться другие державы.

Вместе с тем следует отметить, что при всем недовольстве трактатами 1814-1815 гг. правительство Июльской монархии в конечном счете приняло действующие правила игры и старалось повысить статус

Франции в рамках сложившейся системы международных отношений. Правда, оно двигалось к этой цели большей частью небольшими шажками. Горячую фазу второго Восточного кризиса 1839-1841 гг. следует рассматривать скорее как исключение из общего правила. Глава правительства Тьер, которому не давали покоя лавры его кумира Наполеона, начал действовать более энергично, чем его предшественники. Особого успеха он не добился, но и большого вреда международным позициям Франции тоже не причинил. Трещину, наметившуюся в союзе пяти держав в результате его действий, удалось быстро устраниить. Это свидетельствовало, помимо прочего, о гибкости Венской системы международных отношений, которая оставляла державам достаточно широкое поле для маневра и компромиссов в области внешней политики.

ВЕНСКАЯ СИСТЕМА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИТУРЫ  
В «ЕВРОПЕЙСКОМ КОНЦЕРТЕ»  
(К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ  
И КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

THE VIENNA SYSTEM: NATIONAL PARTS IN THE  
"EUROPEAN CONCERT" (ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP  
BETWEEN NATIONAL INTERESTS AND COLLECTIVE SECURITY)

**Ключевые слова:** Венская система, пентархия, «европейский концерт», коллективная безопасность, национальные интересы, Июльская революция, Восточный вопрос, революция 1830 г. в Бельгии, Крымская война.

**Keywords:** The Vienna system, the pentarchy, "the European concert", collective security, national interest, July revolution, the Eastern question, the 1830 revolution in Belgium, the Crimean war.

**Аннотация:** Цель статьи заключается в том, чтобы уточнить соотношение национальных интересов и возможности их согласования с интересами общеевропейской безопасности в рамках Венской системы международных отношений. Международные отношения в последние десятилетия напоминают европейскую политику XIX в., когда национальные интересы и соотношение сил определяли дипломатическую игру, включая образование и распад союзов. Отсюда закономерный интерес к истории Венской системы, воплощавшей идею многополярности, в соответствии с которой политические решения принимались всеми участниками «европейского концерта». Венская система выдержала испытание целым рядом серьезных международных кризисов и локальных конфликтов, среди которых затяжной Восточный кризис 1820-х гг., Июльская революция 1830 г., создание независимой Бельгии и обострение Восточного вопроса на рубеже 1830—1840-х гг. Во всех этих испытаниях сложнейшие вопросы удавалось разрешать за столом переговоров, не доводя дело до всеобщей войны. Венская система оказалась весьма гибкой конструкцией, снабженной механизмом сдержек и противовесов. При наличии неизбежных противоречий внутри «европейского концерта» интересы сохранения мира в течение долгого времени преобладали над частными выгодами и рискованными искушениями. Однако балансирование между национальными интересами и европейской стабильностью было очень шатким, поскольку интересы разных стран редко совпадают полностью, а безопасность одной из них

воспринимается другими как угроза самим себе. Кроме того, устойчивость Венской системы была обусловлена более или менее благоприятным соотношением между внутрисистемными противоречиями и способами их разрешения, хотя бы и временного. Это соотношение сохранялось до тех пор, пока в сознании политиков реальная польза от всеобщего мира перевешивала предполагаемые выгоды от всеобщей войны. Когда политики стали думать иначе, разразилась Крымская война, которая разрушила Венскую систему и привела к изменению расстановки сил в Европе.

***Abstract:** The purpose of the article is to study the correlation and the possibilities of harmonization of national interests with the European security in the framework of the Vienna system of international relations. In recent decades, the international relations resembled much the European politics of the 19th century, when national interests and changing balance of power determined the diplomatic game including formation and disintegration of alliances. It is therefore important to analyze the history of the Vienna system, which was based on the idea of multipolarity, according to which political decisions were taken together by all the participants of the "European concert". The Vienna system stood the test of serious international crises and local conflicts: the protracted Eastern crisis of the 1820s, the July revolution of 1830, the declaration of Belgian independence, the aggravation of the Eastern question at the turn of the 1840s. Nevertheless, all these complex issues were dealt with at a negotiating table without recurring to a general war. The Vienna system proved to be a very flexible construction with a built-in mechanism of checks and balances. In spite of inevitable contradictions inside the "European concert", the desire of preserving a long-lasting peace prevailed over particular benefits and risky temptations. However, the balance between national interests and European stability was very shaky since the interests of different countries did not coincide and security of any of them was sometimes perceived as a threat to the others. In addition, the stability of the Vienna system was due to a favorable ratio between its inherent contradictions and the methods used to resolve them though temporarily. This ratio was preserved as long as the politicians around Europe thought it more useful to keep peace than to recur to a general war. When they had changed their minds the Crimean war broke out. It destroyed the Vienna system and disrupted the balance of forces in Europe.*

Современные международные отношения отличает не только беспрецедентная динамика, но сложность и многомерность. Биполярный мир холодной войны канул в Лету, и на смену ему пришла не монополярность, а динамично развивающаяся новая международная система, многополюсная и многомерная. Международные отношения в последние десятилетия все больше напоминают европейскую политику

XIX в., когда традиционные национальные интересы и соотношение сил определяли дипломатическую игру, а также образование и распад союзов. Поэтому закономерен интерес к Венской системе международных отношений, основанной именно на многополярности, когда политические решения принимаются несколькими участниками «европейского концерта».

Венская система оказалась весьма гибкой конструкцией, снабженной механизмом сдержек и противовесов. При наличии неизбежных противоречий внутри «европейского концерта» интересы сохранения мира в течение долгого времени преобладали над «частными видами» и рискованными искушениями.

Система равновесия сил не предполагала предотвращения кризисов или даже войн, она лишь ограничивала масштабы конфликтов и возможности одних государств господствовать над другими. Целью ее был не столько мир, сколько стабильность и умеренность. Пентархия, как средство предотвращения катаклизмов, проявила свою эффективность. Там, где Россия заведомо не могла опереться на Священный союз (в частности на Австрию), она искала и находила партнеров вне его. Так же поступали и другие страны.

Венская система выдержала испытание целым рядом серьезных международных кризисов и локальных конфликтов, но сумела предотвратить всеобщую войну. Это и восточный кризис 1820-х гг., и события бурного начала 1830-х гг., и очередное обострение Восточного вопроса на рубеже 1830 — 1840-х гг. Во всех этих испытаниях сложнейшие вопросы удавалась решать за столом переговоров. Идея лорда Р. Каслри о периодическом созыве общеевропейских конгрессов неожиданно для многих дипломатов и политиков оказалась плодотворной.

В середине 1820-х годов на основе компромисса и предварительных переговоров была решена острые греческая проблема. Она не повлекла за собой большой войны, хотя условия для этого были. Заинтересованность держав, в первую очередь России и Англии, в сохранении статус-кво в Европе оказалась выше взаимных противоречий. И хотя малая — русско-турецкая — война все же произошла, она носила скорее характер согласованной (между Россией, Англией и Францией) меры принуждения против Османской империи в условиях, когда остальные способы воздействия на нее были исчерпаны. В результате на политической карте Европы появилось новое государство (Греция), а Дунайские княжества вместе с Сербией получили значительную долю самостоятельности. На первый взгляд, это выглядело как нарушение Венских договоров. Но даже если это так, то ревизии подверглась не европейская система в целом, а ее баланская, в какой-то степени периферийная часть. Можно сказать, что

«европейский концерт» сыграл турецкое «рондо» более или менее слаженно именно потому, что османские дела как бы по умолчанию изымались из сферы действия Венских соглашений.

В 1830 г. появилась новая угроза «европейскому концерту», теперь уже в лице одного из членов пентархии, а именно Франции. Идеи «экспорта революции» и разрушения Венской системы были дороги огромному количеству французов. Июльская революция распалила в них тлевшую обиду за поражение 1815 г. и способствовала распространению во Франции «наполеоновской легенды».

Европейские монархи отчетливо понимали, что революционный пожар, разгоревшийся в одной стране, мог с легкостью преодолеть национальные границы. Именно так и произошло в 1830 г.: Июльская революция стала катализатором революционных событий в Бельгии, Польше, Итальянских государствах.

Вот как резюмировал позицию европейских монархий по отношению к деятелям Июльской революции орлеанист Ж.-Б. Капефиг: «Делайте во Франции все то, что от вас требуют ваши собственные интересы и ваши прихоти; рано или поздно опыт докажет вам, что нет безопасности без порядка, как нет власти без сильного правительства. Свои эксперименты ограничьте пределами собственных границ; всякая попытка перенести их на внешнюю арену будет предотвращена. Повсюду, где на нашей территории вспыхнет революция, мы подавим ее своими армиями. Если вы вмешаетесь, это будет означать войну; войну не только с одной из нас, но со всей континентальной Европой, поскольку речь идет об общем благе монархов»<sup>1</sup>.

Вместе с тем европейские лидеры четко осознавали, что без участия Франции стабильность в Европе была невозможна: изолированная, и, как следствие, нестабильная Франция всегда оставалась бы очагом возмущений, пропаганды, катализатором революционного брожения в европейских государствах. Поэтому в течение сентября — октября 1830 г. король Луи Филипп и возглавляемый им политический режим были признаны всеми государствами Европы, за исключением португальского короля дона Мигеля, которого Франция со своей стороны не признавала законным монархом, и герцога Моденского, категорически отказавшегося признать власть, порожденную революцией<sup>2</sup>. Император Николай I, поначалу намеревавшийся организовать вооруженную интервенцию во Францию с целью восстановления власти Карла X, и уже направивший

<sup>1</sup> Capéfigue J.-B. Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. T. 1–2. Bruxelles, 1836. T. 1. P. 248–249.

<sup>2</sup> Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 266.

миссии в Берлин и Вену для выяснения возможностей проведения совместной вооруженной операции, 18 сентября также был вынужден признать Луи Филиппа. Несмотря на трепетное отношение к самодержавным принципам, российский государь был политиком весьма рациональным и понимал, что изолированная и обиженная Франция вновь могла стать очагом потрясений, опасным для спокойствия всей Европы. Это в свое время понимали и участники Венского конгресса: побежденная Франция — главный возмутитель спокойствия и агрессор — тогда не подверглась унижению, а уже в 1818 г. была возвращена в состав «европейского концерта». Впрочем, идея реванша была популярна во Франции все время с 1815 по 1853 гг.

Непременным условием возвращения Франции в «европейский концерт» являлось признание ею существовавшего в Европе статус-кво, а именно системы международных отношений, регламентированной решениями Венского конгресса. Так, например, император Николай I в письмах Луи Филиппу подчеркивал: «В согласии с моими союзниками я удовлетворен принятым Вашим Величеством решением поддерживать отношения мира и дружбы со всеми европейскими государствами. Пока они будут основаны на существующих договорах и на твердом убеждении уважать как права и обязательства, как и территориальное состояние, Европа получит гарантию мира, так необходимого для спокойствия самой Франции»<sup>3</sup>.

Орлеанисты, то есть умеренные либералы, сторонники режима короля Луи Филиппа Орлеанского, управлявшие Францией в годы Июльской монархии (1830—1848), стремились сохранить место Франции в «европейском концерте». Они должны были доказать, что Франция является страной со стабильной внутриполитической системой, не вынашивает планов ревизии Венской системы, является полноправным партнером европейских держав, заинтересованным в сохранении европейского равновесия сил и в предотвращении возможности новых социальных потрясений в Европе. Принятие короны из рук революции явилось первым и последним революционным актом Луи Филиппа: девизом всего его царствования служили слова: «Свобода и порядок». Несмотря на службу в революционной армии и прозвище «король баррикад», Луи Филипп не был радикалом. Он не хотел разжигать пожар войны в Европе; самым большим его желанием было добиться признания его короны другими европейскими монархами. Он надеялся добиться этого с помощью миролюбивой внешней политики. Король так говорил по этому

<sup>3</sup> Архив внешней политики Российской империи (*Далее – АВПРИ*). Ф. 133. Оп. 469. Д. 88. Л. 23. Проект письма российского кабинета королю французов; копия письма Николая от 18 сентября 1830 г. Л. 28.

поводу: «Франция оставила истории достаточно памятников своей военной славы, чтобы добавить к ним трофеи не менее славный — быть гарантом мира во всем мире и гарантом спокойствия человечества»<sup>4</sup>. Газета «Le Journal des Débats», официальный орган французского правительства, так писала о необходимости проведения миролюбивого внешнеполитического курса: «Французская революция началась с всеобщей войны; закончиться она должна миром. Революции 1830 г. нужны мир и порядок; иначе, вместо того, чтобы привести к победе свободы, она приведет к победе деспотизма»<sup>5</sup>.

Итак, пентархия была восстановлена, Франция во главе с королем Луи Филиппом допущена в «европейский концерт», однако европейским лидерам предстояло вместе решить острую проблему — бельгийскую.

Вслед за Июльской революцией 25 августа 1830 г. вспыхнула революция в Брюсселе, охватившая почти все крупные бельгийские города и приведшая к отделению Бельгии от Голландии и образованию самостоятельного государства<sup>6</sup>. 4 октября Временное правительство в Брюсселе объявило о полном отделении своей страны от Нидерландского королевства и низложении голландского короля Вильгельма I.

После безуспешных попыток подавить бельгийскую революцию собственными силами король Нидерландов обратился за помощью к правительствам Великобритании, Австрии, Пруссии и России. Несмотря на то, что симпатий к мятежным бельгийцам никто из лидеров этих стран не испытывал, большого желания помочь нидерландскому монарху в усмирении «мятежников» ни у кого, кроме российского государя, не возникло. Николай I, по его собственным словам, собирался бороться даже «не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается»<sup>7</sup>. Военному министру графу А.И. Чернышеву было приказано привести русскую армию в состояние полной боевой готовности, часть войск была направлена к западным границам России. Как отмечал вице-канцлер граф К.В. Нессельроде, «император уже отдал приказы, чтобы 60-тысячный контингент был сосредоточен на границе империи. Он готов выступить туда, где его присутствие будет

<sup>4</sup> Louis Philippe. Pensées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l'état. Paris, 1850. P. 236.

<sup>5</sup> Le Journal des Débats. 1831. 23 septembre.

<sup>6</sup> В 1815 г. согласно решениям Венского конгресса Бельгия, вопреки своим экономическим интересам, языку, религии, была насильственно объединена с Голландией в королевство Нидерландов. Таким образом, было создано буферное государство в целях противодействия возможным реваншистским намерениям со стороны Франции.

<sup>7</sup> Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 287.

необходимо»<sup>8</sup>. Царская «угроза» была, однако, невыполнимой во всех отношениях: и войска для этого не были готовы, и казна едва ли выдержала бы подобное испытание, и без предварительного соглашения, по крайней мере с соседними дворами, самодержец действовать в данном случае никак не мог.

В результате бельгийско-голландский конфликт был перенесен за стол переговоров в Лондоне. В работе Лондонской конференции, открывшейся в октябре 1830 г., участвовали представители Великобритании, Австрии, Пруссии и России. Несмотря на то, что первоначально участие Франции в работе конференции не предполагалось, поскольку Вильгельм I обратился за помощью к четырем другим державам (которые на Венском конгрессе и санкционировали присоединение Бельгии к Голландии), Франция была представлена на конференции князем Ш.-М. Талейраном. Результатом работы Лондонской конференции явилось признание суверенитета Бельгии 20 декабря 1830 г. и провозглашение ее вечного нейтралитета 20 января следующего года. Нидерландское правительство, долго не желавшее признавать независимость Бельгии, в итоге было вынуждено согласиться с позицией великих держав<sup>9</sup>.

В решении бельгийского вопроса проявилась готовность тогдашних лидеров к консенсусу и усмирению своих амбиций ради сохранения общего мира, пусть даже ценой ревизии решений Венского конгресса. Император Николай I отказался от идеи вооруженной интервенции и был вынужден признать Бельгию. К осторожным действиям российское правительство вынудила и решительная позиция Франции. Кабинет графа Л. Моле (11 августа — 2 ноября 1830 г.), объявив о невмешательстве во внутренние дела Бельгии, одновременно заявил, что Франция не допустит интервенции и любого другого государства. 29 августа 1830 г. Моле писал представителю Франции в Брюсселе: «Франция и ее правительство никогда ни прямо, ни косвенно не будут вмешиваться во внутренние дела других государств, по крайней мере до тех пор, пока этот принцип будут уважать все кабинеты»<sup>10</sup>. Все это было вынуждено учитывать российское правительство. К.В. Нессельроде, в частности, отмечал: «Посылая помочь королю Нидерландов, мы должны выполнить двойную задачу: помочь

<sup>8</sup> АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 37. Л. 210.

<sup>9</sup> Бельгийский вопрос оставался открытым еще несколько лет; в итоге Вильгельм дал согласие на договор, подписанный в Лондоне 21 мая 1833 г. и устанавливавший между Бельгией и Нидерландами *modus vivendi* в духе договора Двадцати четырех статей, заключенного в Лондоне 15 октября 1831 г.

<sup>10</sup> Цит. по: *Demoulin R. L'influence française sur la naissance de l'Etat belge // Revue Historique*. 1960. Janvier–mars. P. 16.

привести подданных к повиновению и не допустить, чтобы наша интервенция привела бы к всеобщей войне»<sup>11</sup>.

Франция, всегда проявлявшая самый серьезный интерес не только к будущему Бельгии, но и к ее территории (в 1830 г. во французском обществе и в правящих кругах были очень популярны идеи аннексии Бельгии или, по крайней мере, части ее земель), в целях сохранения европейской стабильности отказалась от реваншистских планов. Как бы ни хотел Луи Филипп укрепить свое влияние в Бельгии, 17 февраля 1831 г. он был вынужден торжественно отказаться от бельгийского престола для своего сына герцога Немурского, отдавая себе отчет в том, что с его кандидатурой никогда не согласится Великобритания. Как отмечал министр иностранных дел Франции О.-Ф. Себастьяни, «французское правительство... понимало, что для того, чтобы получить и сохранить корону, придется прибегнуть к войне»<sup>12</sup>. Действительно, английский кабинет министров заявил о немедленном начале войны в случае, если Франция признает избрание герцога Немурского королем Бельгии<sup>13</sup>. Вместе с тем лидеры четырех держав пошли на уступки Франции в вопросе о выборе супруги для нового короля Бельгии Леопольда Саксен-Кобургского<sup>14</sup>. Ею стала дочь Луи Филиппа Луиза-Мария и, таким образом, Франция получила хотя бы моральное удовлетворение. Да и с выбором Леопольда европейские лидеры не прогадали: ему была уготована роль европейского посредника и миротворца. Связанный династическими узами как с Францией, так и с Великобританией, бельгийский король не раз выполнял посреднические функции, пытаясь урегулировать англо-французские отношения в моменты острых международных кризисов.

Отказавшись от идеи присоединения Бельгии к Франции, французское правительство сосредоточило свои усилия на развитии экономических связей между двумя странами, тем более что Бельгия являлась третьей страной по размеру торгового оборота с Францией. В 1830 — 1840-е гг. внимание французских властей было приковано к идее заключения договора о таможенном союзе с Бельгией. Однако эта идея не была реализована: свой резкий протест заявила Великобритания, не без оснований опасавшаяся превращения экономического союза в

<sup>11</sup> АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 37. Л. 271.

<sup>12</sup> Le Moniteur universel. № 263. 1831. 20 septembre. P. 1627.

<sup>13</sup> Terlinden Ch. Histoire de la Belgique contemporaine. 1830—1914. Т. 1—3. Bruxelles, 1928. Т. 1. Р. 60.

<sup>14</sup> Россия в итоге согласилась с кандидатурой принца Леопольда, хотя в принципе этот выбор ее не устраивал: во-первых, Леопольд был известен своими либеральными взглядами, во-вторых, он был тесно связан с Англией и, вероятно, с Францией.

политический. В конце 1842 г. кабинет Р. Пиля заявил, что он не может допустить заключения франко-бельгийского союза<sup>15</sup>. Английское правительство, действуя в полном согласии с австрийским и прусским, заявило, что три державы, если будет необходимо, прибегнут к войне, лишь бы не допустить заключения союза<sup>16</sup>. Луи Филипп и либералы-орлеанисты пошли на эту уступку, исходя из идеи приоритетности сохранения «сердечного согласия» с Великобританией не только как гарантии общеевропейского мира, но и как способа решения Францией собственных национальных задач. Но широкие круги французской общественности осудили этот шаг как очередное пренебрежение национальными интересами.

Действительно, англо-французская Антанта в значительной степени была фактором, определяющим стабильность в Европе. Ради сохранения партнерских отношений с Великобританией Франция зачастую была вынуждена идти ей на уступки. Так было в упомянутом Бельгийском вопросе. Так было в необычайно раздутом «деле Притчарда» в 1844 г., когда из-за действий бывшего английского консула на Таити и его ареста французскими военными моряками между двумя странами могла разразиться самая настоящая война. В том же году Франция отказалась от идеи расширения своих владений в Северной Африке и заключила мир в Танжере, не потребовав от марокканского правителя ни территориальных, ни материальных компенсаций.

Французы переживали эти события не иначе как национальное унижение. Однако несоответствие между правительственным курсом и национальными чаяниями вполне объяснимо. Французы в то время продолжали жить в плену «наполеоновской легенды», неосторожно разбуженной Луи Филиппом. Поэтому компромиссный, умеренный курс правительства воспринимался как слабый и угоднический. Тем более, что правительство всегда заявляло о своей приверженности Венской системе, в то время как широкие круги общественности, и не только республиканской, настаивали на упразднении ненавистной системы договоров 1814–1815 гг.

Наиболее четко внешнеполитическая концепция либералов-орлеанистов была сформулирована Ф. Гизо, с 1840 по 1848 гг.

---

<sup>15</sup> Бельгия, говорилось в заявлении английского кабинета, была объявлена нейтральным государством; ее союз с Францией представлял бы собой скрытую форму протектората; она рисковала бы потерять свою независимость; кроме того, заключение франко-бельгийского договора, по мнению английского правительства, противоречило духу трактатов 1815 г.

<sup>16</sup> Renouvin P. Histoire des relations internationales. T. 1–8. P., 1953–1958. T. 5. Paris., 1954. P. 185.

занимавшего пост министра иностранных дел в кабинете Н. Сульта, а, по сути, являвшегося настоящим главой правительства. Гизо исходил из осознания того факта, что страх войны и революции лежал в основе недоверия, испытываемого европейскими государствами по отношению к Франции. Следовательно, чтобы Франция смогла занять достойное место в «европейском концерте», необходимо было убедить европейских монархов в ее миролюбии, в отсутствии у нее экспансионистских устремлений. Он полагал, что, несмотря на систему договоров, ненавистную большинству французов, Франция остается великой державой, имеющей древнюю историю и высокий уровень интеллектуального развития. Венский конгресс установил в Европе легитимный порядок, который лучше принять, чем постоянно с обидой оспаривать. В противовес общественному мнению, орлеанисты полагали, что Франция должна выполнять договоры 1814–1815 г., чтобы другие державы признали ее как силу мира и порядка, а не войны и разрушения. Гизо считал, что Франция, придерживаясь такой политической программы, со временем займет достойное место в европейской системе. Выступая в Палате депутатов 29 января 1848 г., он так говорил о внешнеполитической линии Франции: «Мы рассматриваем договоры 1815 г. как основу европейского порядка. Мы утверждаем, что эта политика соответствует интересам как Франции, так и Европы»<sup>17</sup>. Правда, меньше чем через месяц режим Луи Филиппа был сметен революцией.

Гизо сожалел, что критика Венской системы начиная с 1815 г. стала во Франции признаком патриотизма. По его мнению, тенденция выступать против договоров 1815 г. и утверждать, что цель внешней политики Франции состоит в их аннулировании, питала во Франции ложные надежды, а в остальной Европе — напрасные опасения. Он соглашался, что со временем Венская система должна меняться. Но эти изменения, утверждал он, «могут быть легитимными только после их обсуждения и принятия всеми державами, подписавшими Венские договоры»<sup>18</sup>.

Между тем, позиция либералов-орлеанистов была не столь однозначна. Всячески подчеркивая свою верность Венской системе, на практике они, по сути, способствовали ее раскачиванию. Заявляя о своей приверженности «сердечному согласию» с Великобританией и воспринимая его не как самоцель, а как средство укрепления позиций Франции в Европе, Гизо пытался создавать союзы государств под эгидой Франции как альтернативу английскому доминированию: это и попытка заключения таможенного союза с Бельгией, и идея создания средиземноморской лиги, и концепция «точек опоры» в Океании. Действуя

<sup>17</sup> Guizot F. L’Histoire parlementaire de la France. T. 1—5. Paris, 1863—1864. T. 5. P. 543.

<sup>18</sup> Ibid. T. 5. P. 286.

осторожно, в рамках Венской системы, Франция пыталась найти компромисс между целью сохранения всеобщего мира и своими национальными интересами.

Еще один узел противоречий, который предстояло распутывать коллективно, считаясь не только со своими интересами, но и с общеевропейскими — это Польский вопрос, вставший особенно остро в самом начале 1830-х гг. Французы считали, что Польша спасла их от интервенции русских войск после Июльской революции, поскольку внимание Николая I было поглощено польскими делами. Более того, восстание в Польше принуждало царское правительство к умеренности в европейской политике, дабы оградить себя от попыток вмешательства западных держав во «внутренний» конфликт. Этим объясняется, в частности, уступчивость Николая по Бельгийскому вопросу.

В Польском вопросе лидеры пентархии вновь были вынуждены пойти на взаимные уступки. Несмотря на очевидные симпатии к полякам, английское и французское правительство воздержались от оказания повстанцам вооруженной поддержки, опасаясь прямого столкновения с Россией. Европейские монархи, допустив ревизию Венской системы в отношении Бельгии, прекрасно осознавали, что только статус-кво в Польском вопросе позволит сохранить общеевропейский мир. Поэтому французский кабинет, возглавляемый К. Перье, выступил с предложением о коллективном дипломатическом демарше держав: в Россию должна была отправиться делегация представителей европейских стран, чтобы, как писал посол России во Франции граф К.О. Поццо ди Борго, «Его Величество услышало жалобы поляков и окончило это важное затруднение, если возможно, без кровопролития»<sup>19</sup>. Кроме того, французское правительство аргументировало необходимость скорейшего урегулирования польского вопроса начавшейся эпидемией холеры, которую было невозможно остановить по причине продолжающихся военных действий<sup>20</sup>. Однако инициатива французского правительства была встречена в России с большим недовольством. В ответ на французскую инициативу Поццо ди Борго заявил Луи Филиппу, что «императорский кабинет остается непреклонным в своем решении не позволить ни Франции, ни какой-либо другой державе вмешиваться во внутренние дела России»<sup>21</sup>. Спустя некоторое время французское и английское правительства пошли на предоставление восставшим полякам, как бы мы

<sup>19</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 197. Л. 105. Донесение К.О. Поццо ди Борго от 1(13).01.1831.

<sup>20</sup> Там же. Д. 199. Л. 57. Депеша К.О. Поццо ди Борго князю Х.А. Ливену от 1(13).06.1831.

<sup>21</sup> Там же. Л. 153–153 об.

сейчас сказали, «гуманитарной помощи», а также политического убежища на своих территориях<sup>22</sup>. Во Франции и Великобритании сложились крупнейшие центры польской эмиграции. Характерно, что люди победнее – солдаты, крестьяне, дворовые, – попавшие за границу, большей частью осели в Галиции и Пруссии, а более состоятельные потянулись на Запад — в Швейцарию, Бельгию, Англию, но преимущественно во Францию. К концу 1831 г. в Париж прибыло 80 высокопоставленных поляков из числа бывших депутатов, сенаторов, журналистов. Всего во Франции к 1 января 1832 г. нашли убежище 2828 польских эмигрантов<sup>23</sup>.

В конце 1830-х гг. европейское равновесие вновь было поставлено под угрозу очередным витком Восточного кризиса, связанным с конфликтом между турецким султаном и пашой Египта Мухаммедом Али. Французское правительство, возглавляемое А. Тьером, попыталось в обход держав достигнуть двустороннего соглашения между пашой и султаном, попутно укрепив позиции Франции не только в Египте, но и в Сирии. В результате Франция оказалась в изоляции: 15 июля 1840 г. без ее участия державы подписали Лондонскую конвенцию. Сын короля Луи Филиппа принц Жуанвильский заметил по этому поводу: «Легкость, с которой все европейские правительства объединились, чтобы нанести моральное поражение Франции в деле египетского паша, указывает на состояние латентной враждебности всех этих правительств по отношению к нашей стране». Он указал и на политico-идеологические причины этой враждебности: «Мы должны четко понимать: Июльское правительство, в силу своего происхождения, всегда останется в глазах европейских монархий правительством революционным, то есть враждебным, какой бы мудрой и смелой ни была бы политика короля, моего отца»<sup>24</sup>.

---

<sup>22</sup> Французское правительство даже выделило средства для оказания помощи польским политическим эмигрантам. Благодаря этому французские власти получили возможность «в порядке заботы» о наилучшем устройстве эмигрантов удалить из столицы всех тех поляков, которые не имели средств и были вынуждены пользоваться субсидиями французского правительства. Это было сделано на основании циркуляра главы правительства К. Перье от 23 ноября 1831 г., который воспрещал полякам въезд в Париж. Циркуляр предписывал префектам северных и восточных департаментов предоставлять польским эмигрантам пособия на первое время (от имени французского правительства было ассигновано 2 млн фр., причем максимальное пособие составляло 300 фр. в месяц и предназначалось для генералов, минимальное, полагавшееся солдатам, служившим при офицерах, составляло 22 фр. в месяц) и отправлять военных в Авиньон, а гражданских в Шатору. Позднее в провинциальных городах были созданы так называемые «польские депо». См: Ратч В.Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 г. Вильна, 1866. С. 15.

<sup>23</sup> Тамже. С. 14–15.

<sup>24</sup> Joinville, prince de. Vieux souvenirs. 1818—1848. Paris, 2008. P. 193.

Во Франции, значительная часть населения которой мечтала о реванше, начались лихорадочные военные приготовления. Согласно королевским ордонансам, численный состав армии значительно увеличивался. Предписывалось сформировать 12 новых пехотных полков, 10 стрелковых батальонов и 6 кавалерийских полков. Численность флотских экипажей была увеличена на 10 тыс. человек. На верфях в большом количестве строились новые корабли (5 линейных кораблей, 13 фрегатов и 9 паровых судов).

Был образован комитет для разработки плана возведения укреплений вокруг Парижа, заседания которого происходили ежедневно. Предполагалось окружить город непрерывной линией укреплений и построить еще несколько фортов в отдалении от него. Все работы предстояло завершить до весны следующего года, на эти цели было ассигновано 100 млн фр., планировалось нанять 50 тыс. рабочих<sup>25</sup>. Ордонансом от 13 сентября правительство, не дожидаясь созыва палат, предоставило кредит на возведение вокруг Парижа крепостной стены и ряда отдельных фортов.

Страсбургскому арсеналу предписывалось построить понтоны и отлить как можно большее количество полевых орудий. В Камбре, Валансьене и Лилле получили приказ вооружить крепости за две недели<sup>26</sup>. Как отмечалось в журнале «Русский вестник», не только во Франции, но и по всей Европе «господствовало убеждение, что стоило только французскому правительству открыть клапан, и революционный ураган распространился бы по Европе...»<sup>27</sup>.

Николай I, пойдя на заключение Лондонской конвенции 1840 г. и стремясь изолировать Францию, в то же время стремился избежать общеевропейской войны. В официальном отчете министерства иностранных дел России за 1841 г. отмечалось: «У нас нет никакого чувства враждебности по отношению к Франции, у нас нет никакого интереса помешать ей выйти из изоляции». Однако в документе подчеркивалось, что Франция должна «вернуться в европейский концерт весьма обеспокоенной тем, что если она снова захочет занять позицию, противоположную взглядам других кабинетов, то она встретит их согласованный и единодушный протест»<sup>28</sup>. Император Николай I, понимая все опасности, которые могли исходить от изолированной Франции,

<sup>25</sup>Сын отечества. 1840. Т. 5. С. 174.

<sup>26</sup>Там же.

<sup>27</sup>Феоктистов Е.В. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский вестник. 1868. Т. 73. № 1–2. С. 70.

<sup>28</sup>АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 10. Л. 204.

считал небесполезным ее «проучить» и эксплуатировал возникшие в ходе Восточного кризиса противоречия, не доводя их до крайности.

В итоге державы смогли найти дипломатическое решение и этого сложного вопроса. Луи Филипп призвал к власти рассудительного Ф. Гизо, который сумел вернуть страну в «европейский концерт». Франция отказалась от поддержки притязаний египетского паши, но сохранила в Египте прочные позиции. А, главное, Европа в очередной раз избежала всеобщей войны. Но, к сожалению, то, что удалось европейским монархам в 1841 г., у них не получилось спустя двенадцать лет.

Крымская война со всей очевидностью продемонстрировала слабость системы коллективной безопасности. Интересы отдельных стран редко совпадают полностью, а безопасность одной воспринимается другими как угроза («дилемма безопасности»). Устойчивость Венской системы была обусловлена более или менее благоприятным соотношением между внутрисистемными противоречиями и способами их устраниния, хотя бы и временного. Это соотношение сохранялось до тех пор, пока в сознании политиков реальная польза от всеобщего мира перевешивала потенциальные выгоды от всеобщей войны. Когда в их сознании весы качнулись в другую сторону, разразилась Крымская война. Николай I и Наполеон III не проявили осторожности, которую ранее оказался способен Луи Филипп. Крымская война показала, что мнимые интересы возобладали над реальными угрозами, личные эмоции — над трезвым расчетом. Она разрушила Венскую систему и привела к изменению расстановки сил в Европе. Однако основы Венского урегулирования обладали большим запасом прочности и продолжали действовать даже в совершенно иной geopolитической обстановке.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЫ  
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

CONSERVATIVE VALUES OF THE VIENNA SYSTEM  
OF INTERNATIONAL SECURITY

**Ключевые слова:** Российская империя, история России, дипломатия, Венская система международной безопасности, консерватизм, христианские ценности.

**Keywords:** Russian Empire, Russian history, Diplomacy, The Vienna system of international security, Conservatism, Christian values.

**Аннотация:** Венская система международной безопасности, основанная в 1815 году, базировалась на идеологии христианского консерватизма, которая оказывала значительное влияние на реальную политику великих держав того времени.

**Abstract:** The Vienna system of international security, founded in 1815, was based on the ideology of Christian conservatism that had a significant impact on the real policy of the great powers of the time.

Венский конгресс определил геополитическую конфигурацию Европы и магистральные направления большой политики на несколько десятилетий вперед. Россия на Венском конгрессе играла роль государства, получившего преобладание на Европейском субконтиненте и активно участвующего в решении крупнейших международных проблем. Мнение императора Александра I и ведущих русских дипломатов оказались фактором преимущественного политического воздействия. Позднее, до начала Крымской войны 1853—1856 гг., отмечается мощное влияние России в Европе. Политические рецепты, которые предлагала Российская империя, реализовывались в международной политике на деле.

14(26) сентября 1815 г. российский император Александр I, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III подписали учредительный акт Священного союза. Вскоре к ним присоединился французский король Людовик XVIII и другие государи Европы. Главными задачами Священного союза мыслилось сохранение мира, незыблемости границ, установленных в Вене, и решительная борьба с любыми выплесками темной революционной стихии.

Священный союз на долгое время установил режим, который можно считать системой международного равновесия, основанной на христианском консерватизме и политическом легитимизме. Исходящие

от России идеи здорового консерватизма на протяжении 35 лет сдерживали разрушительное революционное движение и наполняли политику гармоничным традиционализмом, противостоящим социальной деструкции. Россия играла роль гаранта безопасности в общеевропейском доме. Созданный по ее инициативе Священный союз долгое время поддерживал мир и порядок на огромном пространстве.

Чаще всего в деятельности Священного союза видят один только политический интерес, «геополитический вектор». Действительность была гораздо сложнее. Идея Священного союза имела христианскую подоплеку; рассматривать ее вне христианского фундамента вряд ли оправданно. Суть Священного союза в значительной степени состояла в последовательной и осознанной поддержке ценностей политического традиционализма, а не просто в решении задач, которые ставил перед монархами «текущий момент». Знаменитый советский академик Е.В. Тарле, написавший соответствующую главу в популярном издании «История дипломатии», очень хорошо это понимал. По его словам, «...в историю европейской дипломатии Священный союз вошел как сплоченная организация с резко очерченной клерикально-монархической идеологией, созданная на основе идеи подавления революционного духа и политического и религиозного свободомыслия, где бы они ни проявлялись»<sup>1</sup>.

Разумеется, в наши дни слова «клерикальный», «монархический» и прочие термины, служившие в СССР негативными политическими ярлыками, воспринимаются совсем иначе: у этих определений появился очевидный положительный оттенок. Но, так или иначе, речь идет о религиозной и традиционалистской «начинке» Священного союза.

Для ряда политиков акт создания Священного союза был не более чем декларацией о намерениях, сдобренной христианской риторикой, но лишенной четких правил взаимодействия подписавших ее сторон. Однако эти правила были сформулированы в ходе конгрессов, на которые собирались участники Священного союза, а также в личном общении монархов. Кроме того, «декларация о намерениях» не только возвышала христианскую этику как идеал для государей Европы в их международной политической деятельности, но и была отражением тех идеологических концептов, которые реально влияли на политику монархов (как минимум, на политику Александра I и, позднее, Николая I).

Император Александр I в молодые годы проявлял мировидение «просвещенного европейца», вольнодумца и даже порой признавался

<sup>1</sup> Тарле Е.В. От создания Священного союза до Июльской революции // История дипломатии. Т. 1. / Под ред. В.П. Потемкина. М. 1941. С. 385.

доверенным лицам в добрых чувствах по отношению к республиканству. Таким воспитал его наставник – швейцарский философ и убежденный республиканец Ф. Лагарп. А вот законоучитель и духовник у будущего государя, священник А.А. Самборский был человеком совсем других убеждений. Он долгое время жил в Англии, любил вместо иерейской одежды носить светскую, брил бороду, обожал агрономические эксперименты и состоял членом Вольного экономического общества. Но несмотря на внешний «либерализм», он проявлял твердость в вере и был защитником устоев православия от «суеверий века сего». Просвещенность сочеталась в нем с благочестием. Известна переписка между о. Андреем и Александром I, из которой видно уважительное отношение императора к своему наставнику<sup>2</sup>.

До Отечественной войны 1812 г. Александр I в большей мере обнаруживал свойства личности, которые мог развить в нем Лагарп, – как в политике, так и в вере. Делами религиозными император интересовался очень мало. В кресло обер-прокурора (чиновника, надзирающего над православным духовенством) он посадил князя А.Н. Голицына, неверующего и весьма скверно относившегося к Церкви. Позднее император говорило собственной молодости: «Я был, как и все мои современники, не набожен»<sup>3</sup>.

Но семена, посеянные в его душе Самборским, пусть и не сразу, но все-таки дали всходы. Переворот в личности государя совершился в тот момент, когда «просвещенная Европа» под знаменами наполеоновской «Великой армии» ворвалась в пределы России. Наполеоновские войска – это ведь не только полчище завоевателей, это еще и выплеск жгучей революционной силы, а вместе с ней и едкого атеизма. Куда бы они ни являлись, всюду брали в руки молот и безжалостно крушили чужие святыни.

Впоследствии Александр I писал: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до сих пор не ощущал. Тогда я познал Бога, как Его описывает Священное Писание. Во мне созрела твердая решимость посвятить себя и свое царствование Его имени и славе»<sup>4</sup>. С тех пор монарх российский каждый день обращался к Священному Писанию, находя в нем утешение и совет. Весной 1814 г., пребывая во главе русской армии, он молился на пасхальной службе в Париже, на месте,

<sup>2</sup>Письма протоиерея А.А. Самборского к императору Александру I и князю А. Н. Голицыну (1806-1810 гг.) // Христианское чтение. 1894. № 6. С. 432—447.

<sup>3</sup>Тальберг Н.Д. История Русской церкви. Holy Trinity Monastery; Jordanville; N.Y. 1959. С. 725.

<sup>4</sup> Тальберг Н.Д. История Русской церкви... С. 728.

где революционеры отрубили голову королю Людовику XVI. А это уже серьезная политическая демонстрация, а не только личное дело монарха.

До конца жизни Александр I вел себя не только как глубоко верующий человек, но и как деятельный православный политик. В 1818 г. в частном письме император признался: «Возносясь духом к Богу, я отрешился от всех земных наслаждений. Призывая к себе на помощь веру, я приобрел такое спокойствие, такой мир душевный, какие не променяю на любые блаженства здешнего мира»<sup>5</sup>.

Когда закладывались первые камни в основание Священного союза, христианская основа общего политического дела была очень хорошо видна современникам.

В акте, учреждавшем это сообщество, говорилось: «Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы! Их величества (далее перечислялись титулы трех монархов. – Д.В.)... восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо... образ внешних отношений подчинить высшим истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость... в управлении вверенными им государствами... и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководиться не иными какими-либо правилами как заповедями... святой веры, заповедями любви, правды и мира...»<sup>6</sup>

Далее упоминалось Священное Писание в качестве духовной основы для деятельности Союза. Те, кто вошел в него, должны были рассматривать друг друга как членов единого христианского народа, поставленными «от Провидения» на укрепление общего «семейства».

По словам историка И.В. Курукина, «...для Александра I этот акт означал не только окончательную победу над врагом, но и начало новой эры, создание, говоря современным языком, “общеевропейского дома”, правители и народы которого объединены отныне общеевропейскими христианскими ценностями и должны помогать друг другу в борьбе против любых европейских потрясений»<sup>7</sup>.

«Священный союз» был любимым детищем российского императора. Именно Александр I, а не кто-либо другой из монархов того времени проявил более всего политической воли к его созданию и к поддержанию его жизнеспособности. Через семь лет, в 1822 г., царь

<sup>5</sup>Шузель-Гуфье С. Исторические мемуары об Императоре Александре и его дворе // Державный сфинкс. М. 1999. С. 299 — 300.

<sup>6</sup>Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами // Сост. Ф. Мартенс. Том IV. Часть I. Трактаты с Австроией, 1815--1849. СПб. 1878. № 99.

<sup>7</sup>Курукин И.В. Романовы. М. 2013. С. 375-376.

сказал одному из французских дипломатов: «Провидение предоставило в мое распоряжение восемьсот тысяч солдат не для удовлетворения моего честолюбия, а для того, чтобы я покровительствовал религии, морали и справедливости»<sup>8</sup>. Таким образом, отношение императора к главной идеи «Священного союза» с течением времени не менялось.

Могучую военную силу своей страны он постарался использовать с той целью, чтобы отношения между крупнейшими государствами Европы строились на основе христианского братства.

Глядя из ХХI в., может показаться, что государь пытался соединить несоединимое. Но было ли с тех пор в мировой политике предложено что-нибудь лучшее? Все прочие системы международного равновесия неизменно приводили к мировым войнам и чудовищным колониальным бояням. На протяжении всего ХХ в. Европу сотрясали кровавые столкновения. Так, может быть, проблема не в том, что русский царь был наивен, а в том, что мир упустил отличную возможность прекратить сползание к ужасающим кризисам?

Священный союз отличался редким для транснационального политического института долголетием, в том или ином виде он продолжал существовать и в 1840-х годах (о дате окончательного разрушения ведутся дискуссии). Но даже после распада Священного союза как высшего объединения монархов – хранителей мира и покоя – идея его отнюдь не была исчерпана. К ней время от времени возвращались, до конца XIX столетия она влияла на умы европейских политиков и государей.

В 1825 г. трон перешел к младшему брату Александра I – Николаю, который с детских лет носил в сердце прочную веру. По его собственным словам, «...лучшая теория права – добная нравственность, и она должна... иметь своим основанием религию»<sup>9</sup>. Во время Холерного бунта 1831 г. государь, встав в экипаже перед большой толпой, стыдил ее именем Господа, требовал обратиться к Церкви и на коленях просить у Бога прощения за грехи. Народ послушался монарха.

В делах внешней политики российский монарх точно так же проявлял себя как христианин и консерватор. Император Николай I говорил: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни». Именно так воспринимал

<sup>8</sup>Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. IV. С. 259, 475-476.

<sup>9</sup>В октябре 1847 года, возлагая на статс-секретаря барона М. А. Корфа обязанность преподавать великому князю Константину Николаевичу правоведение, император Николай, среди прочего, сказал ему и эту фразу. – Н.Д[убровин Н.Ф.] Несколько слов в память императора Николая I // Русская Старина. 1896. № 6. С. 449-470.

свой долг правителя Николай Павлович, притом не только в отношении России, но и в отношении Европы. В советское время его любили бранить «жандармом Европы», а ведь, по совести говоря, Николай I являлся для Европы часовым – именно часовым, а не жандармом, – как и для Российской империи.

К 1830 г. относится собственноручная записка императора – яркое откровение о тех началах, которых он придерживался во внешней политике. Иногда ее называют «политической исповедью». Среди прочего там сказано: «Географическое положение России столь счастливо, что оно делает ее почти независимой, когда речь заходит о ее интересах, от происходящего в Европе; ей нечего опасаться; ей достаточно границ и ничего не нужно в этом отношении... Кто осмелится нас атаковать? А если и осмелится, то я найду надежную опору в народе, который смог бы оценить такую позицию и наказать, с Божьей помощью, дерзость агрессоров»<sup>10</sup>.

Революция была ему противна – точно так же, как и его покойному старшему брату. В ней император видел безусловное зло. Не потому только, что революция означает большую кровь, а в первую очередь из-за того, что она уничтожает веру, нравственность, традиционные устои общества, порождает всеобщую вражду.

Напротив, идею союза монархов, следящих за соблюдением закона и порядка в Европе, идею, которая так важна была для Александра I, Николай Павлович называл «священным огнем». Пока можно было реализовать ее хотя бы отчасти, Николай I делал все, чтобы она не умерла. Император, по его собственным словам, ожидал «...момента, когда должна разразиться борьба между справедливостью и инфернальным началом». Тогда Россия, благородно сберегавшая этот «священный огонь», должна была стать «знаменем» справедливости<sup>11</sup>.

Русское общество устами поэта Ф.И. Тютчева выразило свои ожидания намного точнее, чем сам император: от государя ждали, что он создаст «великую православную Империю, законную Империю Востока». А царь гораздо больше хотел сохранения мира и законного порядка. Если Александр I смотрел на отношения России и Европы глазами европейца, хотя бы и российского государя, то Николай I стоял на точке зрения русского, для которого интересы своей страны и угрозы, нависшие над нею, были важнее всего, происходящего в Европе. Но было в их политической позиции и определенное сходство. По словам

<sup>10</sup> Николай I и его время: документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1. М. 2000. С. 113-114.

<sup>11</sup> Николай I и его время: документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1. М. 2000. С. 114-115.

О.И. Елисеевой, в политике Николая I «...истинное наследие старшего брата состояло не в заключенных альянсах, а в умении быстро ориентироваться “на местности”», – т.е., исходя из постоянно меняющейся международной обстановки<sup>12</sup>.

Любопытно, что в отношении Греческого вопроса, т.е. вопроса об освобождении православной Греции от османского ига, два императора занимали разные позиции. Александр I обращал внимание прежде всего на своекорыстные устремления Англии, стремившейся превратить Грецию в свою «область влияния», развить там революционно-либеральное умонастроение, подорвать власть турецкого монарха, – и все это не из христианских побуждений, а из соображений экономического интереса. Поэтому русский император сначала в принципе не поддержал идею англичан об отторжении Греции от Османской империи, а затем выдвинул собственный план ее освобождения – довольно сложный, но отводивший в этом процессе роль не одним англичанам, но и другим великим державам Европы. Со своей стороны, Николай I сумел найти точки соприкосновения с британцами по «греческому вопросу», мысля категориями чисто российских интересов (что получит Россия в обмен на исполнение английских планов на юге Балкан?), а не общеевропейского баланса.

Иными словами, к Священному союзу Николай I относился с заметно большим хладнокровием, чем его старший брат, и не стремился растрачивать ресурсы России на какие-либо крупномасштабные проекты в Европе ради прекрасных, но трудно осуществимых идей.

Но и после того, как Священный союз перестал существовать, Николай I в отношении Пруссии и Австрии по-прежнему проводил рыцарственную политику христианского братства.

Когда в 1848–1849 годах по Европе прокатилась волна революций, Николай I ввел русские войска в Венгрию и силой оружия сбил там революционную волну. Император не хотел терпеть очаг хаоса близ границ России, тем более что в венгерской «революционной армии» массовое участие принимали польские мятежники, вышедшие из пределов Российской империи.

Но главная причина ввода императорской армии на территорию Австрийской империи заключалась в другом. Николай I, прежде всего, выполнял свой духовный и союзнический долг. Венгрия была тогда частью Австрийской империи, и монарх-брать – император австрийский Франц Иосиф I – попал в беду. Венгерские революционеры раскалывали

<sup>12</sup> Елисеева О.И. «Точная копия» или «нельзя сравнивать». Тень Священного союза над декабристским Петербургом 1825 года // Россия и Европа. 200 лет после Венского конгресса. М. 2015. С. 77.

державу, кровь лилась рекой, Срединная Европа могла на долгие годы превратиться в огненный ад. Лишь в ответ на отчаянную просьбу юного Франца Иосифа о помощи из Петербурга пришло монаршее повеление войскам: перейти границу.

Австрийский монарх заключил с Николаем I Варшавский договор 29 мая (10 июня) 1849 г., в соответствии с которым русские войска получили законное право действовать в пределах Австрийской империи, подтвержденное верховной властью этой страны. Введение «вспомогательных» войск на территорию Венгрии по просьбе австрийского императора фактически представляло собой *миротворческую операцию* с удачным исходом.

За несколько месяцев костер, пылающий в центре Европы, был потушен, кровавый хаос уступил место твердому порядку. Россия не напрашивалась на тяжелую и опасную роль миротворца. Европа сама просила ее принять на себя это бремя.

В 1850-х годы длительная эпоха, когда Россия была самой могущественной силой в Европе и одновременно главным гарантом ее спокойствия, ушла в прошлое. Умер Николай I, а большая Крымская война страшно рассорила Российскую империю с великими державами Европы. Создание в 1856 г. новой системы международного равновесия – Парижской – означало отстранение России на долгий срок от весомого участия в важнейших европейских делах. Это привело к ряду масштабных войн, в том числе Франко-прусской, закончившейся для одного из творцов Парижской системы военной и политической катастрофой.

Позднее никто из крупных политических деятелей Европы не пытался положить христианское братство в основу международных отношений.

Много ли от этого приобрело человечество?

Две мировых войны.

Поэтому вопрос о том, следует ли встроить в современный «концерт» отношений между европейскими странами элементы Венской системы образца 1815 г., отнюдь не выглядит политически наивным.

В настоящее время Европа находится в состоянии тяжелого политического и экономического кризиса. Яркими его проявлениями являются недавний референдум о долгах Греции, тяжелое состояние экономики в Испании и ряде других европейских стран, неготовность Европы дать внятный ответ на проблемы, связанные с массовой иммиграцией, а также вооруженный конфликт на Украине. Россия в настоящее время представляет собой значительную политическую силу, притом самостоятельную. Снова она более не объект, а субъект мировой политики. И как таковой она способна *предложить цельное мировидение, основанное на христианском консерватизме и способное лечь в основу новой системы международного равновесия*.

БЕЛЬГИЙСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ  
КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЫ

BELGIAN NEUTRALITY  
AS FACTOR OF STABILITY OF THE VIENNA SYSTEM

**Ключевые слова:** нейтралитет, Бельгия, внешняя политика малого государства, Наполеон III, Леопольд I

**Keywords:** neutrality, Belgium, foreign policy of a small state, Napoleon III, Leopold I

**Аннотация:** Создание в 1830 г. бельгийского независимого государства нарушило европейский статус-кво, установленный Венским конгрессом. Чтобы вписать независимую Бельгию в Венский международный порядок, великие державы придали ей статус постоянно нейтрального государства. Это решение всецело отвечало потребностям Венской системы международных отношений. Бельгия должна была играть роль буфера, содержащего экспансионистские намерения Франции. При поддержке держав-гарантов она могла противостоять любой внешней агрессии. С 1830 г. Париж предпринимал неоднократные попытки вовлечь Бельгию в орбиту своего влияния, которые неизменно терпели поражение. Бельгийский нейтралитет являлся фактором сохранения территориального статус-кво в Западной Европе, и, следовательно, поддержания европейского баланса сил. Реализация экспансионистских намерений Парижа непременно привела бы к всеобщему европейскому конфликту, так как в войну оказались бы вовлечены другие державы, связанные гарантиями в отношении бельгийского нейтралитета. Таким образом, вплоть до начала Первой мировой войны нейтралитет являлся эффективным фактором обеспечения безопасности Бельгии и стабильности системы в целом.

**Abstract:** By the creation of Belgium in 1830 the European status quo established in Vienna was violated. To include this new independent state into the Vienna system of international relations, great powers imposed on it a status of permanent neutrality. This decision widely met the needs of the system itself. Belgium had to act as a buffer state, capable to contain the expansionist intentions of France. In case of aggression, it could rely on the powers responsible to guarantee its neutrality. Beginning from 1830 Paris more than once attempted to include Belgium into sphere of France's influence, but constantly failed. Belgium's neutrality acted as a factor of conservation of territorial status-quo in Europe and in consequence of the

*European equilibrium. The realization of the French expansionist intentions would certainly have led to a general European conflict because the other powers committed to guarantee the neutrality and territorial inviolability of Belgium would have been involved in it. Thus, until the beginning of World War I neutrality was an effective factor of Belgium's independence and the stability of the Vienna system in general.*

Действия малых стран на международной арене, как правило, рассматриваются сквозь призму политики крупных держав. Бельгия не исключение – ее внешняя политика, роль в международных отношениях остаются за рамками большинства исследований, посвященных ключевым проблемам европейской политики.

Между тем в развитие Венской системы международных отношений Бельгия внесла значительный вклад – вот почему изучение истории ее внешней политики в XIX в. представляет большой интерес. Речь идет не только о том, чтобы восстановить историческую справедливость и воздать должное малому государству. Благодаря своему нейтральному статусу, подкрепленному международными гарантиями, Бельгия занимала особое положение в Венской системе. Это позволило ей сыграть в истории международных отношений более важную роль, чем предполагали ее скромные – по сравнению с могущественными соседями – возможности.

25 августа 1830 г. в Брюсселе состоялась премьера оперы Д. Обера «Немая из Портичи». Сюжет, основанный на реальных событиях восстания против испанского господства в Неаполе середины XVII в., вызвал у публики живой отклик: бельгийцы с 1815 г. находились под ненавистным им владычеством нидерландского короля. И когда в конце пятого акта со сцены раздалось громогласное «К оружию!», зрители восприняли слова главного героя как сигнал к бунту. Вот так театрально началась современная история Бельгии<sup>13</sup>.

Восстание в Брюсселе привело к революции и возникновению на карте Европы нового суверенного государства. Однако независимость Бельгии была признана великими державами не сразу. По задумке дипломатов, заложивших фундамент Венской системы, бельгийские территории входили в состав Королевства Объединенных Нидерландов, которому была отведена роль буфера против Франции. Поэтому его судьба прямо затрагивала интересы государств Центральной Европы, а также грозила последствиями в целом международному порядку, учрежденному в 1814–1815 гг. Поэтому более года т.н. Бельгийский

---

<sup>13</sup> Evenements de Bruxelles et des autres villes du Royaume des Pays-Bas. Paris, 1830. P. 10.

вопрос являлся предметом крайней озабоченности европейской дипломатии.

Сами французы не скрывали удовлетворения в связи с Бельгийской революцией. Венская система с самого начала вызывала их нарекания, поскольку основные ее создатели и игроки целенаправленно проводили политику сдерживания Франции. Париж не пожелал оставаться в стороне от событий, происходивших в соседнем государстве. В сентябре 1830 г. в Бельгию был направлен батальон французских добровольцев для поддержки бельгийской революции. Французский политик и публицист Н.-А. де Сальванди по этому поводу писал: «Как сильно мы желаем того, чтобы препятствия на пути к бельгийской независимости исчезли! Великие державы заставили этот народ стать барьером против Франции, теперь же он может превратиться во французский барьер против Европы»<sup>14</sup>.

Было ясно, что угроза легитимному порядку, учрежденному на Венском конгрессе, исходила не только от бельгийской революции, но и от Франции, которая, воспользовавшись этой революцией, могла поглотить небольшое слабое государство, едва успевшее обрести независимость. На эти вызовы европейская дипломатия нашла адекватный ответ. Державы сочли, что лучший способ сохранить существующий баланс сил и «вписать» независимую Бельгию в Венскую систему – это придать ей статус нейтрального государства<sup>15</sup>.

Вопрос о международно-правовом признании бельгийского государства решался на Лондонской конференции держав в 1830-1831

---

<sup>14</sup> De Salvandy N.-A. Seize mois, ou La révolution et les révolutionnaires. Paris, 1831. P. 225.

<sup>15</sup> В международном праве термин «постоянный нейтралитет» впервые употребляется в отношении Швейцарии. В 1546 г. она выступила с первой официальной декларацией о нейтралитете, а в 1674 г. швейцарский парламент объявил этот статус политическим принципом. Венский конгресс принял Декларацию о делах Гельветического союза, в которой признавался постоянный нейтралитет Швейцарии. В 1815 г. постоянно нейтральным был признан город Краков. Что касается Нидерландов, то Соединенные провинции следовали нейтральному внешнеполитическому курсу еще с начала XVIII в. Созданное по решению Венского конгресса Королевство Объединенных Нидерландов также придерживалось политики неучастия в европейских делах. И в целом, с 1839 г. и до 1940 г. нейтралитет был непрерывной линией нидерландской внешней политики. Нидерландский нейтралитет носил фактически пассивный характер. Он свидетельствовал об уменьшении роли самих Нидерландов в системе европейских государств. Таким образом, европейская дипломатия к 1830 г. уже обладала опытом ряда разновидностей нейтралитета. Случай Бельгии, однако, являлся особым (sui generis), так как ее нейтралитет был вынужденным, даже навязанным другими европейскими державами.

гг.<sup>16</sup> Нейтральное положение Бельгии было юридически закреплено 15 ноября 1831 г. в «Двадцати четырех статьях» – договоре между пятью великими державами – участниками Лондонской конференции (Францией, Великобританией, Россией, Австрией и Пруссией) и Бельгией. Согласно этому постановлению Бельгия становилась нейтральным государством, нейтралитет которого гарантировался 5-ю державами<sup>17</sup>. В этом качестве Бельгия должна была занять место, ранее принадлежавшее в международной системе Королевству Объединенных Нидерландов<sup>18</sup>.

Институт нейтралитета, понимаемый как один из инструментов сохранения мира, часто звучал в политическом дискурсе XIX в., в котором большое внимание уделялось моральным аспектам международных отношений. Эта тема была весьма созвучна идеям «концерта держав» и их ответственности за урегулирование противоречий в международно-политической жизни Европы. Решение Бельгийского вопроса стало одним из ярких достижений «европейского концерта». Несмотря на острые разногласия, великие державы смогли найти взаимоприемлемый, конструктивный выход из, казалось бы, тупиковой ситуации.

Нейтралитет Бельгии со времени возникновения этого независимого государства являлся одним из инструментов, используемых для поддержания стабильности Венской системы. С самого начала он оказывал сдерживающее влияние на Францию, политика которой в отношении ее восточных и северо-восточных соседей при иных обстоятельствах была бы гораздо менее предсказуемой. Франция не посмела посягнуть на бельгийский нейтралитет даже в условиях европейских революций середины XIX в., которые замахнулись на легитимизм – основополагающий принцип Венской системы, – и представляли собой потенциальную угрозу балансу сил. В дальнейшем, на протяжении 1852–1871 гг., именно агрессивная политика Наполеона III была одним из мощных разрушительных факторов системы.

Стабилизирующая функция нейтралитета впервые проявила себя еще в 30-е годы XIX в., когда Франция, не отказавшаяся от намерения включить Бельгию в орбиту своего влияния, попыталась сблизиться с

---

<sup>16</sup>Protocols of conferences in London, relative to the affairs of Belgium. London, 1832. PP. 8, 82.

<sup>17</sup>Recueil des Traités et Conventions concernant le royaume de Belgique / par D. G. De la Vega. Brux., 1850-1870. Vol. 1. P. 26.

<sup>18</sup>Correspondance inédite du Prince De Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne / par M. C. Pallain. Paris, 1881. P. 454.

ней на экономической почве. В 1836 г. министр финансов Франции Ш. Дюшатель представил на рассмотрение бельгийскому правительству проект таможенного союза между обоими государствами<sup>19</sup>. Одновременно заключить с Бельгией таможенный союз пожелала и Пруссия. Многие страны были крайне заинтересованы в экономическом сотрудничестве с Брюсселем: выгодное географическое положение, удобные торговые порты и сравнительно емкий внутренний рынок делали Бельгию привлекательной для промышленных и торговых кругов Нидерландов, Франции, Англии, Пруссии и Австрии. Париж отреагировал болезненно на попытки Пруссии наладить прочные коммерческие связи с Бельгией. «Если Франция первая не установит тесные торговые отношения с Бельгией, то последней придется повернуться лицом к Пруссии, чего допустить нельзя», – писал один французский автор<sup>20</sup>. За сотрудничество с Бельгией в торговых делах развернулись настоящие дипломатические бои.

Проект союза, предложенный Парижем, предполагал установление весьма тесных экономических связей между обоими государствами, что, несомненно, повлияло бы и на внешнюю политику Брюсселя. В случае успеха переговоров Бельгию удалось бы подчинить французским интересам. И тогда она едва ли справилась бы с ролью буфера Европы против Франции. Это грозило нарушением европейского баланса сил, что неблагоприятно повлияло бы на устойчивость Венской системы международных отношений.

Однако Брюссель отказался заключать таможенный союз с Францией, так как политический подтекст подобного договора явно противоречил принципам постоянного нейтралитета, которого должна была придерживаться Бельгия. Именно по этой причине ни в 30-е годы, ни позже бельгийское правительство не решилось войти в таможенный союз с каким-либо государством, ограничившись скромными соглашениями с Францией и Пруссией<sup>21</sup>.

За соблюдением нейтралитета Бельгией строго следил и Лондон. Англия была не просто одним из гарантов бельгийского нейтралитета, но страной, весьма заинтересованной в его сохранении. Когда переговоры между Францией и Бельгией были в самом разгаре, глава Форин офис лорд Дж. Абердин предупредил короля бельгийцев

<sup>19</sup> De Ridder A. La crise de la neutralité belge de 1848. Le dossier diplomatique. T. 1. Brux., 1928. P. 109.

<sup>20</sup> Houry C.B. Études sur les relations commerciales entre la France et la Belgique. Paris., 1844. P. 21-22.

<sup>21</sup> Juste Th. Memoirs of Leopold I, king of the Belgians. From unpublished documents. Vol. II. London, 1868. P. 177.

Леопольда I о том, что заключение таможенного союза с Францией может представлять опасность как для Бельгии, так и для всей Европы. В случае создания политического союза Бельгии и Франции, к которому мог привести их экономический союз, баланс сил определенно качнулся бы в сторону Франции. Активная позиция Англии в Бельгийском вопросе показала, что данный сценарий развития событий мог привести к военному конфликту<sup>22</sup>.

Поскольку нейтралитет препятствовал стремлению более сильных держав подчинить политику Брюсселя своим интересам, он успешно служил гарантией европейского равновесия.

Стабилизирующая роль нейтралитета проявила себя и в середине столетия, во время европейских революций, угрожавших устойчивости Венской системы. Когда прогремел гром Февральского восстания в Париже, монархи Европы вспошлились, ожидая, что революционные волнения вскоре перекинутся на соседние страны. Требование Временного правительства Франции о пересмотре основополагающих международных договоров непосредственно затрагивала интересы Бельгии. Одновременно Париж предпринимал попытки вовлечь ее в орбиту своего влияния как политическими, так и экономическими методами. В 1848 г. французы осмелились даже снарядить в Бельгию военную экспедицию. Положение усугублялось тем, что незадолго до начала революции к власти в Бельгии пришел либеральный кабинет. В европейских политических кругах высказывались опасения, что он с большей вероятностью, нежели консервативное правительство, пожертвует нейтралитетом и уступит французским домогательствам.

По словам австрийского посла графа Войны в Бельгии, новость о восстании 22-24 февраля 1848 г. в Париже была встречена в Брюсселе с ужасом. 26 февраля Леопольд предстал перед депутатами парламента и сообщил им о своем намерении ни больше ни меньше, как отречься от престола<sup>23</sup>. «Для Бельгии я пожертвовал многим, но если это будет способствовать ее теперешнему благополучию, то я готов и к этому», – прямо заявил король<sup>24</sup>. Он уже собирался, прихватив деньги и драгоценности, немедленно ехать в Англию, где у него имелось поместье Клермонт, но передумал.

Одуматься короля побудила реакция министров либерального кабинета на революцию. Н. Дельфос, один из умеренно-либеральных

<sup>22</sup> Histoire parlementaire de France: recueil complet des discours prononcés dans les Chambres de 1819 à 1848. Vol. 5. Paris, 1863-1864. P. 128.

<sup>23</sup> Brison de Gooch. Belgium and the February Revolution. Hague, 1963. P. 27.

<sup>24</sup> Discailles E. Un diplomate belge à Paris de 1830 à 1864 (monarchie de juillet). Brux., 1908. P. 225.

политиков, заявил, что французским идеям, шествующим по миру, лучше бы обойти Бельгию стороной, поскольку здесь принципы либерализма уже восторжествовали. Похожую мысль высказал и Меттерних: «Случись в Брюсселе революция, похожая на французскую, в составе бельгийского кабинета мало что изменилось бы»<sup>25</sup>. Отрицал наличие почвы для революции в Брюсселе в противоположность Парижу и бельгийский дипломат Ван де Вейер: «Две столицы не имеют абсолютно ничего общего с тех пор, как в Бельгии инициативы всех реформ принимаются сверху»<sup>26</sup>.

Несмотря на оптимистичную риторику, бельгийское правительство рассматривало возможность обращения к Австрии или Англии за военной помощью против штурмющей Франции. Однако в самом начале революции подобная просьба могла лишь спровоцировать Париж, подтолкнув его к агрессивным действиям<sup>27</sup>. 24 февраля 1848 г. бельгийский кабинет откликнулся на известия из Парижа заявлением о необходимости поддерживать порядок в государстве, охранять границы, соблюдать нейтралитет. Призывом к защите нейтралитета бельгийские политики стремились консолидировать общество и поддержать патриотический дух населения страны<sup>28</sup>.

Весьма трудным для Брюсселя оказался вопрос о признании Временного правительства. Бельгийский посол во Франции князь де Линь поспешил войти в контакт с новыми властями в Париже, поскольку опасался с их стороны агрессивных действий. Князь нанес неофициальный визит министру иностранных дел А. де Ламартину. Сообщив, что еще не получал никаких инструкций из Брюсселя, де Линь тем не менее выразил уверенность в намерения Леопольда I сохранить с Францией добрые отношения. «Больше всего король бельгийцев заботится о благе бельгийской нации, и он будет искать возможность поддерживать наилучшие отношения с Францией, несмотря на то, что состоит в родстве с Орлеанской династией» (Луиза, супруга Леопольда I была урожденной принцессой Орлеанской, дочерью свергнутого в 1848 г. короля французов Луи-Филиппа)<sup>29</sup>. Заявление князя де Линя удовлетворило Ламартина, и на неофициальном уровне между Второй республикой и Бельгией установились доброжелательные отношения.

<sup>25</sup> Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich / réunis par M. A. de Klinkowstroem. Paris, 1880-1884. P. 75.

<sup>26</sup> Discailles E. Op. cit. P. 225.

<sup>27</sup> Brison de Gooch. Op. cit. P. 30.

<sup>28</sup> Juste Th. Histoire de Belgique depuis les temps primitifs jusqu'à la fin du règne de Leopold I. Brux., 1868. P. 268.

<sup>29</sup> Discailles E. Op. cit. P. 326.

Такая поспешность вызвала критику со стороны Англии и Австрии: нейтральной Бельгии, по мнению их правительств, не следовало «забегать вперед», ей не было нужды проявлять инициативу в столь важных международных вопросах. Нейтралитет этого государства, по словам австрийского посла в Бельгии графа Войны, зависел от сохранения мира в Европе, и бельгийцы должны были сознавать необходимость взаимодействия с сильными державами. В разговоре с бельгийским министром иностранных дел Д'Хоффшмидтом граф указал на преимущества согласованных действий в кризисных ситуациях, а также на возможность использования в интересах бельгийской нации могущества Вены, Лондона, Берлина и Санкт-Петербурга, т.е. держав, гарантирующих нейтралитет Бельгии<sup>30</sup>.

Несмотря на позицию держав, Брюссель не отказался от намерения поскорее нормализовать отношения с Парижем. Д'Хоффшмидт полагал, что успех в этом деле прямо зависел от быстроты принятия решений<sup>31</sup>. Для Брюсселя промедление могло оказаться более пагубным, нежели для Вены и Берлина, учитывая его географическую близость к революционному Парижу. «Политическая несамостоятельность Бельгии не являлась условием ее нейтралитета», – заявил австрийскому послу министр иностранных дел Бельгии<sup>32</sup>.

Несмотря на нормализацию отношений между Парижем и Брюсселем, французы все-таки не отказались от попыток «расшевелить» население Бельгии и даже организовали несколько вооруженных вылазок в пограничные бельгийские города<sup>33</sup>. Усилив военные гарнизоны на франко-бельгийской границе, а также заручившись поддержкой держав – гарантов ее нейтралитета, Бельгия доказала, что даже в кризисное время она может справиться с ролью буфера против Франции.

Революция во Франции послужила сигналом к подъему революционных движений повсюду на континенте – от Пиренеев до Одера. Однако вопреки ожиданиям современников за волной революций не последовала общеевропейская война, несмотря на ряд более или менее локальных конфликтов. События 1848 г. не привели к крушению Венской системы. ТERRITORIALНЫЙ статус-кво был восстановлен в том виде, в каком он сложился к началу революций. Продолжал действовать и такой важный фактор поддержания европейского равновесия и всей Венской системы, как бельгийский нейтралитет. Несмотря на

<sup>30</sup> Woyna to Metternich, Feb. 27, 1848. Цит. по: Brison de Gooch. Op. cit. P. 44.

<sup>31</sup> Woyna to Metternich, Mar. 8, 1848. Цит. по: Brison de Gooch. Op. cit. P. 45-46.

<sup>32</sup> Ibid.

<sup>33</sup> Van de Weyer S. Histoire des relations extérieures depuis 1830. Brux., 1852. P. 344.

политические потрясения, происходившие буквально у границ Бельгии, молодое государство выдержало испытания и отстояло свой международный статус.

Государственный переворот 2 декабря 1851 г. во Франции, а затем и провозглашение Второй Империи заставили бельгийское общество задуматься: не пойдет ли Наполеон III по стопам своего дяди? Мало кто сомневался, что самопровозглашенный император попытается вернуть земли на левом берегу Рейна, завоеванные французами еще в конце XVIII в.<sup>34</sup> Долгие годы они принадлежали Франции, которая была вынуждена с ними расстаться лишь в результате поражения в наполеоновских войнах. Император и сам не скрывал, что его целью было разрушение старой системы международных отношений, «державшей Францию в тисках трактатов 1814–1815 гг.».

В этих целях Наполеон III воспользовался Восточным вопросом, противоречия по которому резко обострились в начале 50-х годов. В своем желании разрушить созданный в 1814–1815 гг. международный порядок, он сделал ставку на большую европейскую войну в стиле Наполеона I. Ее целями, помимо прочего, было обеспечить Франции преобладание в Италии и расширить ее территорию до «естественной границы» по Рейну.

В самом начале Восточного кризиса император сообщил бельгийскому правительству о том, что не станет следовать договорам в отношении Запада, в случае, если они перестанут соблюдаться на Востоке<sup>35</sup>. Таким образом, Франция впервые заявила о готовности осуществить ревизию постановлений Лондонской конференции 1831 г. в отношении Бельгии. Бельгийские дипломаты внимательно следили за событиями Крымской войны. Агрессивная политика Наполеона, его враждебные высказывания в адрес правительства и прессы Бельгии привели к охлаждению в отношениях между обоими государствами<sup>36</sup>.

Парижский конгресс 1856 г. зафиксировал изменение некоторых элементов Венской системы, прежде всего соотношения сил между основными державами. Границы государств изменились незначительно, и то лишь на юго-востоке Европы. Но косвенным образом Крымская война неблагоприятно отразилась и на международном положении

<sup>34</sup> Stengers J. Stengers J. Leopold Ier et la France au lendemain du coup d'Etat du 2 décembre // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Metz, 1975. P. 22; Discailles E. Op.cit. P. 378.

<sup>35</sup> Linden H. Anglo-Belgian relations, past and present. London, 1917. P. 102. Наполеон III намекал на то, что если Николай I решит завоевать дунайские княжества, то он воспользуется этим прецедентом и не остановится перед завоеванием территорий на левом берегу Рейна, включая и Бельгию.

<sup>36</sup> Discailles E. Op.cit. P. 446.

Бельгии. Всего лишь через несколько лет, в конце 50-х годов, Наполеон III развязал войну на Апеннинах, которая завершилась помимо прочего аннексией Савойи и Ниццы, а соответственно и заметным нарушением баланса сил в Европе в пользу Франции.

Эти действия Наполеона III, направленные на демонтаж Венской системы, в Бельгии расценивались как прецедент, опираясь на который он будет добиваться дальнейшего расширения французских границ на восток. «После Альп – Рейн?» – с ужасом вопрошали бельгийцы, опасаясь, что император задумал вернуть все земли, принадлежавшие Франции на рубеже XVIII–XIX вв.<sup>37</sup>

Искривляющим образом связь между Савойей и Бельгией объяснил английский министр иностранных дел лорд Джон Рассел, осуждавший политику Второй империи: «Наполеон III аннексировал территории, расположенные у подножия Альп. Если я верно понимаю его намерения, то он не остановится на этом. Правитель, который оправдывает географическими мотивами желание подступить к Альпам, может из тех же побуждений пожелать и Рейн. И если мы промолчим в тот момент, когда он отодвигает свои границы к Альпам, мы вскоре увидим, как он овладевает рейнскими провинциями и присоединяет Бельгию»<sup>38</sup>.

Как считают исследователи, именно этой стране в наибольшей мере угрожала агрессивная политика Наполеона III. «По отношению к Бельгии, амбиции Наполеона были наиболее осуществимы, так как он рассматривал ее как искусственное сооружение, направленное против усиления Франции», – пишет бельгийский историк Жан-Лео<sup>39</sup>. Он дает понять, что французский император не признавал право Бельгии на международную безопасность, гарантировать которую должен был нейтралитет.

Бельгийская общественность питала глубокое недоверие к политике Второй империи. Бельгийский журнал «Le Messager des Chambres» писал в 1858 г.: «Чем большее миролюбие проявляет французское правительство, тем сильнее следует его опасаться»<sup>40</sup>.

Итальянские приобретения Наполеона III подтолкнули бельгийское правительство к тому, чтобы принять серьезные меры по укреплению

<sup>37</sup> Juste Th. Histoire de Belgique... P. 311; Extracts from Moltke's correspondence pertaining to the war 1870-71 / translated by H. Bell. Kansas, 1911. P. 8.

<sup>38</sup> Hansard T. C. Parliamentary debates: official report. London, 1848-1871. HC. Deb. 05 March, 1860. Vol. 156. P. 2249.

<sup>39</sup> Jean-Léo. Napoleon III et la Belgique. Paris, 2002. P. 132.

<sup>40</sup> Jean-Léo. Op. cit. P. 65.

обороны на случай военного вторжения со стороны Франции<sup>41</sup>. «Вооруженный нейтралитет» явился ответом Бельгии на перемены в международных отношениях, связанные с поворотом основных держав к проведению т.н. «реальной политики». Идеи «концерта» отошли на второй план, консультации между монархическими домами прекратились, вопросы международной жизни все больше решались не за столом переговоров, а «железом и кровью». Бельгийский нейтралитет соответствовал скорее духу «концерта», чем силового противоборства. Однако он был подкреплен гарантиями Англии, которая была готова отправить к берегам Бельгии военную эскадру в случае покушения на ее нейтралитет. Военные реформы, связанные с увеличением армии до 100 тыс. чел. и усилением крепостей Антверпена и Намюра также укрепили положение нейтрального государства. Прусский генерал Мольтке, оценивая стратегическое значение Бельгии, полагал, что бельгийский корпус, сосредоточенный в Антверпене, сможет сдерживать французскую армию как раз до тех пор, пока на помощь не придут англичане. По его словам, с точки зрения укрепления своей обороноспособности Бельгия добилась больших успехов, нежели любая другая страна Европы. Прусский генерал признавал: «Изначально присущее бельгийцам чувство абсолютной и неизбежной зависимости Бельгии от Франции исчезло»<sup>42</sup>. Ценность этого признания очевидна: к концу 60-х годов Бельгия в такой мере сумела подпереть нейтралитет собственной военной силой, в какой это было необходимо для выполнения функций буферного государства.

С окончанием австро-прусской войны 1866 г. соотношение сил в Европе изменилось в пользу Пруссии. Правящие круги Второй империи не питали иллюзий на этот счет, о чем свидетельствует признание графа Ф. де Фалу: «Мы оказались повержены в войне, в которой мы не участвовали»<sup>43</sup>. Наполеон III попытался найти способ выровнять пошатнувшийся баланс сил. Он поднял вопрос о территориальных компенсациях, которые, как ему казалось, Берлин должен был предоставить Франции в знак благодарности за ее нейтралитет в австро-прусской войне. Под компенсациями в основном подразумевались Люксембург и Бельгия.

В конце августа 1866 г. французский посол в Берлине передал Бисмарку проект договора, согласно которому Париж признавал все последние приобретения Пруссии и обещал не противодействовать

<sup>41</sup> Discailles E. Op.cit. P. 462.

<sup>42</sup> Extracts from Moltke's correspondence... P. 8.

<sup>43</sup> Juste Th. M. de Bismarck et Napoleon III à propos des provinces belges et rhénanes. Brux., 1871. P. 65.

созданию Северогерманского союза. В обмен на эти уступки Пруссия должна была помочь Франции с приобретением Бельгии и Люксембурга<sup>44</sup>. Канцлер, не возражая против подобного договора, тянул с его подписанием, тем самым освобождая Пруссию от каких-либо обязательств по отношению к Франции<sup>45</sup>. А в 1870 году, в самом начале франко-прусской войны, Бисмарк инспирировал утечку информации – сведения о предложениях Франции опубликовала английская «Таймс»<sup>46</sup>.

Англия мгновенно выступила с протестом против действий Франции<sup>47</sup>. Лондон настоял на подписании дополнительных двусторонних договоров с Парижем и Берлином, по которым обе воюющие стороны брали обязательство уважать нейтралитет Бельгии. Если бы одна из сторон нарушила это обязательство, то Великобритания взяла бы на себя ответственность за оборону Бельгии, а другая сторона пришла бы ей на помощь<sup>48</sup>.

Таким образом, нарушение бельгийского нейтралитета любой из воюющих сторон могло бы привести к общеевропейской войне, так как в конфликт была бы вовлечена Англия. Чтобы избежать такого поворота событий, Франция и Германия не позволили себе нарушить бельгийский нейтралитет во время войны 1870-1871 гг.

Неукоснительно придерживаясь политики нейтралитета и опираясь на гарантии Англии, подтвердившей свою готовность отстаивать суверенитет Бельгии в случае нарушения ее границ, этому небольшому государству удалось сохранить независимость. Хотя стать стеной между Францией и объединенной Германией, предотвратить между ними конфликт Бельгия не смогла, она все же помогла его локализовать, избежать вовлечения в него других государств. С этой точки зрения Бельгия справилась с ролью буферного государства.

На протяжении почти целого века бельгийский нейтралитет с большим или меньшим успехом отвечал на вызовы Венской системе, противостоял попыткам Франции заставить Бельгию следовать в кильватере своей политики. Он видоизменялся вместе с системой, приспособившись к новому принципу «реальной политики» в середине века. Но вместе с крахом Венской системы и началом Первой мировой войны приходит конец почти вековому (84 года, 1830-1914 годы) существованию бельгийского нейтралитета.

---

<sup>44</sup> Harcourt B. Diplomatie et diplomates. Les quatre ministères de M. Drouyn de Lhuys. Paris, 1882. P. 290.

<sup>45</sup> Gramont A. La France et la Prusse avant la guerre. Paris, 1872. P. 297.

<sup>46</sup> British Documents on the Origins of the War, 1898-1914 / edited by G. P. Gooch and Harold Temperley. Vol. 8. London, 1932. P. 372-373. P. 372.

<sup>47</sup> Hansard. Op. cit. HL Deb 25 July 1870. Vol. 203. P. 819.

<sup>48</sup> British Documents on the Origins of the War... P. 372-373.

## **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

**Васильева Наталья Юрьевна** — канд. ист. наук, доц. кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

**Володихин Дмитрий Михайлович** — д-р ист. наук, проф. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, советник директора РИСИ.

**Игнатченко Игорь Владиславович** — канд. ист. наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ.

**Ковалева Дарья Юрьевна** — аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

**Кудрявцева Елена Петровна** — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН.

**Могилевский Николай Алексеевич** — канд. ист. наук, доц. кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

**Петрова Мария Александровна** — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

**Ревякин Александр Васильевич** — д-р ист. наук, проф. кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

**Романова Екатерина Владимировна** — канд. ист. наук, доц. кафедры новой и новейшей истории МГУ им. М.В. Ломоносова.

**Рэндалл Мэтью** — д-р полит. наук, доц. Университета Ноттингема.

**Таньшина Наталия Петровна** — д-р ист. наук, проф. кафедры новой и новейшей истории МПГУ.

*Научное издание*

200 ЛЕТ ВЕНСКОЙ СИСТЕМЕ:  
ПРОЕКТ И ПРАКТИКА  
ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Материалы  
IX Конвента РАМИ  
(Москва, 27–28 октября 2015 г.)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ  
данная продукция не подлежит маркировке

В авторской редакции

Художественное оформление *А.С. Туманова*

Подписано в печать 28.11.2016. Формат 60×84<sup>1/16</sup>.  
Усл. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 500 экз. Заказ 1550

Издательство «МГИМО-Университет»  
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии  
и множительной техники МГИМО МИД России  
119454, Москва, пр. Вернадского, 76



## РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)** является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 27–28 октября 2015 года в МГИМО состоялся IX Конвент РАМИ на тему «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs. национальные интересы». Его программа включила в себя пленарное заседание, 30 секций, два круглых стола, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

### Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

[www.risa.ru](http://www.risa.ru) | [risa@inno.mgimo.ru](mailto:risa@inno.mgimo.ru)



## РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

### Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

### Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноzemцев

### Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Николай Юрьевич Кавешников

### Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

### Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

### Программа мирополитических исследований

и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

### Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

### Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский

Владимир Олегович Печатнов



## РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

**Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами**  
Андрей Вадимович Кортунов  
Виктор Анатольевич Кокшаров

**Программа азиатско-тихоокеанских исследований**  
Алексей Дмитриевич Воскресенский  
Александр Николаевич Панов

**Программа исследований многосторонних институтов**  
Виктория Владимировна Панова  
Марина Вадимовна Стрежнева

**Программа исследований стран БРИКС**  
Георгий Давидович Толорая  
Людмила Семеновна Окунева

**Программа ближневосточных исследований**  
Виталий Вячеславович Наумкин  
Олег Алексеевич Колобов

**Программа исследований международной безопасности  
и конфликтологии**  
Федор Генрихович Войтоловский  
Александр Иванович Никитин

**Программа энергетических исследований**  
Нодари Александрович Симония  
Валерий Иванович Салыгин  
Мария Андреевна Белова

**Программа исследований в сфере международной политической экономии**  
Светлана Павловна Глинкина  
Алексей Владимирович Кузнецов



## **РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ**

### **Программа международно-правовых исследований**

Геннадий Петрович Толстопятенко

Александр Николаевич Вылегжанин

Дмитрий Владимирович Иванов

### **Программа исследований мировой экономики**

Михаил Юрьевич Головнин

Александр Сергеевич Булатов

Марина Алексеевна Петрова

### **Программа цивилизационно-культурных исследований**

Алексей Викторович Шестопал

Галина Мирославовна Лесная

Геннадий Васильевич Осипов

### **Исполнительный директор РАМИ**

Артем Владимирович Мальгин

### **Ответственный секретарь РАМИ**

Владислав Владиславович Воротников